

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2011

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 26 ад 02.02.2011 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatyl
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Kosmonavtov, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest State University named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2011

According to the order of Supreme certification commission № 26
from February 02, 2011, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in philosophical, political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Два века идеологии охранительства	5
Куиш А.Л. Принцип соответствия: онтологический и методологический аспекты исследований	15
Михайлова Н.В. «Невероятная эффективность» как практическая составляющая философско-методологического обоснования математики	25
Финслер О.В. Философские концепции времени в изобразительном искусстве	31
Никонович Н.А. Культурологическое значение и когнитивный потенциал мифологической парадигмы М. Элиаде в контексте современных концептуальных подходов	40
Бакуменко Т.А. Культуротворческая роль традиции в эпоху Серебряного века	47

ПАЛІТАЛОГІЯ

Антанович Н.А. Теории среднего уровня и закономерности политической сферы	54
Давыденко С.С., Нарижная Е.П. Актуальные проблемы местного самоуправления и пути повышения эффективности участия гражданского общества в процессе принятия решений в местных сообществах	62
Котляр И.И. Россия и мировая цивилизация	70
Мельников А.П. О борьбе с коррупцией в Республике Беларусь на современном этапе	76
Молодцова И.Е., Решетникова Н.С. Политическая пропаганда как разновидность политической деятельности на различных этапах общественного развития	82
Северин Э.Н. Теоретические и методологические основы исследования прав человека	91

САЦЫЯЛОГІЯ

Яковук Т.И. Потребительская модель современного туризма	98
Ярмох Эдвард Приемные семьи в системе социальной помощи в Республике Польша: причины и особенности функционирования (социологический и педагогический аспекты)	105
Бреская О.Ю. Социология религиозного гражданина или социология религиозной общины: заметки на полях классической социологии религии	117
Кавецкий С.Т. Проблемы демографической безопасности в период системной трансформации	126
Антонова Т.А. Особенности внутриреспубликанской миграции населения Брестской области: сравнительный анализ по итогам 2007–2009 гг.	134
Мартищенко Е.В. Проблемы формирования адекватного целям социально-экономического развития Республики Беларусь общественного мнения по вопросам использования атомной энергетики	144
Широканова А.А. Формы научной коммуникации в информационном обществе	150
Звесткі аб аўтарах	158

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. Two Centuries of Protective Ideology.....	5
Kuish A.L. The Correspondence Principle: Methodological and Ontological Aspects of Investigations.....	15
Michailova N.V. «The Incomprehensible Efficiency» as Practical Composition of Philosophy-methodological Basing of Mathematics	25
Finsler O.V. Philosophical Conceptions of Time in Fine Arts.....	31
Nikonovich N.A. Culturological Value and Cognitive Potential of M. Eliade's Mythological Paradigm in the Context of Contemporary Conceptual Approaches.....	40
Bakumenko T.A. Culture Creating Role of Tradition in the Silver Age	47

POLITOLOGY

Antanovich N.A. Middle Range Theories and the Tendencies of Political Sphere	54
Davydenko S., Naryzhnaya A. Problems of Local Self-government and the Ways of Assuring Effective Civil Society Participation in Decision Making in Local Communities	62
Kotlyar I.I. Russia and World Civilization.....	70
Melnikov A.P. Fighting Corruption in the Republic of Belarus at Present.....	76
Maladtsova I.E., Reshetnikova T.S. Evaluation of the Consequences of Public Policy: functional analysis.....	82
Severin E.N. Theoretical and Methodological Bases of Researches of Human Rights	91

SOCIOLOGY

Yakovuk T.I. Consumer Model of Contemporary Tourism	98
Edvard Yarmokh Foster Families in the System of Social Aid in Poland: Reasons and Peculiarities of Functioning (Sociological and Pedagogical Aspects).....	105
Breskaya O.Y. Sociology of “religious citizen” vs. sociology of religious community: some notes on the classical sociology of religion	117
Kavetsky S.T. Issues of Demographic Safety During Systemic Transformation.....	126
Antonova T.A. Peculiarities of Intrarepublican Migration of the Population in Brest Region: Comparative Analysis on the Results 2007–2009.....	134
Martischenkova E.V. The Problems of Forming the Public Opinion on Nuclear Energy Adequate to the Objectives of Social and Economic Development of Belarus	144
Shirokanova A.A. Forms of Scientific Communication in Information Society	150
Information about the authors	158

УДК 140.8

Б.М. Лепешко

ДВА ВЕКА ИДЕОЛОГИИ ОХРАНИТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается генезис охранительных идей. Характеризуются взгляды М. Каткова, К. Победоносцева, К. Леонтьева, показана взаимосвязь охранительной идеологии с консервативным мировоззрением нашего времени. Анализируются идеологические концепты XX–XXI вв., некоторые идеологические теории в России и Беларуси. Обосновывается точка зрения, согласно которой некоторые постулаты идеологии охранительства могут быть востребованы и в наши дни.

У точки зрения, получившей со временем название «идеологии охранительства», незавидная судьба. Почти сразу со временем концептуального появления и формирования данной идеологии, а это третья четверть XIX века (хотя некоторые идеи были сформулированы несколько раньше, во времена министра образования России С.С. Уварова), её сопровождали оценки, характеристики, как правило, негативного свойства. Прослыть «охранителем» тогда, во времена Александра Герцена, Николая Чернышевского, Дмитрия Писарева, Николая Добролюбова значило то же самое, что записаться в обскуранты, махровые консерваторы, словом, стать в стан «врагов прогресса» и защитников обветшавшей Российской монархии. Быть «охранителем», это значило ощущать духовное, идеологическое родство с политикой и взглядами Константина Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, главного охранительного идеолога страны во второй половине XIX в. Быть «охранителем» значило упорно держаться за старое, не видеть и не понимать важности и необходимости конституционных, демократических перемен. Хотя надо сразу же заметить: появление охранительной идеологии – это во многом ответ на вызовы идеологии революционно-демократической и идеологии либеральной.

Но дело ведь не только в веке девятнадцатом. Идеология марксизма, устремлённая к сияющим высотам коммунистического общества, на словах всеми силами и средствами ограждала себя от охранительных идеологических предпочтений, вновь оперируя такими понятиями, как «прогресс», «передовые идеалы», «борьба с отжившими ценностями прошлого» и т.д. То есть и в веке XX у нас идеологии охранительства вроде бы не было места, как не было места реликтам консервативного прежде всего мышления. Что уж говорить о веке нынешнем, когда на кону «модернизация», «европейские ценности», «передовой западный опыт», иногда звучит даже «вестернизация» и тому подобные вещи.

Тем не менее, на наш взгляд, есть смысл вернуться к идеологии охранительства в том виде, в каком она была сформирована её теоретиками М.Н. Катковым, К.П. Победоносцевым, К.Н. Леонтьевым. Но рассмотреть её вовсе не в силу абстрактного академического интереса. Нет, суть в ином. На наш взгляд, идеология охранительства, взятая именно как «охранительство», присуща не только тому времени, в котором она была рождена. Представляется, что в той или иной степени идеология охранительства «жила» с нами все последние два века, если быть более точным, почти два века. Разве не была «охранительной» идеология марксизма? Разве не была основной функция «охранения» для многочисленных идеологических концептов, рождённых на переломе прошлого и нынешнего веков? Разве не утверждают – применительно к политике модернизации Д. Медведева – что она консервативна по духу и сути? Скажут: предмет идеологии охранительства в этом контексте чрезмерно расширен, теряется сама суть

идеологии охранительства, если её брать в «чистом», историческом виде. Да ведь более того: функция охранительства присуща любой идеологии, любая идеология защищает ту систему ценностей, которой она рождена и которую призвана защищать. Что ж, аргументы весомые. Однако и они подтверждают важность и необходимость обращения к таким образом обозначенному предмету исследования.

1

Михаил Никифорович Катков, трудный по характеру, амбициозный, очень талантливый публицист и организатор журнального дела, вошёл в историю журналистики, политики как родоначальник политической печати. Но что важно: становление политической печати в России и концептуальное формирование идеологии охранительства фактически совпали по времени. В 1862 году редактор «Русского вестника» писал: «В чём состоит истинное назначение охранительного начала? Истинно прогрессивное направление должно быть, в сущности, консервативным... Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней» [1, с. 20]. «Чуткий, понимающий себя консерватизм, не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересах своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-нибудь существенного. Истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным» [1, с. 20–21].

Здесь сформулировано сразу же несколько фундаментальных идей идеологии охранительства. Первая из них: данная идеология, по сути, является идеологией консервативной. В контексте приведённых мыслей М. Каткова идеология охранительства и идеология консервативная – понятия синонимичные. Оговоримся сразу же, что есть несколько понятий, близких по смыслу, но не тождественных, в которых в той или иной мере отражается идеология охранительства. Это, скажем, тот же консерватизм, традиционализм (Э. Бёрк и некоторые иные).

Вторая: сам по себе прогресс не обладает самоценностью; прогресс тогда имеет смысл, когда коренится на неких основополагающих, базовых, традиционных ценностях. Вообще говоря, понятие «прогресс» встречается в идеологии охранительного направления столь часто, что становится понятно: его сторонники хорошо понимали важную проблему соотношения прошлого и будущего, традиций и новаций. Более того, смысл этих ремарок М.Н. Каткова заключается в том, что охранительство всегда «подавалось» как синоним развития, но никак не стагнации. Быть консерватором, быть охранителем значило смотреть вперёд, идти вперёд, однако при условии понимания и сохранения базовых ценностей. Конечно, как понимать это развитие, что значит «идти вперёд» трактовалось различными идеологами по-разному.

Третья: противоречия между «прогрессом» и «охранительством» если и существует, то носит искусственный, неорганичный характер; в конечном счёте всё зависит от понимания самих этих дефиниций. Развивая эту мысль, великий публицист отмечал, что прогрессистом выглядеть легко, почётно: кто ж будет возражать против светлого будущего, окрашенного в розовые тона. Намного хуже с тем, кто пытается защищать охранительные начала. Консерватор – это обскурант, крепостник, ненавистник рода человеческого. Прогрессист, очевидно, человечеству друг, готовый на любые мыслимые жертвы во имя просвещения, гуманизма, реформ. Ошибка здесь, по мнению М. Каткова, заключается в непонимании самой сути охранительства как идеологии. Дело в том, что «интерес охранительный состоит не в том, чтобы помешать дальнейшему развитию начала, которое ему дорого, но чтоб обеспечить и оградить самое его существование» [1, с. 111].

Но закономерно встают в этой связи два вопроса. Первый: какие такие начала нужно охранять, и второй: не вступает ли охранение в противоречие с жизнью, не является ли оно тормозящим фактором, которое должно быть сметено.

Русская революционно-демократическая традиция, да и традиция либерально-демократическая, давно дала ответы на эти вопросы: конечно, охранительные ценности, охранительная практика является тормозящим фактором на пути всё того же прогресса. Но если мы с позиций уже XXI века попробуем взглянуть на этот исторический спор, то окажется, что всё выглядит не так однозначно. Один пример. Если мы исключим те благородные намерения, которыми были переполнены лидеры марксистов, либералов, а обратимся к практике, к той самой бурлящей реальной жизни, то легко заметим, что бедствия и страдания, которые были принесены русским народом, славянами на алтарь прогресса, были столь высоки, что вопрос о «цене прогресса» не покажется надуманным. Не привожу здесь ни цифр, ни фактов, они широко известны. Замечу лишь, что гражданская война, перестройка – это звенья, по сути, одного порядка, и говорить о том, что все жертвы были понесены в рамках реализации замечательных революционно-демократических, либеральных идей, – это значит сознательно дискредитировать эти самые идеи.

Но вернёмся к М. Каткову. Существенными элементами той охранительной идеологии, которую выстраивал мыслитель, было самодержавие, монархический принцип; ценности православной веры, православного мировоззрения; стремление к реализации сильной национальной политики и защита, прежде всего, национальных интересов; обязательные и существенные реформы в сфере образования и науки; идея геополитического, мировоззренческого единства восточных славян и некоторые иные. В данном случае нет возможности подробно анализировать все идеи, обратимся к важнейшим постулатам.

Мыслитель исходил из того, что «мы бедны», что начала нашей жизни ещё только оформляются, что у нас фактически нет политической жизни, а вместо гражданского общества – некие призраки идеи и имитация активности. Мы фактически одиноки в мире, и многие готовы «разорвать нас части» как в фигуральном, так и в буквальном смысле этого слова. Русская земля собралась только после Петра. «И теперь нам говорят, что русская земля через меру обширна, что мы обязаны отречься от нашей истории, признать её ложью и призраком и принять все зависящие от нас меры, чтобы обратит в ничто великий результат, добытый тяжким трудом стольких поколений. Нам говорят... что обширное протяжение русской территории и тягостно, и неудобно и что оно должно быть снова раздроблено, раздроблено нашими собственными руками; нам говорят, что с нашей стороны и невеликодушно и нелиберально занимать столь большое пространство; нам говорят, что мы должны возгнушаться громадностью нашей государственной области, что мы должны отделить от неё преимущественно западные окраины» [1, с. 74]. Эта цитата примечательна и тем, что помести её в контекст первого десятилетия XXI века, мало кто заметит стилистику прошлых лет, но все согласятся с её фактической истинностью.

Из этой констатации следует, что первоочередной задачей является задача укрепления государственной власти, задача укрепления монархии. Мыслителю принадлежит целый ряд верных формулировок, сохранивших актуальность по сей день. Скажем, он замечает, что «власть государства не на мнениях основана; или её нет на деле, или она держится сама собой, независимо от мнений» [1, с. 85]. Далее отмечает, что «в вопросах государственного свойства всё должно оцениваться с точки зрения государства, и притом не какого-нибудь, не отвлечённого, но действительного, живого, того, которому мы служим» [1, с. 90]. «Национальная политика состоит только в том, чтобы правительство было правительством своей страны, чтобы оно было силой только своего

народа» [1, с. 149]. И ещё: «Мотив жалости имеет место и смысл только между людьми, отнюдь не между государствами. Слабое государство, не способное ни обороняться, ни управляться, не жалеют, а презирают и – добивают» [1, с. 154].

Как получается, весь вопрос в том, что охранять и как охранять. Если охранять государство, если охранять национальные интересы, если охранять собственное понимание национальных ценностей, то смысл в этом охранительстве есть и смысл немалый. Что же касается «прогресса», «либеральных ценностей», «ценностей коммунистических», то, очевидно, эти ценности могут быть приняты сами по себе, пусть конкурируют и весь вопрос в том, какой ценой они достигаются. Если не ценой крови, то они не только конкурентоспособны, но и жизнеспособны.

Немалую роль здесь играют и личные качества охранителей. Да, тот же М. Катков был амбициозен, мог преувеличивать свою роль в политике (расстановке министров, влиянии на царя и т.д.). Но его критика влиятельных лиц в ряде случаев была столь резкой, вскрытие им проблем было столь ошеломляющим, что личная искренность, личная неангажированность выглядела в этой ситуации второстепенным фактором.

Конечно, Россия времён М. Каткова – это не Англия, не США, не Франция и не Германия. Россияне, активно читающие зарубежную литературу, побывавшие за границей, познакомившиеся с конституционной, политической практикой, уровнем жизни населения, формировали, «привозили» с собой идеи, которые никак не увязывались с охранительной идеологией. Так жить в России дальше было нельзя, и это понимание становилось преобладающим в обществе. Но весь вопрос даже не в этой констатации, ясной и не требующей аргументации. Весь вопрос в том, какими путями можно было реализовать светлые и благородные цели. М. Катков предлагал охранять базовые (на его взгляд) ценности и, укрепляя эти ценности, привносить в политическую, экономическую жизнь новые идеи и привлекать новых людей. Надо признать прямо: общество не поддержало ни его самого, ни его идеологию. Общество посчитало обязательным и необходимым вступить на путь конституционных реформ, политических изменений, на путь революций и гражданских войн. И здесь возникает сакраментальный вопрос: кто от этого выиграл? Сакраментальный, поскольку и одна безвинно загубленная жизнь не стоит самой продвинутой и прогрессивной идеологии. А безвинно погибли за время революций и реформ не один, не два – миллионы. В этом смысле речь сегодня идёт о том, что главная идея М. Каткова может приобрести совсем иной контекст и совсем иное звучание. Причём в поле данных размышлений вовсе не идёт речь об обязательной целесообразности консервации неких устоявшихся форм и представлений. Речь идёт о том, что главная идея М. Каткова сегодня может «читаться» и восприниматься по-другому. Суть этой идеи проста и ясна: *обществу надо определить базисные национальные ценности и сохранять их, развивать их, относиться с достаточной долей скепсиса к различным идеологемам как «восточного», так и «западного» свойства.*

2

Похожим образом, как и судьба М. Каткова, сложилась судьба (литературная, философская, политическая) ещё одного известного охранителя той поры, Константина Петровича Победоносцева. Кто только не цитировал стихи А. Блока, в которых говорилось о том, как Победоносцев распротёр над Россией свои «совиные крыла». Но и здесь не всё ныне представляется так однозначно, конечно, в аспекте идеологии охранительства.

То, что обер-прокурор Святейшего Синода был охранителем в том смысле, в каком мы эту проблему уже обозначили, сомнений не вызывает. Самодержавие, православию, народность – да, «уваровская тройка» налицо. Да, налицо неприятие конституционализма, парламентаризма, причём аргументация выглядит известной, даже трафаретной. Скажем, в письме к Александру II он пишет: зачем в России конституция, по-

тому что вся Европа в конституциях? «Да мало ли в какой проказе Европа грехами своих фарисеев и книжников? Не прививать же России, к, слава Богу, здоровому телу вместо православия папизм и нигилизм, вместо общины майорат и пролетариат, вместо самодержавия конституцию и коммуну только потому, что в Европе ни Бога, ни царя, ни народа» [2, с. 12]. А вот уже из письма к Александру III: «Странно слышать умных людей, которые могут серьёзно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» [2, с. 40].

Конечно, цитируя самого К.П. Победоносцева, надо учитывать жёсткое неприятие конституционных идей со стороны русских монархов, задающих тон. Достаточно вспомнить замечание главы кабинета министров С. Витте, которое приводит в «Воспоминаниях» П.Н. Милюков. Речь шла о том, что власть должна была принять конституционные проекты. Глава кабинета министров отвечал на это так: «Государь относится к самодержавию, как к догмату веры, как к своему долгу, которого он ни в целом, ни в части он уступит, кому бы то ни было, не может» [5, с. 252]. Какое в этом контексте может быть обсуждение конституционных проектов? Да и известная ремарка П. Милюкова, который пишет в своих текстах, что «Великий князь Николай Николаевич с револьвером в руке вынудил у царя подписание манифеста 17 октября» [5, с. 322–323], говорит о многом. Можно вспомнить позицию и предшествующего царя, Александра III (1883 год): «Я слишком глубоко убеждён в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует в Европе. Пусть меня ругают, и после моей смерти будут ещё ругать, но, может быть, наступит тот день, когда и добром помянут» [2, с. 308]. Здесь важно подчеркнуть вот какую мысль: да, идеология охранительства формировалась и развивалась вследствие объективных предпосылок, однако нельзя сбрасывать со счетов и такой мощный фактор, как позиция правящего дома, консервативно-охранительная по своей сути.

Но главное всё же, иное: каким образом К.П. Победоносцев намеревался реализовать охранительные постулаты? Надо признать: эти меры не поражали новизной и принципиальностью. В 1887 году в письме царю, он задаётся этим вопросом: что делать, чтобы исправить положение? «Нельзя выследить всех их, нельзя вылечить всех обезумевших. Но надо бы допросить себя, отчего их так много, обезумевших юношей, не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем не свойственную нам систему образования, которая, отрывая каждого от среды своей, увлекает его в среду фантазий, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает на большой рынок жизни без определённого дела, без связи с действительностью и народной жизнью, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует всего от жизни, ничего само, не внося в неё» [3, с. 212]. То есть всё те же идеи: ярко выраженная сословность, контроль за образовательным процессом, «реализм», «конкретное дело», за которыми просматривается укрепление всё той же сословности.

Идеология охранительства в том виде, как её защищал и развивал К.П. Победоносцев, основывалась прежде всего на идее совершенствования системы образования. Резкий рост церковно-приходских школ, усиление роли, влияния православной идеологии, православных священников, жёсткий контроль за деятельностью университетов – это лишь некоторые меры из этого смыслового ряда. В качестве примера вспомним о том жёстком прессинге, которому подвергался Вл. Соловьёв, выдающийся философ, мыслитель либерального направления. После речи Вл. Соловьёва в 1881 году, когда он призвал нового царя помиловать убийц Александра II, его лишили кафедры, он стал неугоден в государственных университетах и государственной печати. На публичных чтениях («Чтения о Богочеловечестве») всегда присутствовал «специально обученный человек», докладывающий обер-прокурору о характере произносимых речей. Вот, на-

пример, записка министра внутренних дел, графа Д. Толстого: «Из прилагаемой справки Вы увидите, уважаемый Константин Петрович, что Соловьёв не будет произносить никакой речи на литературном вечере» [2, с. 331]. А вот письмо самого обер-прокурора Александру (III 1888 год): «Благоволите, ваше императорское величество, обратить внимание на прилагаемую статью о Соловьёве, коего действия возбуждают теперь столько толков и негодования в России. Вот до какого безумия мог дойти русский умный и учёный человек, и ещё сын С.М. Соловьёва. Гордость, усиленная ещё поклонением со стороны некоторых дам, натолкнула его на этот ложный путь» [3, с. 393]. И резолюция царя: «Действительно, это страшно печально, и в особенности – подумать, что это сын милейшего С.М. Соловьёва». Речь идёт о работе мыслителя «Русская идея», первоначально напечатанной во Франции. Странное чувство возникает при чтении переписки такого рода: трезвый политик, умный профессор, юрист, склонный к чётким формулировкам, тем не менее связывает идеи Вл. Соловьёва с «безумием», «гордостью» и «влиянием дам». Даже учитывая адресат, подобного рода ремарки подтверждают нежизнеспособность «охранения» в таком виде.

Другими словами, нет никакой необходимости идеализировать практику деятельности охранителей, поскольку, в частности, их жёсткое отношение к свободомыслию любого рода известно. Но стоит обратить внимание на то, что и сам Победоносцев, и его критики соглашались: если бы Россию не «подморозили» тогда, в последней четверти XIX века, то разрушение великой империи произошло бы намного раньше. Хорошо это или плохо – дело исключительно политического вкуса.

И К.П. Победоносцев, и К.Н. Леонтьев – патриоты Отечества, люди, преданные родной земле, граждане, которых никто не посмел назвать «компрадорами», «изменниками» и т.п. Когда сегодня думаешь, чем руководствовался тот же К.Н. Леонтьев в своём желании «подморозить» Россию, усиливая и укрепляя тот каркас, на котором держится российская государственность, то понимаешь: в этом стремлении нет ничего личного, амбициозного, карьеристского. Налицо уверенность в своей правоте, основанная, главным образом, на двух вещах: основополагающих ценностях русского общества и теоретических, концептуальных выкладках. Суть последних, если не прибегать к детальному разъяснению, общеизвестна и концентрируется вокруг нескольких положений. Назовём некоторые из них: «истинный прогресс в России возможен на основании только русской народности» (М. Катков); западные идеологи вносят смуту, «эти смутные идеи, проникая в невежественную среду и находя восприимчивую почву в бродячих элементах, окончательно сбивают с толку неподготовленные умы» (из письма Б. Чичерина К.П. Победоносцеву [2, с. 102]); единая мировая цивилизация отсутствует, народы не имеют общей столбовой дороги, путей развития столько же, сколько исторических народов, отсюда важность, объективность национального своеобразия, неповторимости (К. Леонтьев); религиозность иррациональна, и то, что внешне кажется отталкивающим в некоторых формах, по сути, является понятным, логическим и даже прекрасным (К. Леонтьев), и некоторые иные.

В этой части целесообразно поставить такой вопрос: что было причиной тому, что охранительная идеология в том виде, в каком она концептуально оформилась во второй половине XIX века, не принесла успеха? Понятно, что вопрос чрезвычайно широк и сложен, но в части именно идеологической есть смысл остановить внимание на следующем. Несмотря на заявленные стремления к «развитию», «прогрессу», каждый шаг по пути этого развития, прогресса давался очень тяжело при сильнейшем сопротивлении многих консервативных сил и прежде всего двора. Неприятие основополагающих ценностей западной цивилизации было столь сильным, что попытки реформ всё время упирались в непреодолимый барьер «национальной специфики». Кроме этого, не надо преувеличивать концептуальную целостность охранительных мероприятий

идеологического характера: были «подходы», но не было того, что мы сегодня называем «идеологией». Да и точки зрения основных теоретиков идеологии охранительства могли существенно расходиться. Это сегодня мы выстраиваем смысловой ряд: Катков, Победоносцев, Леонтьев... Но ведь основная работа К. Леонтьева «Византизм и славянство» (1875) стала цитироваться, стала известна тогда, когда уже было, собственно, поздно: «подмораживать» было нечего. А широко известным трактат стал фактически в наши дни, в конце уже XX века. Основной вывод из сказанного таков: *логика истории была не на стороне базисных ценностей охранительного содержания. Но это несколько не означает, что сами ценности не были востребованы уже позже, в иной исторический период.*

3

Советская государственность, идеология советского периода внешне были достаточно далеки от той триады, которая «отрабатывалась» деятелями охранительного направления. Самодержавие кануло в Лету, православие была объявлена мировоззренческая война, вместо «русской народности» появился «народ советский». Теория формаций «заменила» леонтьевские идеи о множестве столбовых дорог развития человечества, классовая теория – идею сословного представительства, Россия советская вытеснила Россию монархическую. И вместе с тем нельзя сказать, что идеология XX века в нашей стране была столь чужда идеологии охранительной, как это может показаться на первый взгляд. Можно утверждать, что по мере развития и консервации советской системы идеология охранительства – частично в новых формах, частично реанимируя ценности прошлого – вновь заявила о себе.

Основной тезис можно сформулировать в таком виде: *наше общество испытывает потребность в ценностях консервативного порядка, почвеннических по духу, и «замена» в идеологических концептах слова «царь» на «генеральный секретарь», «народность» на «советский народ», экстраполяция светлого будущего с небес на землю ничего принципиально не меняет.*

Конечно, секретаря по идеологии брежневских времён Михаила Андреевича Суслова сложно поставить рядом с фигурой Константина Петровича Победоносцева: масштаб всё же не тот. Победоносцев – университетский профессор, автор многотомного курса «Гражданское право», многих иных работ. Суслов – сугубо партийный функционер, охранитель догматического порядка. Однако функции, которые они выполняли, были идентичны: определение базисных ценностей и их защита всеми доступными средствами.

Здесь важно подчеркнуть вот какую мысль: мало признавать возможность развития, возможность прогресса в узко очерченных пределах. Это допускают и идеологи охранительного толка. Важно допускать возможность инакомыслия, мало того, видеть правоту в тех идеях, которые защищают идеологи иных течений, иных направлений. А вот этого не хватало ни К.П. Победоносцеву, ни М.А. Суслову. Хотя аналогии убеждают: чему-то мы всё же учимся. Николай II предпочёл отречься, но «не сдал» монархический принцип. Б.Н. Ельцин, при всей противоречивости и непоследовательности его политики, всё же не стал цепляться за власть в духе известных деятелей брежневского периода и тем самым способствовал укреплению демократических начал.

Фактически ровно через столетие после катковско-леонтьевских откровений советское государство повторило основные ошибки идеологов поры Константина Победоносцева. Охранительная идеология превратилась в самоцель, в идеологическом аспекте все иные точки зрения были загнаны внутрь, в подполье, альтернативные концепты приветствовались лишь в качестве объекта для уничтожающей критики. В итоге охранители уничтожили сами себя. И ситуацию не спасает констатация того факта, что все они лично были добрыми, умными, патриотически настроенными гражданами. Ес-

ли дело жизни проиграно (а оно было проиграно и М. Катковым, и М. Суловым) то причём здесь «хорошие люди»?

В этой связи закономерно встаёт вопрос о ситуации, которая сложилась на сегодняшний день. Обратимся к политической практике России и Беларуси.

Казалось бы объявленная президентом России Д. Медведевым модернизация страны лежит вне охранительной идеологии. И тем не менее из уст идеологов Кремля всё время слышатся утверждения, что эта политика – консервативная по своей сути.

Отвлекаясь, заметим, что быть консерватором вновь стало модно. Консерватором считает себя даже г-н Зюганов, лидер КПРФ, утверждая, что ресурс революций партия исчерпала. Но вопрос не в том, кто является консерватором, а кто нет. Основной вопрос всё тот же: какие базисные ценности идеология должна консервировать? Ведь если послушать руководителей России, то становится понятно: страна накануне системного кризиса. Коррупция, неуправляемость системы МВД, война на Кавказе, угроза технологических катастроф, экологические проблемы, проблемы демографические, пьянство и т.д. Получается, что «консервировать» особенно нечего, кроме уже апробированных понятий, максим: православие, государственность, народ. Все ссылки на некую «свободу» и такую же «справедливость» не выдерживают критики даже среди идеологов «Единой России».

Вообще говоря, все понимают, чего делать не надо. Хуже с позитивной составляющей: её как не было, так и нет. В результате многочисленных дискуссий приходят к выводу, что может быть востребован лозунг «Умеренный прогресс в рамках порядка». Но тут же сами оспаривают его. Утверждают принцип «Россия вперёд, к консерватизму», но затрудняются определить этот самый консерватизм как очередное светлое будущее. Да и как совместить такие понятия, как «прогресс» и «консерватизм», в новых условиях не всем понятно. Следует новая констатация: «Против радикалов, но за стабильность» – и опять ощущается путаница в понятиях. Все повторяют, что надо бы создать то, что достойно сохранения. Но ничего подходящего в голову не приходит, на деле ничего не создаётся. Брать от жизни? Но что делать, если жизнь «молчит»?

В модернизационном российском проекте много говорится о силе закона, диктатуре закона. Говорится даже о том, что основной в стране должна стать «партия юристов». Оппоненты же утверждают, что закон сам по себе мёртв, нужна «душа» перемен, а душа – это личность, конкретный человек. Здесь сразу же вспоминаются слова М.Н. Каткова по этому поводу. Известный публицист писал: «Царь, по истинному о нём понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, достаточен, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мёртвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остаётся ненаказанным; закон в книге благоустраивает общественные звания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мёртвый в книге, оживает в деяниях; а верховный государственный деятель и возбудитель подчинённых деятелей есть царь» [1, с. 118]. Практика, в том числе и современная российская, во многом подтверждает истинность максимы Михаила Никифоровича.

Но вернёмся к поставленным ранее вопросам и, в частности, первому из них: почему же модернизационные проекты объявлены консервативными по сути? Ответ лежит в нескольких смысловых плоскостях. Во-первых, страна устала от революций, более того, она устала и от реформ. Ни одна существенная политическая сила в России, кроме нескольких узких групп революционеров, не заявляет о своих революционных намерениях, а о реформах говорится в весьма осторожных выражениях. Во-вторых, ощущается потребность в стабильности, устойчивом развитии. Общество требует спокойствия, в том числе и социального. В-третьих, все устали от сплошного отрицания, и

есть потребность и в понимании преемственности национального развития, и в востребованности идей тех идеологов, которые сохраняли базисные ценности.

И следующая важная проблема: так что консервировать? Очевидно, что никто не хочет консервировать статус-кво, уж слишком непрезентабельно оно выглядит. Многие говорят о важности преодоления бедности, поскольку Россия, несмотря на все её богатства и сформировавшуюся группу нуворишей, бедная страна. Но один вывод несомненен: понимание базисных ценностей, несмотря на многие заявления, не сформировано. Как зло иронизируют некоторые публицисты, у России есть одна базовая идея, идея крепостничества, сохраняющаяся, в той или иной мере, до сих пор. Всем понятно, что нужно искать нужное сочетание консерватизма и модернизации, но пропорции этого сочетания неизвестны. Есть потребность в социальных алхимиках, идеологах, которые смогли бы сформулировать рождающиеся в муках истины.

Но эти же острые вопросы в той или иной мере присущи и белорусской политической, идеологической практике. И чувство ответственности в этой констатации – определяющее чувство. Вновь вспоминаются слова М. Каткова, звучащие очень актуально: «Наше поколение держит в своих руках историческую будущность русского народа. Наша задача так колоссальна, что поневоле становится жутко» [1, с. 60]. Без всякой жути можно констатировать, что нынешнее поколение белорусов держит в своих руках судьбу белорусского народа.

И ведь охранительные идеи, охранительная идеология как консервативные, традиционалистские по характеру феномены востребованы и сегодня, поэтому не надо бояться говорить сегодня об идеологической практике в контексте охранительной идеологии. Конечно, не надо цепляться за отжившие формы, но ведь надо охранять наши национальные ценности. Что, собственно, и делается. Не надо всё время смотреть назад, клясться прошлым, но надо видеть в этом прошлом то, что позволяет нам смело смотреть в будущее. Не надо мыслить в категориях одной истины, одной точки зрения, однако надо уметь защищать своё видение национальных перспектив.

Скажут: так ведь охранители проиграли, надо ли брать на вооружение психологию проигравших? Во-первых, разве они проиграли? Ведь те же идеи русских охранителей классического периода востребованы и сегодня. Разве не говорят ныне в России о важности духовных достижений православия? Разве не утверждают собственную политическую самобытность – вспомним известный тезис о суверенной демократии? Разве не говорят о народе, народности как носителе правды, справедливости и совести? Достаточно обратиться к программным текстам «Единой России», чтобы убедиться в том, что консервативная, охранительная идеология там не просто поселилась, она там выглядит хозяйкой. И это, на наш взгляд, правильно, нормально.

Во-вторых, если обратиться к практике национального развития многих западных стран, то разве не под консервативными флагами, не под консервативными лозунгами был достигнут весьма ощутимый прогресс в этих странах?

Что ж в итоге? В итоге есть понимание того, что идеи охранителей вовсе не ненужный хлам, с которыми наше общество давно рассталось и давно их забыло. Идти вперёд, конечно, надо, но призыв охранителей всегда видеть в этом движении некие базисные ценности, базисные нормы остаётся актуальным. Преемственность – это не только философская категория. Это и понимание вполне обыденных жизненных вещей, вроде того, что отцы и деды жили не даром, что мы не просто помним о них, но мы и уважаем их дело. Традиции – это не просто песни и пляски, словом, фольклор. Традиции связаны, с и с политическим устройством, и с уважением к формам общественного мироустройства. Это и те неразвитые элементы гражданского общества, которые мы воспроизводим сегодня. Словом, это меньше всего прошлое, это наши сегодняшние реалии, которые мы обязаны передать дальше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катков, М.Н. Идеология охранительства / М.Н. Катков. – М. : Ин-тут рус. цивилизации, 2009. – 800 с.
2. К.П. Победоносцев и его корреспонденты : Воспоминания. Мемуары: в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. Т. 1. – 448 с.
3. К.П. Победоносцев и его корреспонденты : Воспоминания. Мемуары: в 2 т. – Минск : Харвест, 2003. Т. 2. – 672 с.
4. Леонтьев, К. Поздняя осень России / К. Леонтьев. – М. : АГРАФ, 2000. – 336 с.
5. Милюков, П.Н. Воспоминания: в 2 т. – М. : Современник, 1990. Т. 1. – 446 с.
6. Милюков, П.Н. Воспоминания: в 2 т. – М. : Современник, 1990. Т. 2. – 446 с.

Lepeshko V.M. Two Centuries of Protective Ideology

The genesis of protective ideas is considered in the article. The Views of M. Katkov, K. Pobedonostsev, K. Leontiev are characterized, also the interconnection of protective ideology with a modern conservative outlook is interpreted. Ideological concepts and several Russian and Byelorussian ideological theories of The XX and XXI centuries are analyzed in the article. The point of view according to which some of the postulates of protective ideology can be demanded in our days is justified.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.01.2010

УДК 167

А.Л. Куиш

ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье проводится анализ предыдущих исследований принципа соответствия и предлагается их классификация. Выявляются основные свойства отношения соответствия, такие как асимптотическое схождение результатов теорий в пограничных областях их действия, корреспонденция математических аппаратов и языков теорий, соотношение доменов теорий. Исследуется сущность связи соответствия теорий с выделением её методологического и онтологического аспектов. Определяются понятия «принцип соответствия», «отношение соответствия», «корреспонденция структурных элементов теории». Указывается на перспективы дальнейших исследований.

Введение

Принцип соответствия является одним из ключевых принципов развития физической науки. Со времени своего появления он постоянно вызывает интерес как физиков, так и методологов науки. Это не случайно, ведь действие этого принципа оказывает существенное влияние на процесс развития физического знания. С одной стороны, он играет важную методологическую роль в процессе создания новых теорий, отвечающих определённым условиям. С другой стороны, он является выражением особого типа взаимосвязи физических теорий, отличного от таких связей, как отношение редукции, унификации и др.

Исследования принципа соответствия представляют немалую ценность для философии и методологии науки, поскольку напрямую связаны с решением таких проблем как преемственность в развитии науки, единство научного знания, пути и способы его развития и др. Эти исследования также позволяют решать многие проблемы, стоящие перед физической наукой. В частности, внести ясность в представления о взаимосвязи физических теорий; более точно определиться по отношению к другим принципам физики, таким как принцип дополнительности, простоты, математизации, наблюдаемости; предлагать решения определённого класса прикладных задач, связанных с созданием новых теорий и другие.

Принципу соответствия было посвящено довольно много исследований, однако они не привели учёных к единым взглядам на многие проблемы, связанные с ним. В связи с этим в данной работе мы попытаемся решить следующие задачи:

- а) провести анализ предыдущих исследований принципа соответствия;
- б) обобщить и систематизировать результаты этих исследований;
- в) указать на возможности дальнейших исследований этого принципа.

Появление идеи соответствия и её становление как принципа

Впервые идея соответствия была сформулирована в 1913 г. в работе Н. Бора «О строении атомов и молекул» [3], в где была представлена модель, описывающая функционирование атома с иных позиций, нежели применяемая в то время к описанию этих явлений классическая механика. В своей модели Н. Бор предложил идею, согласно которой электроны движутся по строго определённым орбитам, каждой из которых соответствует некоторое квантовое число (натуральные числа от 1 до n , $n \rightarrow \infty$), причём в этих состояниях, названных стационарными, они не излучают. Переход электрона из одного стационарного состояния, характеризующегося квантовым числом n , в другое, с

квантовым числом m , сопровождается излучением кванта энергии – фотона, энергия которого равна: $E = h\nu = E_n - E_m$.

Хотя движение электрона в модели Н. Бора значительно отличается от классических представлений, тем не менее, анализируя состояния атома, характеризующиеся большими квантовыми числами (при которых электрон наиболее удалён от ядра). Н. Бор заметил, что в этой области существует возможность использования способов описания, применяемых в классической теории. Это оказалось возможным потому, что разница между квантовыми значениями энергии и частоты уменьшается с возрастанием этих чисел, что, в конечном итоге, приводит к непрерывному спектру, выступающему в классической теории. Совпадение численных результатов вычислений с помощью квантовой и классической теории указывают на то, что эти теории имеют общую эмпирическую область применения, – область длинных волн (малых частот), в которой их предсказания экспериментально подтверждаются с равной степенью точности. Идея соответствия, таким образом, в своей первоначальной форме выступала как асимптотическое соответствие классических и квантовых методов в области малых частот излучения.

В 1925–1927 гг. реализовать идею соответствия классической и квантовой механики удалось также В. Гейзенбергу в процессе создания матричной версии квантовой механики. В. Гейзенберг принял, что квантовое внутриатомное движение, подобно классическому, может быть представлено в виде совокупности колебаний, аналогичных совокупности членов ряда Фурье, связанных соотношениями, построенными по образцу законов классической механики. Эти совокупности колебаний могут быть представлены в виде матриц, элементами которых выступали бы физические величины: координаты, импульсы, энергии и т.п. Подобно тому, как в классической теории изучение движения сводилось к отысканию элементов ряда Фурье, в матричной теории В. Гейзенберга задача сводилась к вычислению элементов матриц, которые стояли теперь в таком же отношении к излучению, в каком члены ряда Фурье классической модели к её излучению [5].

Развитие волновой версии квантовой механики шло по иному пути, без учёта связи соответствия с классической механикой, однако при её создании использовалась оптико-механическая аналогия, сущность которой заключалась в том, что уравнения волновой оптики, в пределе малых радиусов кривизны светового фронта, переходят в уравнения геометрической оптики и являются обобщениями последней. Подобная ситуация имеет место и в механике, где для описания малых частиц надо перейти от классической механики к какой-то новой – «волновой» механике. Шрёдингеру удалось найти уравнение, описывающее движение микрочастиц, являющееся аналогом основного уравнения волновой оптики.

Анализ отношения соответствия классической и квантовой механики с позиций волновой версии квантовой механики указал на возможность осуществления перехода из области квантовой механики в область классической, суть которого заключается в следующем. Явления микромира характеризуются отличительной чертой – дискретностью действия, определяемой существованием кванта действия h . Именно в той области явлений, в которой невозможно пренебречь конечностью кванта действия, уравнение Гамильтона–Якоби, являющиеся наиболее общим выражением законов классической механики, здесь уступает место основному динамическому закону квантовой механики – уравнению Шрёдингера. Хотя различие этих теорий очень велико, при предельном переходе в область макроскопических явлений, в которой допустимо пренебречь дискретностью действия в силу малости h , а потому можно считать его равным нулю, уравнение Шрёдингера переходит в уравнение Гамильтона–Якоби [11, гл. III, § 1]. Этот факт, отражающий свойство перехода, при определённых гранич-

ных условиях, законов новой теории к законам старой, также сыграл немалую роль в становлении принципа соответствия.

Таким образом, обобщая результаты исследований принципа соответствия за этот период необходимо отметить, что наиболее важными моментами были следующие: появление идеи соответствия теорий, развитие которой приобрело в физике значение принципа, и их выявленные свойства, асимптотическое схождение двух теорий в их пограничных областях действия и трансформация законов новой теории при наложении на них определенных граничных условий к законам теории старой. Принцип соответствия получил в то время и свою философско-методологическую интерпретацию, которая нашла своё отражение в основном в трудах Н. Бора, который понимал этот принцип прежде всего как методологический инструмент создания новых теорий, определяющий направление развития физического знания [1].

Принцип соответствия как обобщённый методологический принцип физики

Дальнейшие масштабные исследования принципа соответствия связаны с выходом в свет книги И.В. Кузнецова «Принцип соответствия в современной физике и его философское значение» [8]. В этой работе И.В. Кузнецов исследовал действие этого принципа в отношении взаимосвязей всех известных на то время теорий классической и современной физики, а также провёл его философско-методологический анализ. Его исследования показали, что область действия принципа соответствия значительно шире, нежели предполагалось ранее. Так, оказалось, что в области механики, кроме классической и квантовой механики, принципом соответствия связаны также классическая механика и специальная теория относительности (СТО). Причём, как отмечает И.В. Кузнецов, в этом случае действие принципа соответствия имеет даже более выраженный характер. Классическая механика описывает область малых скоростей движения объектов. Специальная же теория относительности описывает движение релятивистских объектов, то есть объектов, скорость которых приближается к скорости света (c). Поскольку в классической механике скорости тел (v) малы в сравнении со скоростью света, то можно принять, что $v/c = \beta \rightarrow 0$, в результате чего уравнения СТО асимптотически переходят в уравнения классической физики.

И.В. Кузнецову удалось также показать, что отношением соответствия связаны релятивистская квантовая механика с квантовой механикой и СТО. Релятивистская квантовая механика описывает область физических явлений, характеризующихся малыми размерами частиц, движущимися с большими скоростями, близкими к скорости света. В случае, когда скорость микрочастицы мала по сравнению со скоростью света, в связи с чем можно считать $\beta \rightarrow 0$, уравнение Дирака, основное уравнение этой теории, асимптотически переходит в уравнение Шрёдингера. Взаимосвязь релятивистской квантовой механики и СТО обнаруживается в другом предельном переходе, когда можно пренебречь величиной кванта действия \hbar и считать его равным 0. В этом случае уравнение Дирака асимптотически переходит в релятивистски обобщённое уравнение Гамильтона–Якоби.

Связь СТО и общей теории относительности (ОТО) также обладает свойством соответствия. ОТО, если быть точным, находясь в области действия механики, вместе с тем выходит за её границы, ибо представления о движении в этой теории имеют более широкий характер, нежели понятие механического движения. Тем не менее, как показывает И.В. Кузнецов, общая теория относительности при отсутствии гравитационного поля и принятии гравитационными потенциалами значений $g_{ik} \rightarrow 0$ при $i \neq k$ и $g_{ik} \rightarrow 1$ при $i = k$ переходит в специальную теорию относительности.

Хотя геометрическая и волновая оптики описывают различные области оптических явлений, таких, например, как прямолинейное распространение света, эффекты отражения и преломления, дифракция и интерференция, их связь, как отмечает И.В. Кузнецов, основана на принципе соответствия. В частности, в тех случаях, когда можно пренебречь длиной волны света и считать её равной нулю ($\lambda \rightarrow 0$), волновая оптика асимптотически переходит в оптику геометрическую. При этом её основной закон (волновое уравнение) переходит в уравнение, определяющее путь светового луча, т.е. в уравнение эйконала, являющееся обобщённой формулировкой законов геометрической оптики (принципа Ферма), а вместе с тем и законов отражения, преломления и прямолинейного распространения света.

Интересны также исследования И.В. Кузнецова в отношении соответствия классической и квантовой статистических физик. Ситуация в области взаимосвязи этих теорий подобна той, которая имела место в отношении классической и квантовой механики. Методы классической статистической теории нашли широкое применение в теории жидкостей, теории твёрдого тела, в электронной теории и др. Вместе с тем оказалось, что она не в состоянии разрешить такие проблемы, как зависимость теплоёмкости от температуры, проблема равновесия между веществом и излучением. Решение этих и других проблем потребовало создания новых (квантовых) статистик, которые и по методам и по моделям описания физических явлений значительно отличались от классической статистической теории. Тем не менее И.В. Кузнецову удалось показать, что между этими двумя теориями также существует отношение соответствия. Так, например, статистики Бозе–Энштейна и Ферми–Дирака при достаточно высоких температурах ($T \rightarrow \infty$) возвращают нас к классической статистической теории Максвелла–Больцмана.

Основываясь на результатах своих исследований, И.В. Кузнецов представил формулировку, в его терминологии, *обобщённого принципа соответствия*: «Теории, справедливость которых экспериментально установлена для той или иной области физических явлений, с появлением новых, более общих теорий не устраняются как нечто ложное, но сохраняют своё значение для прежней области явлений как предельная форма и частный случай новых теорий. Выводы новых теорий в той области, где была справедлива старая, «классическая» теория, переходят в выводы классической теории; математический аппарат новой теории, содержащий некоторый характеристический параметр, значения которого различны в старой и новой области явлений, при надлежащем значении характеристического параметра, переходит в математический аппарат старой теории» [8, с. 56].

Основываясь на своих исследованиях, И.В. Кузнецов пришёл к выводу о том, что принцип соответствия выступает не только выражением взаимосвязи между отдельными теориями классической и современной физики, но более общей идеей соответствия между классической и современной физикой, а также некоторой весьма общей закономерностью исторического развития теоретической физики, которое предстаёт теперь перед нами не как череда возникновения и неизбежного крушения физических теорий, а как их закономерное и последовательное обобщение, в процессе которого обнаруживается преемственность прогрессирующего научного знания и объективная ценность физических теорий.

Отношение соответствия как тип взаимосвязи физических теорий

Широкие исследования принципа соответствия проводились в 70-х годах XX в. и нашли своё отражение главным образом в трудах польских и советских учёных [6; 7; 11; 13–15], в которых более детально были исследованы различные свойства и особенности этого принципа, его роль и место в развитии физической науки. Разви-

тию этих исследований способствовали полученные к тому времени знания в области философии и методологии науки, а также физики, позволившие по-иному взглянуть на этот принцип, исследовать его ранее не выявленные свойства и особенности. Исследования в этот период развернулись по нескольким направлениям.

Так, более подробно был исследован аспект соответствия математических аппаратов теорий, где вслед за Н. Бором и И.В. Кузнецовым было признано, что принцип соответствия отражает взаимосвязь этих составных элементов теории в плане перехода математического аппарата новой теории (при определённых граничных условиях) к математическому аппарату теории старой. Более полно было исследовано асимптотическое соответствие математических аппаратов теорий в пограничных областях их действия, где было показано, что между теориями существует область непрерывного математического перехода [6; 11, §1–3].

Вместе с тем многими учёными было отмечено наличие в структуре теорий элементов, которые не обладают свойством соответствия. Так, было указано, что «онтологические представления» (И.С. Алексеев) [11, гл. II, § 2], «ядра» теорий (П.Г. Кард) [7] или «теории как совокупности суждений» (Е.К. Войшвилло и В.И. Купцов) [4] не корреспондируют.

Активная дискуссия развернулась по проблеме взаимосвязи понятийных аппаратов теорий, спектр мнений в которой находился в пределах от полной корреспонденции терминологии и основных законов теорий, согласно С.В. Илларионову [11, гл. II, § 3] и З. Августинку [13], до полной несовместимости понятийных аппаратов и языков теорий [9; 12].

Наиболее интересными представляются решения этой проблемы Вл. Краевским и Н.Ф. Овчинниковым. Овчинников, например, основываясь на идее единства человеческого знания, приходит к выводу, что, хотя содержание понятий в структуре различных теорий подвергаются радикальным изменениям, можно выявить их определённое единство. В качестве примера он приводит такие фундаментальные физические понятия, как движение, масса, инерция и другие. Их классическое и современное понимание не исключают друг друга. Вместе с тем в системе новых представлений об этих понятиях, создаваемых современной физикой, значительное место оставляется понятиям классическим. В процессе развития научного знания сущность этих понятий наполняется новым содержанием, обогащается новым смыслом, идёт процесс их внутреннего развития [11, гл. II, § 1].

В близком к этому контексте, но с иных позиций, исследует проблему связи понятий и законов теорий Вл. Краевский [14]. Основываясь на предложенной им концепции идеализации и фактуализации в науке, которая появилась как концепция идеализации и конкретизации в исследованиях по методологии познаньской школы в 1970-х годах [15], В.Л. Краевский анализирует отношение соответствия между старой (корреспондируемой) теорией T_1 и новой, «более точной теорией той самой области действительности» T_2 (корреспондирующей), а также физическими понятиями и законами этих теорий. Определяя это отношение, он пишет: «В свете развития науки приводящего к созданию T_2 , всегда оказывается, что T_1 является теорией идеализированной, которая не учитывала некоторых дополнительных параметров, нашедших своё выражение теперь в T_2 . Иначе говоря, T_2 вскрывает некоторые идеализированные условия, заложенные в T_1 . Отношение соответствия, таким образом, есть ничто иное, как отношение фактуализации идеализированной теории» [13, с. 124]. Обратная же процедура, как он указывает, – это процедура идеализации.

Рассматривая взаимосвязь классической, квантовой и релятивистской механик в аспекте принципа соответствия, он приходит к выводу, что равно как квантовая механика, так и специальная теория относительности являются разными фактуализациями

классической механики, причём при этом убираются некоторые идеализированные условия. Например, классическая механика предполагает бесконечную делимость энергии, в то время как у основ квантовой механики лежит понятие кванта действия – \hbar . Это предположение классической механики в свете нового знания является предположением идеализированным, которое в механике квантовой заменяется параметром, имеющим ненулевое значение. Точно так же предположение классической механики об отсутствии ограничения скорости, также является идеализированным, которое специальная теория относительности заменяет параметром, ограничивающим скорость света границей c . Таким образом, понятия старой теории, в данном случае скорость и энергия (а можно также показать, что и масса, расстояние и другие), фактуализируются в новой теории. Общий смысл классических понятий при этом не изменяется, однако выявляются их дополнительные свойства и особенности. Такое отношение понятий старой и новой теорий обладает свойством соответствия.

Следует указать на ещё один важный аспект соответствия теорий, исследовавшийся в то время. Он имеет отношение к области действительности, которую описывает та или иная теория, или, иначе говоря, к её домену. Наиболее полный анализ взаимосвязей теорий в этом аспекте, представленный Краевским, показывает, что ответ на вопрос, будут ли две теории находиться в отношении соответствия, зависит от взаимосвязей их доменов и словарей. Согласно его исследованиям, в отношении соответствия находятся только те теории, которые отвечают условиям $D_1 \subset D_2$, и $V_1 = V_2$ или $V_1 \rightarrow V_2$, где D_1 и D_2 - домены, а V_1 и V_2 – словари соответственно теорий T_1 и T_2 . Примерами могут служить все рассмотренные выше теории. Однако весьма значительное число теорий не отвечает этому критерию. Такие теории находятся в иных отношениях, таких как отношение редукции (например, законы Кеплера и классическая механика), противоречия (как, например, теория Птолемея и теория Коперника), идентичности, при использовании разных языков (как две версии квантовой механики) и др.

Обобщая результаты этого периода исследований принципа соответствия можно сказать, что в то время были более глубоко исследованы существующие и выявлены новые аспекты отношения соответствия теорий: это корреспонденция понятий теорий, а также связь теорий с описываемыми ими областями действительности. Вместе с тем эти исследования показали, что в структуре теории существуют не корреспондирующие элементы, такие как содержательные части теорий. Можно также добавить, что в этот период была осуществлена попытка анализа взаимосвязи теорий иных областей научного знания (таких как, например, химия, биология, математика, некоторые социальные науки) на предмет их отношения соответствия.

Анализ и обобщение результатов исследований принципа соответствия

В этой части работы попытаемся систематизировать и классифицировать предыдущие исследования принципа соответствия, определены и охарактеризованы аспекты связи соответствия, дано определение принципа соответствия и указано на перспективы его дальнейших исследований.

Анализируя исследования принципа соответствия в историческом контексте, следует выделить три этапа этих исследований. Каждый из них характеризуется определённой целостностью и завершённостью и логически связан друг с другом. Каждый из них внѣс свой вклад в представления о соответствии теорий и развитие физического знания.

Первый этап связан с появлением идеи соответствия классической и квантовой механик в работах Бора в начале 20-х годов XX века. Эффективное применение этой идеи в процессе создания квантовой механики привело к появлению принципа соответствия. В исследованиях учёных того времени основное внимание было уделено мето-

дологическому аспекту этого принципа, а также, в определённой степени, его месту и роли в развитии физической науки.

Ко второму этапу исследований принципа соответствия следует отнести исследования И.В. Кузнецова, которое было проведено в конце 1940-х годов в отношении всех известных на то время теорий классической и современной физики. Оказалось, что сфера действия этого принципа распространяется на взаимосвязи значительно более широкого класса физических теорий. Это позволило И.В. Кузнецову сделать вывод о роли принципа соответствия как общего методологического принципа развития всей физической науки.

Наиболее активные исследования принципа соответствия развернулись в 1970-х годах, что составляет третий этап его исследований. Касались они в основном места и роли этого принципа в структуре связи физических теорий, логической структуры отношения соответствия и методологической роли этого принципа в развитии физики. Внимание исследователей было также уделено исследованию действия этого принципа в других науках (математика, биология и др.), а также его месту и роли в философии и методологии науки.

Присутствие этих этапов в истории исследований принципа соответствия не случайно. Оно связано с уровнем знаний, существующих на то время как в физике, так и в философии науки с имеющимся в распоряжении исследователей того времени научной методологии. Это указывает на то, что при дальнейшем развитии физического и философского знания, совершенствованием инструментария в области методологии науки появится возможность продвигать дальше и исследования принципа соответствия, формировать о нём более глубокие и полные представления.

Анализ результатов предыдущих исследований на предмет связи соответствия между теориями позволяет выделить три её аспекта. Под связью соответствия теорий будем понимать наиболее общую форму этого типа отношений теорий, в отличие от других типов, таких как, например, редукция, унификация и др.

Первый аспект назовём методологическим. Впервые на соответствие методов описания квантовых явлений методам классической физики в пограничных областях действия теорий указал Н. Бор. Он же указал на способность использования методов старой теории в создании теории новой. Этот вывод был исследован и обобщён в работах И.В. Кузнецова, который проанализировал широкий спектр теорий в аспекте развития физического знания. В работах Вл. Краевского и других польских методологов методологический аспект был представлен с помощью концепции идеализации и фактуализации в науке. Методологический аспект связи соответствия отражает его способность к созданию новых теорий. Он определяет направление и способ развития научного знания.

Практическая его значимость заключается в том, что если исследователь обнаружит, что между двумя теориями имеет место связь соответствия, то он может быть уверен, что можно применять элементы методологии имеющейся теории, а в пограничных областях действия теорий и широкий набор методов, для разработки теории новой. Понятие принцип соответствия является отражением как раз методологического аспекта соответствия физических теорий, поскольку следование этому принципу, позволяет получить многие ключевые положения теории новой на основе положений теории старой. Сущность этого принципа заключается в преемственности развивающегося физического знания.

Второй аспект соответствия теорий можно назвать онтологическим, поскольку он отражает сущность и структуру связи соответствия физических теорий. Можно также сказать, что он характеризует структуру типа отношения между теориями, который называется отношением соответствия. Какими свойствами обладает это отношение?

Прежде всего в одном отношении соответствия могут находиться только две теории. Одна и та же теория не может находиться в одном и том же отношении соответствия с двумя и более теориями. Теории, связанные отношением соответствия, как показываю результаты исследований, существуют как самостоятельные структуры, описывающие отдельные области действительности, но между ними существует глубокая, системная, органическая связь.

Анализируя более глубоко структуру связи теорий, находящихся в отношении соответствия, можно придти к выводу о том, что теории связаны друг с другом не как целостные структуры, а посредством своих конкретных составляющих, таких как математические аппараты, языки и домены. Согласно указанным исследованиям, математические аппараты теорий имеют близкую по форме структуру и связаны предельным переходом. Словари теорий, находящихся в отношении соответствия, корреспондируют в соответствии с определёнными правилами. Домены теорий, находящихся в отношении соответствия, согласно Краевскому, находятся в отношении включённости домена старой теории в домен новой.

Связь соответствия двух теорий имеет ещё и третий аспект, характеризующий свойства связей структурных элементов теории. Этот аспект связи теорий определим термином «корреспонденция». Это понятие широко используется в польской литературе наряду с термином «соответствие». Мы его будем понимать как переход от одной теории к другой, осуществляемый посредством её составных элементов. Можно сказать, что этот аспект обладает динамическим или операциональным характером. Так, упоминая термин «корреспонденция», мы будем иметь в виду корреспонденцию понятий, законов, математических аппаратов теорий, в то время как понятие «соответствие теорий» следует относить к теориям в целом.

Обратимся теперь к проблеме определения принципа соответствия. Таких определений, в которых осуществлены попытки наиболее полно отразить сущность и основные свойства и особенности этого принципа, в истории его исследований можно насчитать три. Это изложенные выше представления Н. Бора, И.В. Кузнецова и Вл. Краевского. Во всех этих определениях в той или иной степени представлен каждый из указанных нами аспектов этого типа взаимосвязи теорий. В представлениях Н. Бора преобладает методологический аспект, согласно которому принцип соответствия – это принцип развития физического знания, один из наиболее эффективных инструментов для создания новых физических теорий.

У И.В. Кузнецова определение принципа соответствия носит обобщённый характер. Он акцентирует своё внимание на философско-методологическом аспекте принципа соответствия, указывая на его ключевую роль в развитии научного знания, в его преемственности. Что же касается самой связи теорий, то новая теория, с точки зрения И.В. Кузнецова, является обобщением теории старой. Можно добавить, что целостным обобщением, в то время как, старая теория сохраняет своё значение для прежней области явлений как предельная форма и частный случай теории новой.

С позиций исследований 1970-х годов, благодаря их глубокому и всестороннему анализу свойств теорий, связанных отношением соответствия, полученный И.В. Кузнецовым вывод о том, что принцип соответствия выступает в качестве «обобщения новой теорией старой» является несколько абсолютизированным. Конкретизируя, можно сказать, что речь может идти прежде всего о соответствии математических аппаратов теорий, их языков, но не об иных структурных элементах теории. Так, например, исследования Вл. Краевского показали, что действие принципа соответствия в физике не носит всеобщего характера, а относится только к теориям, отвечающим определённым условиям. Определение принципа соответствия Вл. Краевского основывается на концепции идеализации и фактуализации в науке. С его точки зрения, новые теории всё более

уточняют, конкретизируют наши представления о реальности. Вл. Краевский вводит классификацию отношений между теориями, в рамках которой отношение соответствия играет одну из ролей.

Заклучение

Анализ и обобщение полученных результатов исследований связи соответствия теорий позволяют дать ей более полное и точное определение: *две теории, связанные отношением соответствия, являются самостоятельными, отличающимися друг от друга, обособленными структурами, обладающими собственными математическими аппаратами, языками, моделями и теоретическими схемами, содержательными частями и доменами. Вместе с тем эти теории имеют общую границу, на что указывает стыковка их доменов и асимптотическое соответствие математических аппаратов в пограничных областях действия. При определённых граничных условиях язык и математический аппарат новой теории переходят к соответствующим элементам теории старой. Между теориями существует преемственная связь, что позволяет использовать понятия, математические аппараты, методологию старой теории в создании теории новой.*

Интерпретируя иными словами это определение, можно сказать, что сущность связи соответствия теорий заключается в том, что, хотя новое знание и обладает отличительными чертами, самостоятельностью, автономностью, «прорастает» своими корнями в знание предшествующее, неразрывно с ним связано. Сам же принцип соответствия, выступает в качестве регулятора процесса развития научного знания, которое в данном случае имеет развивающийся характер и обладает свойством преемственности.

Итак, анализ результатов исследований принципа соответствия приводит нас к изложенным выше обобщениям. Из этого анализа можно сделать вывод о том, что этот тип связи теорий имеет немалый внутренний потенциал для дальнейших исследований. На это также указывает тот факт, что за время, прошедшее после окончания последнего масштабного этапа исследований этого принципа, как физика, так и философия и методология науки шагнули вперёд, и это даёт нам возможность разработки более глубоких, системных и целостных представлений как о связи соответствия теорий, так и о способе развития научного знания в целом. Целями и задачами этих исследований должны стать более полное и точное определение принципа соответствия, всесторонний и глубокий анализ методологического аспекта его действия (особенно практического применения этого принципа в создании новых научных теорий), его онтологической составляющей, его операциональных свойств (как динамического аспекта связи теорий), его места и роли в структуре и развитии научного знания.

Более чёткие представления о связи соответствия теорий помогут в разработке новых и совершенствовании существующих теорий физики, связанных отношением соответствия. Эти представления дадут также толчок дальнейшим исследованиям проблем философии и методологии науки, связанных со структурой и особенностями процесса развития научного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бор, Н. Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории / Н. Бор // Избр. науч. труды. – М. : «Наука», 1971. – Т. 2.
2. Бор, Н. О методе соответствия в теории электрона / Н. Бор // Избр. науч. труды. – М., 1971. – Т. 2.
3. Бор, Н. О строении атомов и молекул / Н. Бор // Избр. научн. труды. – Т. 1. – М., 1970.

4. Войшвилло, Е.К. К вопросу о соотношении теорий / Е.К. Войшвилло, В.И. Купцов // Философские проблемы теории относительности. – М., 1968.
5. Гейзенберг, В. Физика и философия / В. Гейзенберг. – М., 1963.
6. Зотов, А.Ф. Принцип соответствия / А.Ф. Зотов // Методологические принципы физики: история и современность; под ред. Б.М. Кедрова, Н.Ф. Овчинникова. – М. : Наука, 1975.
7. Кард, П.Г. Принцип несоответствия / П.Г. Кард // Учёные записки ТГУ. – Т. 2: Философские вопросы физики, вып. 360. – 1975.
8. Кузнецов, И.В. Принцип соответствия в современной физике и его философское значение / И.В. Кузнецов. – М., 1948.
9. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1975.
10. Овчинников, Н.Ф. Методологические принципы в истории научной мысли Н.Ф. Овчинников. – М., 1997.
11. Кедров, Б.М. Принцип соответствия / Б.М. Кедров; Под ред. Б.М. Кедрова, Н.Ф. Овчинникова. – М., 1979.
12. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения / П. Фейерабенд. – Благовещенск, 1998.
13. Krajewski, W. Zasada korespondencji w fizyce a rozwój nauki / W. Krajewski, W. Mejbaum, J. Such (red). – Warszawa, 1974.
14. Krajewski, W. Correspondence Principle and Growth of Science / W. Krajewski. – Dordrecht, Holland / Boston, USA, 1977.
15. Nowak, I. Idealization and the problem of correspondence / I. Nowak // Poznań Studies Phil. and Hum. – 1975. – V. 1. – № 1.

Kuish A.L. The Correspondence Principle: Methodological and Ontological Aspects of Investigations

The historical analysis of investigations of the correspondence principle with classification of their stages is carried out. Primary features of the correspondence principle, such as the approximation of theories results on their boundaries, correspondence of theories mathematical apparatus and languages, correlation of domains, are revealed. The methodological and ontological aspects of the correspondence connection are discovered. Definitions of the terms «correspondence principle», «correspondence relation», «the correspondence of structural elements of theory» are presented. The perspectives of further investigations are presented.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.04.2011

УДК 101.1:510.2

Н.В. Михайлова

«НЕВЕРОЯТНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ» КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФИЛОСОФСКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ

Статья посвящена философско-методологическому анализу практической эффективности современной математики. Философы науки солидарны в том, что непостижимая эффективность не может быть объяснена без прояснения на генетическом уровне практической востребованности математических теорий.

Введение

Философия и математика были рождены в попытках выяснить возможные пути познания истины благодаря напряженным усилиям человеческого разума. Не вдаваясь в философское обсуждение того, что есть истина, заметим, что в математике достаточно принять, что есть такие исходные и неопределяемые понятия, как «истина» и «ложь», которые могут быть значениями высказываний. Как только математики пытаются предложить другие значения, дополнительные к этим, например, «неизвестность» или «неопределенность», они сразу вынуждены преодолевать философские трудности, возникающие в связи с тем, что степеней неизвестности много, и поэтому сама по себе она не является логическим значением.

Говоря о философской экспликации практической эффективности математики в контексте университетского образования, следует иметь в виду следующее обстоятельство. Как заметил математик С.С. Кутателадзе, «не стоит смешивать очную и заочную формы передачи и сохранения знаний. Надо различать книгу, излагающую предмет, и способ преподавания предмета» [1, с. 62]. Специфика математического знания проявляется в том, что математические идеи оказывают влияние не только на человеческое мышление в целом, но и на его практическое применение. Феномен неразрывной связи теоретической математики и реального физического опыта известный физик-теоретик лауреат Нобелевской премии Евгений Вигнер образно назвал «необоснованной эффективностью математики в естественных науках». Как интерпретировать это явление в контексте философско-методологической проблемы обоснования современной математики?

Одно из наиболее популярных объяснений состоит в том, что основные математические понятия, например, понятие натурального ряда чисел, изначально имеют эмпирический характер. Если допустить, что математические понятия имеют эмпирическую природу, то тогда загадка эффективности математики уже не покажется столь загадочной и непостижимой, поскольку реальные применения математики – это один из способов контакта мира идей, или мира математики, с миром опыта. Математики, как бы парадоксально это ни звучало, ради «чистоты» математического результата сознательно ограничивали себя, образно говоря, миром математических понятий, точнее, специальным миром определенных математических моделей. Исследование таких моделей, абстрагированных от их отражающих аспектов, становилось для них самоцелью.

Тем не менее, хотя математика весьма эффективна, ее выводы нуждаются в перепроверке, поскольку для разных целей требуются разные приближения. Кроме того, «невероятная эффективность современной математики» состоит еще в том, что математические теории имеют более широкое смысловое содержание, чем это изначально закладывается в их аксиоматику. Практическое применение математической теории, как правило, шире, чем решение той практической задачи, с которой эта теория первоначально

чально была связана. Например, феномен поразительной эффективности приложений современной алгебры в решении прикладных задач связан с проблемой защиты информации. Что касается «мира абстрактной математики», то он, как и прежде, редко открыт для непосредственного восприятия, поэтому его нельзя отождествить с «миром математических идей».

Если предположить, что в интуитивных математических понятиях скрыты какие-то аспекты, которые могут не проявляться довольно долго в реальной математической практике, то это по существу все тот же математический платонизм, рассматривающий мир математических объектов как независимый от рассуждений математиков. Говоря о непостижимой эффективности математики, Е. Вигнер имел в виду конкретные примеры, прежде всего, свою фундаментальную работу «Теория групп и ее применение к квантово-механической теории атомных спектров» (1931), переведенную на русский язык в 1961 году. В частности, говоря о невероятной эффективности математики следует иметь в виду, что, например, полное доказательство классификации простых конечных групп, полученное в начале 80-х годов XX столетия, занимает примерно 10–15 тысяч журнальных страниц.

Эта работа была проделана объединенными усилиями более ста математиков и опубликована на страницах различных научных журналов примерно в 500 статьях. Полнота философского исследования нам видится не в полноте и математической завершенности доказательства, а прежде всего в последовательности и убедительности изложения философско-методологических аргументов. Спрашивается, откуда берется уверенность в надежности математических конструкций у профессиональных математиков? Фактически психологией работающих математиков, отвлекающихся от «отражающего аспекта модели» и умеющих погружаться в математический мир разрабатываемых теорий, является платонизм. Психология человека такова, что придуманные им структуры он считает атрибутами самого мира, что является источником многих конфликтов нашего времени. В генезисе математических структур важно понять активную роль субъекта.

Рассматривая математические структуры как продукты мысли, математику можно исследовать и в контексте активности по созданию таких структур, опирающихся на глубинные структуры психики. Даже чувственный образ множества возник в математике благодаря нашей способности мыслить совокупность как единое целое. Математические структуры обладают той уникальной и отличительной способностью, что, будучи однажды сформулированными, они могут логически развиваться без дальнейшего обращения к действительному миру. Но для того, чтобы эта работа была плодотворной, по мнению такого профессионала, как французский математик Анри Лебег, «нужна редкая способность не только проникать в чужую мысль, но также придумывать и распознавать различные способы обращения с проблемой; короче нужны качества философа» [2, с. 10]. Отметим, что сам Лебег считал, что математика – это «внутренняя наука», рождающаяся и развивающаяся от «столкновения ума с умом», а вне человечества ее вообще не существует. В качестве учебного иллюстративного примера можно, например, рассмотреть формирование понятия интеграла Лебега, которое не было связано с целью изучения материальной действительности, а происходило по внутренним, чисто математическим причинам.

Заметим, что математическое совершенство – это, строго говоря, не всеобщее свойство, но в математическом сообществе о нем может быть достигнуто согласие. По существу, правила действий с элементами группы, соответствующим образом обобщенные, заимствованы из арифметики. Согласно одному неформальному определению, группа – это некоторое множество с определенной операцией, удовлетворяю-

щей «легко забываемым аксиомам». Такое определение вызывает вполне естественный протест: зачем здравомыслящему человеку такая непонятная операция? Гораздо более мотивированным является подход, при котором начинают не с группы, а с понятия преобразования взаимно-однозначного отображения множества в себя, как это в действительности было сделано исторически. После этого набор преобразований какого-либо множества можно назвать группой, если вместе с любыми двумя преобразованиями он содержит результат их последовательного применения, а также вместе с каждым преобразованием содержит и его обратное преобразование.

Отличительной чертой математики является так же то, что все ее предложения относятся к бесконечному множеству объектов, а точнее к классам, содержащим бесконечное множество объектов. История математики наглядно показывает, что в результате развития математических теорий самоорганизуется практический и эффективный механизм очистки математических доказательств от некорректных утверждений, обусловленный системным подходом к ее обосновательным процедурам и практической направленностью на решение естественнонаучных задач. По своему смыслу самоорганизация – это процесс, в котором нечто происходит само собой, без видимых причин и внешнего вмешательства. В сложных самоорганизующихся системах, к которым относится современная математика, появляется новое понимание обоснования как процесса взаимодействия различных направлений философии математики. Несмотря на аналогию с процедурой освобождения опытных теорий от ложных гипотез, принципиальное отличие от формирования математических теорий состоит в том, что очистка эмпирических теорий от некорректных допущений в принципе не может быть закончена.

В философско-методологическом анализе обоснования можно исходить из общепризнанного факта особой достоверности математического знания и неправомерности отождествления математики с опытными науками. В таком контексте системное обоснование математических теорий, безусловно, более общезначимо, чем логическое, поскольку все программы логического обоснования математики базируются на некоторых видах редукции. Системный подход, по мнению методолога науки Ю.В. Сачкова, дает новый взгляд на проблему целостности программы обоснования математики: «Если ранее целостные представления об объектах исследования складывались исключительно на основе их внешних взаимодействий, на основе того, как они проявляют себя во внешних взаимодействиях, то системный подход дополняет изучение целостности анализом их внутренней дифференциации» [3, с. 48]. Используя при этом дополнительные внутренние связи и целостные свойства самой системы, получают ее определенное философское обоснование.

С точки зрения релевантности такого методологического решения, следует заметить, что обоснование математики в целом – это прежде всего его согласование с основаниями. Даже со становящейся аксиоматикой, которая устанавливает относительное методическое единство математических утверждений и позволяет сделать всю систему аксиом целостной и логически законченной в рамках определенных математических теорий. В столь сложном системном процессе, как становление математической теории, работают различные виды оснований. Среди них можно выделить внутренние, точнее, внутриматематические основания, позволяющие определить, как функционирует формальная теория в целостной системе математики, и внешние, то есть внематематические основания, отвечающие за работу новой теории в системе науки в целом, например, в качестве математического аппарата физической теории. Поэтому выявление интересующих философов математики философско-методологических проблем обоснования через эвристический потенциал современного математического знания может привести к глубокому проникновению в сущность этих проблем.

Можно к этому добавить, что давать аргументированные оценки эффективности – это привилегия выдающихся математиков и экспертов, но эксперты тоже, как известно, могут ошибаться. С точки зрения программы интуиционизма (одного из философско-математических направлений в обосновании математики, основателем которого был голландский математик Лейтзен Л. Брауэр) математическое доказательство должно вместе с обоснованием давать соответствующее конструктивное построение. Поэтому методы, дающие такое построение, Брауэр и его последователи называли эффективными. Он считал, что математическое построение – это некая сущность достаточно высокого уровня, поэтому для его обоснования недостаточно одних ссылок на практику, поскольку иногда приходится рассуждать одновременно на нескольких уровнях обоснования. Именно такой методический прием был применен при создании нестандартного анализа.

Философско-математический анализ проблемы обоснования способствует развитию интегрального процесса на основе системного мировоззренческого синтеза, поскольку математика дает возможность некоторого приближения к совершенным идеям. Возможно, именно в этом причина невероятной эффективности современной математики в приложениях к тем наукам, которые поддаются формализации. Хотя математика весьма эффективна, ее выводы нуждаются в перепроверке, поскольку для разных целей требуются разные приближения. Кроме того, неподдающаяся обоснованию эффективность математики состоит еще в том, что математические теории имеют более широкое смысловое содержание, чем это изначально закладывается в их аксиоматику. Практическое применение математической теории, как правило, шире, чем решение той практической задачи, с которой эта теория первоначально была связана.

Справедливости ради следует заметить, что сами математики всегда надеются, что их исследования могут принести определенную пользу, если не в смежных науках, то хотя бы в самой математике. Однако способность математиков предвидеть, какие именно математические средства могут понадобиться для развития физических теорий, совершенно фантастична. Именно об этом говорит в своем знаменитом эссе сам Е. Вигнер. «С одной стороны, – пишет он, – невероятная эффективность математики в естественных науках есть нечто граничащее с мистикой, ибо никакого рационального объяснения этому факту нет. С другой стороны, именно эта непостижимая эффективность математики в естественных науках выдвигает вопрос о единственности физических теорий» [4, с. 536]. Высказывания в таком духе свидетельствуют о живучести платонистского взгляда на математику, особенно среди тех, для кого не столь уж значимы собственные методологические проблемы преподавания современной математики.

Тем не менее то, что подразумевается, по выражению Е. Вигнера, под загадочной эффективностью математики в естественных науках, для профессиональных физиков достаточно очевидно, поскольку, моделируя мир в терминах математических структур, они ощущают и наблюдают определенный резонанс между этими структурами и структурой мира. Одно из величайших чудес научного метода состоит в том, что чисто формальные математические структуры могут соответствовать структуре реального мира. Но остается философский вопрос: почему такая стратегия познания «необъяснима»? Речь идет о том, что теоретические структуры, сформулированные на языке математики, возвращают нам больше информации, чем мы вложили в них. Как сказал кто-то из физиков, «уравнения мудрее тех, кто их изобрел», то есть новая информация не только извлекается из математических уравнений, но, что более удивительно, довольно часто замечательно соответствует тому, что собственно и наблюдают исследователи.

Если мы выходим на метауровень за пределы наших математических конструкций, то мы тем самым уже вносим элемент иррациональности. Поэтому, является ли эффективность математики «непостижимой», как писал об этом Е. Вигнер, или «постижимой», хотя он не дал никакого объяснения и ограничился лишь констатацией, не

столь сейчас для нас важно, поскольку содержательное обсуждение этого вопроса может вестись только математиками-профессионалами высокого класса. Различные философские объяснения носят порой характер апологий, из-за того что их авторы скорее всего сами пребывают в неведении относительно причин невероятной эффективности математики. Переплетение теории и практики, конечно, сообщает математическому поиску определенную самодостаточность, в пределе уподобляя ее порочному кругу, хотя совокупный научный опыт говорит о его принципиальной преодолемости, но, с другой стороны, универсальность математики, а также ее широкая применимость невозможна без предельного восхождения к абстрактному знанию.

Фундаментальной ошибкой относительно природы математики является представление о том, что математическое знание более определено, чем какая-либо другая форма знания. Такая ошибка не оставляет другого выбора в теории доказательств, кроме как считать ее частью математики. Любая серьезная теория требует глубоких возражений, поскольку взаимосвязь научного знания гораздо сильнее, чем можно вообразить, наблюдая современную математическую науку, разделенную, казалось бы, на почти невзаимодействующие области знания. Мы опять возвращаемся к вопросу: что есть математика? Такой вопрос возникает чаще всего при контакте с философами, когда математики начинают философски осознать не только специфические свойства своей науки, но и ее методологические границы. Если нет убедительного ответа на поставленный вопрос, то тогда утверждение, что фиксированная система аксиом не в состоянии представить богатство математики полностью, становится просто некорректной.

Самое непостижимое в окружающем мире – это то, что он постижим на математическом языке. Если гипотетически рассматривать математические конструкции как произвольные творения человеческого ума, то тогда вопрос о причинах непостижимой эффективности математики нельзя строго и разумно сформулировать. Важнейшую причину такой эффективности математики философ В.Я. Перминов видит в том, что «абстрактные структуры математики обладают способностью к содержательно различным воплощениям, что никоим образом не может быть объяснено из особенностей генезиса» [5, с. 109]. Возможно, поэтому в современной математике наиболее распространен позитивистский подход, состоящий в рассмотрении математических теорий как некоторых формальных конструкций, и поэтому вопросы о мировоззренческом статусе используемых математиками понятий и методов можно считать ненаучными. К подобным подходам можно отнести прежде всего аксиоматический метод, методологически развитый в теории доказательств выдающимся немецким математиком Давидом Гильбертом.

Хотя за пределами физики математизация знания является фрагментарной, она завоевывает все новые области, демонстрируя свою эффективность. Эффективность математического анализа явлений связана с тем, что окружающему нас миру присуща скрытая гармония, отражающаяся в наших умах в виде простых и эффективных математических законов. Это проявляется в эффективной организации теоретического исследования, в которой возможно целостное видение объекта исследования. Поэтому всем, кто занимается науками об обществе, необходимы хотя бы элементарные познания в области современной математики, поскольку даже если человеческие знания не являются единым целым, то они не являются и разобренным множеством наук. Математизация социально-гуманитарного знания состоит не только и не столько в том, чтобы использовать готовые математические методы и результаты, а в том, чтобы начать поиски того специального математического аппарата, который позволил бы наиболее полно описывать интересующий нас круг социально-гуманитарных явлений.

Заклучение

В заключение отметим, что не необозримое количество конкретных математических результатов, а математические методы лучше всего учат нас выявлению тайны эффективности научного метода. Один из основных выводов современной философии математики состоит в том, что истинность теоремы, точнее, истинность доказательства – это лишь часть знания, содержащегося в доказательстве, и, хотя эту часть проще всего изложить словами, ее невозможно выразить в терминах истинности. Несмотря на все аргументы, проблема «невероятной эффективности» математики остается пока загадкой. Как и методическая проблема недостаточной эффективности общего математического образования, несмотря на все усилия методологов математики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутателадзе, С.С. Апология Евклида / С.С. Кутателадзе // Владикавказский мат. журн. – 2006. – Т. 8. Вып. 2. – С. 61–63.
2. Лебег, А. Предисловие к книге Н.Н. Лузина «Лекции об аналитических множествах и их приложениях» / А. Лебег // Успехи мат. наук. – 1985. – Т. 40. – Вып. 3. – С. 9–14.
3. Сачков, Ю.В. Научный метод: вопросы и развитие / Ю.В. Сачков. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 160 с.
4. Вигнер, Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках / Е. Вигнер // Успехи физ. наук. – 1968. – Т. 94. – Вып. 3. – С. 535–546.
5. Перминов, В.Я. Закономерности развития математики / В.Я. Перминов // Философия математики и технических наук. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – С. 70–115.

***Michailova N.V.* «The Incomprehensible Efficiency» as the Practical Composition of the Philosophy-methodological Basing of Mathematics**

The article is devoted to the philosophical and methodological analysis of practical effectiveness of contemporary mathematics. Philosophers of sciences are united in the fact that the incomprehensible efficiency can not be explained without clarification on the genetic level of the practical usefulness of mathematical theories.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.03.2011

УДК 130.2:7(091)

О.В. Финслер

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВРЕМЕНИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В данной статье анализируются философские концепции времени в контексте становления изобразительного искусства, осуществляется сопоставление взглядов мыслителей (Аристотеля, Канта, Лейбница, Бергсона и др.) на сущность времени с творческой манерой и художественным видением живописцев различных эпох (Леонардо да Винчи, Тинторетто, Ватто, Руссо и др.). Прослеживается непосредственное влияние ценностно-мировоззренческих оснований культуры и философских концепций на художественное воплощение, стилистику и замысел творцов.

Введение

Что есть время? Круг, линия, спираль или точка? Каждая эпоха, каждый мыслитель пытается для себя решить сущностное проявление временных характеристик того или иного вида искусства. Темпоральные аспекты музыкальных творений не вызывают больших споров и разногласий. Труднее проследить временное становление в изобразительных видах искусства. Э. Левинас считал, что изобразительное творчество заключает живую длительность жизни в интервал. «Статуя реализует парадокс момента, длящегося без будущего» [5, с. 13]. Действительно, в искусстве человек переживает время не так, как в жизни. В изобразительном искусстве мы имеем концентрацию настоящего времени в замкнутой форме, а в жизни оно постоянно течёт и изменяется. Это происходит благодаря активной направленности нашего сознания на динамику жизненных событий и способности человека последовательно удерживать их в памяти. Поэтому в жизни мы больше сталкиваемся с прошлым, либо с будущим. Таким образом, настоящее как разрыв в бесконечной длительности существования, как момент столкновения субъективности с вечностью не всегда поддаётся осознанию, но именно в искусстве оно предстаёт отдельно от человека, т.е. как слепок застывшего насыщенного мгновения. И только изобразительным видам искусства характерно стремление «стянуть» время в точку (представить одновременность событий в одном акте созерцания), о чём говорит особая специфика понимания и интерпретации данного вида искусств.

Понятие времени в истории философии и изобразительных искусствах: сравнительный анализ

Одна из первых онтологических концепций времени создана древнегреческим философом Парменидом, различавшим неизменный «мир истины», реальность и «мир мнения», в котором происходят изменения благодаря человеческому сознанию. В качестве аргументов в пользу данной точки зрения сформулировал свои знаменитые апории Зенон Элейский (наиболее известная апория – «Ахилл и черепаха»). Спор между сторонниками идеи бесконечной делимости времени и идеи «атомов», мельчайших неделимых единиц времени, продолжили стоики и Стратон. Но первым философом, систематически разработавшим категорию времени, традиционно считается Аристотель. Основа его концепции задается связями понятия времени с понятиями существования и движения. Вопрос о существовании времени, согласно Аристотелю, парадоксален, поскольку прошлого уже нет, будущее еще не наступило, а «теперь» является не частью времени, а скорее границей между прошлым и будущим, которая, с одной стороны, соединяет прошлое с будущим, а с другой – разделяет их. Все временные характеристики относятся именно к этому моменту «теперь», неделимому и не длящемуся осознанному

моменту настоящего. Важно отметить, что, хотя Аристотель и подчеркивает, что время неотделимо от движения, изменения, он ни в коем случае не отождествляет их. Время есть мера движения, а единицей времени может быть мера какого-то конкретного движения. Он также описывает топологические свойства времени: оно едино, непрерывно, бесконечно делимо, однородно. Аристотель не только фактически вводит понятие психологической временной перспективы (цепочка прошлое – настоящее – будущее, память – восприятие – воображение), но и делает несколько ценных замечаний о восприятии времени, прежде всего о том, что восприятие времени существенно определяется возможностью восприятия движения, причем не только внешнего, но и того движения, которое «происходит в душе».

Дальнейшее развитие эти идеи получают у Августина, который анализирует незнакомые античной философии проявления субъективного переживания времени: ожидание будущего, созерцание настоящего, воспоминание о прошлом и впервые приходящего к сознанию «исторического времени» (жизнь человечества мыслится Августином развертывающейся во времени между сотворением мира и Страшным судом). Провозглашение превосходства человеческой души над телом, ее близости Богу проходит через все творчество Августина, в том числе и через его рассуждения о времени, содержащиеся в его основном труде «Исповедь». Бездействие Бога объясняется тем, что Бог существует в Вечности, т.е. в вечном настоящем, вне времени и становления, в то время как люди живут в мире времени, сотворенного Богом. Можно сказать, что для существования Бога принимается статическая концепция времени, а для существования человека – динамическая. С одной стороны, обсуждая вопрос о «начале времен», сотворении мира, Августин утверждает существование времени и в мире вещей: время есть отношение порядка между вещами, выражающееся в их следовании друг за другом через момент настоящего. Таким образом, существующим в мире вещей оказывается только настоящее. С другой стороны, рассматривая парадокс Аристотеля, Августин приходит к выводу, что прошлое и будущее всё же существуют, но существуют только в сознании человека. Итак, Августин Блаженный отвечает на второй из исходных вопросов нашего исследования, предлагая психологическую трактовку онтологического времени, но в то же время не смешивая время психологическое и физическое.

В изобразительных искусствах новое понятие времени находит отклик в ряде своеобразных приемов рассказа и композиции. В представлении средневекового художника пространство и время не дифференцированы: пространство понимается через время как некий одномерный поток. Отсюда радикальное отличие средневековых принципов композиции в живописи от античных, классических. Вместо центрической, уравновешенной схемы античного искусства средневековая композиция развертывается обычно в одном направлении – слева направо или наоборот, подобно чередованию письмен. Основной принцип рассказа в средневековом искусстве заключается в сопоставлении на одной и той же плоскости изображения не одного, а нескольких событий. Зритель вместе с главным героем как бы переходит из одного этапа событий в другой. Средневековый мастер изображает не концентрированный момент события, как это сделал бы художник Ренессанса, а его временную последовательность. Та же идея становления во времени господствует в готической архитектуре (пучки колонн, сбегаящиеся в вершине свода, устремление ввысь) и скульптуре. Готическая статуя полна непрерывного движения; это движение бездейственно, оно совершается без перемещения в пространстве, но все тело статуи насыщено неудержимым стремлением вверх, словно отрывающим статую от земли [2].

Художественная теория Ренессанса, возвращаясь к античному единству действия, требовала от изобразительного искусства прежде всего именно единовременного охвата всего поля зрения. Живопись, как считал Леонардо, должна в одно мгновение

вложить в восприятие зрителя все свое содержание. Стремясь к новому единству, художники Ренессанса изобрели множество приемов, незнакомых средневековому искусству. Сюда относится, прежде всего, центральная перспектива – одно из самых мощных средств концентрации впечатления. С изобретением центральной перспективы связаны единство масштаба, созвучие пропорций, завоевание глубины пространства. «Тайная вечеря» Леонардо является классическим образцом симультанной концепции Высокого Ренессанса, соединяющей единство места с единством действия. Однако композиция Леонардо лишена подлинной динамики текущего мгновения. Леонардо только суммирует отдельные, изолированные действия, индивидуальные движения, вызванные единой причиной – словами Христа: «Один из вас предаст меня». Для художников Высокого Возрождения движение есть не что иное, как смена неподвижных положений. На их картинах изображены не столько сами движения, сколько выхваченные из потока времени остановки, перерывы между движениями. Человек Ренессанса мыслит движение как переход из одного неподвижного состояния в другое.

Во второй половине XVI века происходит новый перелом в представлениях времени и пространства. Если концепцию времени в искусстве Ренессанса можно назвать статической, то концепцию барокко следует квалифицировать как динамическую. Ренессансная теория искусства удовлетворялась описанием различных типов движения и определением их функций. Их занимает вопрос о причинах движений, о силе, энергии, лежащей в основе движения. Наряду с этим искусство барокко выдвигает впервые проблему темпа движения, скорости времени. Чувства темпа, динамики явления или события могут быть внушены характером композиции, контрастами света и тени, быстрым сокращением пространства и избытком ракурсов – спецификой восприятия природы и ее перевоплощения. Не менее важное значение может иметь и содержание изображенных событий или явлений, их характер, эмоциональный тон. Во всех этих направлениях искусство барокко по сравнению с классическим стилем стремится к большей динамике, к разнообразию и ускорению темпов [2]. Есть, однако, еще одна особенность в концепции времени, которая принципиально отличает барокко от Ренессанса. Дело в том, что необходимо различать два измерения времени – последовательность и одновременность. Время привыкли мыслить движущимся в одном направлении, как прямую линию, нанизывающую одно за другим чередующиеся события. Однако если бы это было действительно так, то человек был бы неспособен в одно и то же время переживать несколько объектов сознания. Но человек может одновременно воспринимать зрительные и слуховые впечатления, способен одновременно говорить об одном и думать о другом и т.д. Такая же одновременность разного присуща и объективному времени. Все это означает, что у времени есть не только протяженность, но и «объем», или время разворачивается по меньшей мере в двух измерениях. Именно это сознание многомерности времени и отличает искусство барокко от искусства Ренессанса. Так, в картинах Высокого Ренессанса речь всегда идет только об одном событии и о полном единообразии всех составных элементов этого события, а барочная картина часто изображает одновременность нескольких различных событий и переживаний. Особенно яркие примеры дает творчество Тинторетто. Он в одно и то же время изображает целую вереницу событий. Если средневековый живописец изображал в одной картине разновременные события, живописец Ренессанса ограничивался одним событием, то Тинторетто стремится зафиксировать в картине одновременность разных событий. Этот прием воплощен в «Тайной вечере». «Вместо длинного стола, параллельного плоскости картины, стол помещен под углом и апостолы сидят кругом стола, иные из них скрыты в тени, другие повернулись к зрителю спиной. Вместо индивидуально характеризованных образов, которые зритель должен изучать по отдельности, здесь общий и одновременный наплыв чувств, которые зритель воспринимает как нечто целое» [2, с. 90].

Если искусство Ренессанса достигло синтеза, как бы жертвуя временем, то в Новое время пространство все более насыщается временем, приобретая его стремительность и изменчивость. С каждым новым этапом возрастает динамизация пространства. Для философской мысли этого времени «пространство» – понятие более доступное, обладающее более объективными свойствами, чем «время». Декарт понимает пространство как субстанцию, а время только как меру вещей, как одно из условий познания вещей, а Гоббс считает, что время существует не в вещах вне нас, а только в мышлении нашего разума. С другой стороны, Ньютон приходит к выводу, что пространство и время обладают объективным характером и не зависят от человека и его сознания.

Чрезвычайно утонченный анализ нюансов времени, его непрерывного потока мы находим в философии и искусстве начала XVIII века. Научные понятия времени входят в философию вместе с первыми продвижениями физики и связаны с такими именами, как Лейбниц и Ньютон. В философии Исаака Ньютона приобретают законченную форму понятия абсолютного пространства и времени. Его концепция включает в себя абсолютное пространство (бесконечную протяженность, служащуюместилищем всей материи) и абсолютное время (равномерную бесконечную длительность). Абсолютное время Ньютона – физическое, это реальное условие существования всех вещей. В то же время Лейбниц относит пространство и время не к реальностям, а к феноменам – явлениям, вытекающим из существования других реальностей, поскольку время представляет собой порядок последовательности тел, а пространство – порядок размещения тел.

Необходимо остановиться на созвучиях, которые можно установить при сравнении искусства Ватто, мастера эмоциональных и красочных оттенков, и философии Лейбница, одного из самых известных мыслителей позднего барокко, соединяющего идеализм и метафизику с диалектической идеей о движении материи и о взаимосвязи всех форм проявления жизни. «Различие между осознанными и неосознанными представлениями Лейбниц иллюстрирует на примере морского прибоя: шум моря возникает из отдаленных ударов волн; каждый из этих отдаленных шумов слишком ничтожен для слуха, хотя мы и воспринимаем их, но не осознаем в виде отдельных, отчетливых представлений. Точно так же и в нашей душевной жизни существует много неясных, скрытых, словно дремлющих представлений, которые Лейбниц называет «малыми представлениями» и которые слишком незначительны для того, чтобы проникнуть в наше сознание» [2, с. 122]. Идея Лейбница о бесчисленных точках зрения на вселенную, о неуловимых, недоступных ясному сознанию ощущениях оказывается чудесным образцом, воплощенным в рисунках и картинах Ватто. Один из излюбленных приемов Ватто – рисовать одну и ту же фигуру в различных позах и поворотах или в одном и том же повороте, но с разных точек зрения. Ватто не любит ни чистого профиля, ни прямого фаса; его не удовлетворяют даже более сложные повороты головы в три четверти. В работах Ватто головы изображены в неощущаемых полуповоротах, еле уловимых профилях, которые в повседневной жизни ускользают от сознания даже очень внимательного наблюдателя. В рисунках и картинах Ватто мы воспринимаем не только физическую неуловимость образа, но столь же сложные и утонченные градации душевных переживаний: вместе с поворотами и наклонами женская голова становится то надменной, то радостной или взволнованной. На рубеже XVIII века происходит перелом, находящий отклик в философии и изобразительном искусстве. Происходит открытие двух очень важных, чуждых философии XVII века признаков времени – непрерывности и длительности (в смысле продолжения прошлого в настоящем и будущем). Именно эти свойства времени и стремится воплотить живопись Ватто.

Новый перелом в концепции времени совершается в начале XIX века. Уже Кант относил пространство и время к категориям не рассудка, а созерцания, связывая их только с миром явлений (не «вещей в себе») и ограничивая их роль функцией познающего субъек-

та. Время – форма внутреннего чувства, созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния. Но Кант оставляет за пределами время как физическую сущность [7].

До работ Канта преобладала точка зрения об эмпирическом характере постижения времени. Длительное время была популярна соответствующая его взглядам эмпирическая теория восприятия времени, в пользу которой свидетельствовало отсутствие у человека специальных органов чувств, служащих для восприятия времени. В критический период Кант разрабатывает теорию «субъективного времени»: время становится для него не самостоятельным предметом исследования, но средством человеческого познания, определяющим одновременно и его возможности, и ограничения. Переворот, совершенный Кантом в понимании познания, коснулся и этой категории. Итак, Кант рассматривал время и пространство как априорные формы чувственного созерцания, изначально присущие человеческому восприятию. Однако если «пространство как чистая форма внешнего созерцания ограничено как априорное условие внешними явлениями», то время, поскольку оно определяет «отношение представлений в нашем внутреннем состоянии», это общее условие возможности всех явлений, необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний.

Поскольку время понимается как средство структурирования познания, оно выступает и как средство описания сознания. Кант рассматривает не проблему времени в контексте проблемы сознания, но проблему сознания в контексте проблемы времени. Кант неоднократно подчеркивает, что время имеет только субъективную реальность. Оно не принадлежит к числу «вещей в себе», т.к. в противном случае не воспринималось бы чувствами. Однако поскольку оно воспринимается, то время является свойством человеческого познания. Понятия движения и изменения также возможны только благодаря этой априорной форме познания.

Итак, познание времени как специального объекта невозможно потому, что оно само является формой человеческого познания, и кроме этой формы времени никакой другой формы времени не существует.

Этот субъективизм в концепции времени в еще более подчеркнутой форме выступает у немецких идеалистов XIX века. Так, Гегель определяет время как форму созерцания. Шопенгауэр рассматривает время как форму, обнаруживающую в человеке все ничтожество его стремлений. Пространство для него – утверждение, время – отрицание существования. Это связано с превращением времени в демоническую силу, иррационализирующую действительность. В изобразительных искусствах все эти противоречия мировосприятия, связанные с ростом субъективизма и идеализма и с их борьбой против материализма, находят очень яркое отражение. Одну из основных тенденций живописи XIX века можно было бы характеризовать как стремление подчинить пространство времени или наделить представление пространства свойствами времени. Первые попытки нового понимания времени можно видеть уже у Жерико, но в двояком направлении. С одной стороны, как ускорение темпа восприятия, как изображение скорости, как подчеркивание в движении переходящего элемента, одним словом, превращение «настоящего времени» в «теперь» («Скачки в Эпсоме»). С другой стороны, как направленность времени, его приближение и удаление, как переживание времени (время-ожидание, время-воспоминание) [6]. Примерами могут служить «Плот «Медузы» – картина, целиком проникнутая чувством острого ожидания спасения. Своего наивысшего выражения этот метод достигает в творчестве французских импрессионистов, для которых быстрота и одновременность восприятия служили гарантией оптического единства картины. Другой путь, ведущий к переживанию времени, к его эмоциональному переживанию был избран русской живописью. Возможности этого пути заметил уже Александр Иванов. Его «Явление Христа народу» не случайно показывает приближение Мессии издали: оно наполнено напряженным чувством ожидания не

только в смысле расстояния в пространстве, но еще больше в смысле дистанции во времени.

Наряду с двумя основными течениями в концепции времени, характеризующими эволюцию европейской живописи XIX века, уже с самого начала столетия намечается третье течение, захватывающее господствующее положение. Если первым двум течениям свойствен некий синтез, равновесие пространства и времени, то третий метод характеризуется тенденцией к поглощению пространства временем. Самые ранние симптомы этой тенденции встречаются у романтиков начала XIX века, в графике Блейка. Достаточно прислушаться к словам Бергсона или Шпенглера, явно оценивающих время выше пространства. По мысли Шпенглера, время создает пространство, пространство же убивает время. Для Бергсона пространство есть только «фантом времени», подменяющий качество количеством. Главную ценность времени – внутреннюю динамику, слитное единство – пространство дробит. В области художественной культуры эти тенденции находят отклик в самых разнообразных направлениях. Стоит сказать, что именно в эти годы происходит становление кино.

Своего апогея культ времени достигает в концепции футуристов. Некоторые картины итальянского футуриста Руссола поразительно созвучны размышлениям Бергсона о времени, той внутренней динамике, которая, по мысли французского философа, превращает пространственную смежность событий в их взаимопроникновение [4]. Время существует как длительность, но мы бессознательно вводим в него пространство (длительность ассоциируется у нас с протяжённостью, а последовательность с непрерывной линией). А. Бергсон пришел к выводу об ограниченности геометрической модели времени, поскольку она не может адекватно отразить время протекания эволюционного процесса. В геометрической модели времени моменты времени равнозначны. Эта модель однородного времени адекватна задачам техники и физики, однако непригодна для описания живого. «Жизнь сознания протекает в длительности, времени, представляющем собой непрерывное становление, изменение состояний: если бы состояние души перестало изменяться, то длительность прекратила бы свое течение» [1, с. 9]. Физическое время представляет собой результат разлагающей деятельности интеллекта, в то время как живое время познается посредством интуиции – самодостаточной формой познания жизнью самой себя. Живое время сознания, или психологическое время, характеризуется, во-первых, постоянным изменением. Длительность не является сменяющимися друг друга моментами. Любой акт движения целостен и не может быть расчленен мысленно в силу того, что не является расчлененным в реальности. Во-вторых, психологическое время неоднородно, поскольку каждый последующий опыт включает в себя весь опыт предыдущий. А. Бергсон предлагает представить память человека, содержащую весь этот опыт, в виде конуса, основание которого неподвижно покоится в прошлом, в то время как вершина, изображающая образ тела в настоящий момент, будет непрерывно двигаться вперед, представляя собой «поперечный разрез через поток вселенского становления» [1, с. 284]. Эта метафора позволяет понять память как такую форму организации психологического времени, где прошлые моменты, представленные воспоминаниями, все до единого могут быть спроецированы в настоящее. Более того, для живого времени прошлое никуда не исчезает: если прошлое растет непрерывно, то оно и сохраняется бесконечно [7].

Итак, с одной стороны, Бергсон разделяет время живое и время физическое. Что же касается познания времени, то единственный доступный для этого с его точки зрения метод – интуиция. Если для Канта время и пространство – чистые формы созерцания, априорные формы, то для Бергсона – это формы «явленности», которые можно познать. Отсюда модель познания, по Бергсону, многослойная, где длительность только

схватывается на дорефлексивном уровне, а на интеллектуальном она лишь выступает как сумма частей.

Феноменология, предложенная Э. Гуссерлем как единственно возможный вариант развития философии в качестве подлинной науки – науки о феноменах (единствах сущности и явления), кладет в основу познания метод феноменологической редукции, первая ступень которой заключается в воздержании от веры в реальность объективного мира. Отказываясь от исследования сознания через что-либо, не являющееся сознанием, Э. Гуссерль выделяет в качестве единственно возможного источника познания рефлексивную. Каждый познаваемый феномен возникает через конституирование его в акте познания, и посредством выявления этой работы сознания, прояснения процесса конституирования. Понятие времени занимает особое место в феноменологии, и оно может быть рассмотрено двояко: как предмет исследования, к которому должен быть применен тот же метод феноменологической редукции, и как сознание времени. Сознание, основным свойством которого является интенциональность, для феноменолога не существует вне времени [3]. Э. Гуссерль подчеркивает априорность времени, в форму которого облекается любое познание; временная форма придаётся каждому виду существующего. Роль времени в сознании заключается в том, что любая фиксация смысла может произойти, с одной стороны, только через первичные временные различия, а с другой стороны – через приостановку потока сознания.

Э. Гуссерль не отрицает существования объективного времени, но это объективность иная. Объективное время рассматривается как проблема возникновения представления об объекте – тождественном, но изменяющемся. Э. Гуссерль «ставит вопрос о строгом различии объективного и субъективного времени». Описанные временные фазы отождествляются Э. Гуссерлем с частичными интенциями, направленными на отдельные свойства воспринимаемого предмета. Таким образом, совокупность фаз конституирует полный интенциональный акт, которым может быть любой акт сознания. Э. Гуссерль исключает объективное время и рассматривает внутреннее время нашего сознания. Он выделяет два уровня осознания времени: данность временных объектов и временность актов сознания, конституирующих схватывание временных изменений. Отсюда сознание внутри себя конституирует время, но не отражает его, не считывает его с объектов, само раскрывается как временное. Если сознание временное, то его деятельность заключается в синтезе различных временных фаз, в схватывании определённых интервалов и содержаний.

Интересны размышления Мерло-Понти о времени, стержнем которых предстает идея «интимной связи» между временем и субъективностью. Он стремится создать концепцию, где они «внутренне сообщаются» и возникает возможность проникнуть через время в конкретную структуру субъективности. По его мнению, «сознание разворачивает время», он не считает время «данностью сознания». «Прошлое и будущее возникают, когда я устремляюсь к ним. Я не мыслю и не наблюдаю переход от одного настоящего к другому, я осуществляю его, я уже нахожусь в наступающем настоящем. Я сам есть время – время, которое «пребывает», а не «течет» и не «меняется». Время не является реальным процессом, регистрируемым субъектом, оно рождается из *моей* связи с вещами, течет сквозь *меня*, чтобы я ни делал» [5]. В этом плане идеи мыслителя созвучны поискам современных художников-фотографов, кинематографистов, которые стремятся осуществить момент проникновения и соприкосновения сознания с действительностью, где главным является не достоверность передачи цвета, формы, настроения, а глубина собственного переживания в развёртывании образа. В то же время, Мерло-Понти приходит к выводу, что достаточно трудно понять, каким образом мыслящий субъект может полагать или воспринимать себя во времени.

Заклучение

Итак, по итогам рассмотрения развития категории времени в истории философии можно выделить следующие основные идеи, касающиеся проблематики изучения времени в науке. Во-первых, большинство философов рассматривают время как субъективный феномен. В качестве одной из основных особенностей психологического времени выделяется переживание психологического настоящего (эта мысль прослеживается, начиная с Аристотеля и вплоть до Э. Гуссерля, раскрывающего структуру «теперь» как структуру интенционального акта). Яркая характеристика психологического времени – существование его в виде психологической временной перспективы, где прошлое время представлено памятью, настоящее – созерцанием, а будущее – воображением, выделяется практически всеми авторами. Выделены также другие особенности психологического времени, такие как неравномерность и неоднородность (А. Бергсон). Наконец, представляется крайне актуальной не в полной мере нашедшая свое воплощение в когнитивной науке идея активного конституирования сознанием своих объектов во времени.

Оглядываясь назад, мы видим, как неисчерпаемо разнообразны могут быть аспекты времени в изобразительном искусстве, как непрерывно меняются представления времени в смене эпох и стилей. Есть эпохи, которым проблема времени близка и родственна, и есть другие, которым она более чужда. Есть эпохи, более тяготеющие к стабильности пространства (классицизм), и другие – более проникнутые динамикой времени (барокко). Но при всей изменчивости этой эволюции некоторые выводы вытекают из нее с достаточной ясностью. Прежде всего не подлежит сомнению, что представление времени является неотъемлемым элементом, важнейшим творческим стимулом в концепции скульптора, живописца и графика, сообщающим подлинную жизнь их образам. Сегодня постепенно намечается последовательная эволюция мировоззрения в сторону все более тесного слияния времени и пространства, их неотделимости в точке настоящего. При этом в искусстве всегда присутствует обречённость на вечное настоящее, в нём происходит собирание мира, его целостного образа. Художественное время как целостный феномен, как настоящее переживается зрителем только благодаря глубине смыслов, заложенных в творении, но прежде схваченных, прочувствованных самим художником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. – Минск : Харвест, 1999. – 1407 с.
2. Виппер, Б.Р. Введение в историческое изучение искусства / Б.Р. Виппер. – М. : В. Шевчук, 2010. – 368 с.
3. Делёз, Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – М. : Ин-т экспериментальной социологии, СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.
4. Духан, И. Авангард и авангарды в искусстве и проектной культуре XX века / И. Духан // Авангард и культуры: искусство, дизайн, среда : мат. Междунар. науч. конф., Минск, 17–19 мая 2007 г. / редкол.: И.Н. Духан [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – С. 12–19
5. Духан, И. Теория искусств : Категория времени в изобразительном искусстве и архитектуре : учеб. пособие / И. Духан. – Минск : БГУ, 2005. – 104 с.
6. Искусство и философия: мат. Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию со дня рожд. Ж.-П. Сартра и Э. Левинаса, Минск, октябрь 2005 г. / редкол.: П.И. Бригадин [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 301 с.

7. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А. Микешина. – М. : Прогресс – Традиция, 2002. – 624 с.

Finsler O.V. Philosophical Conceptions of Time in Fine Arts

The article analyses philosophical conceptions of time in the context of the development of fine arts, compares the views of thinkers (Aristotle, Kant, Leibniz, Bergson and others) on time with creative manners and activities of painters of different epochs (da Vinci, Tintoretto, Vatteo, Russolo and others). Direct influence of values and world outlook basis of culture and philosophical concepts on and embodiment, style and intentions of creators is observed.

Рукопис паступиў у рэдкалегію 04.04.2011

УДК 130.2:21(498)

Н.А. Никонович

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИФО-ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ М. ЭЛИАДЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

В работе предпринят анализ когнитивного теоретико-методологического потенциала идей выдающегося румынского ученого создателя Чикагской школы сравнительного религиоведения М. Элиаде. Парадигма М. Элиаде является самобытным подходом в изучении мифа и религии, значительным шагом в развитии религиоведческой науки. М. Элиаде принадлежит качественно новая трактовка религиозных феноменов: их значимость определяется сакральным статусом, выводящим их за пределы наличного бытия. Выявлены методологические следствия концепции М. Элиаде: на ее основании можно конструировать онтологию мифа и религии. Подход М. Элиаде может быть положен в основу методологии исследования культур по сакрально-религиозному признаку. Операционализация основополагающих концептов М. Элиаде, таких как дуальная оппозиция «сакральное-профанное», является методологическим инструментарием для изучения и анализа различных культур. Изучение подхода М. Элиаде к проблеме соотношения мифологического и исторического бытия, циклических ритмов дает возможность выявить специфику социокультурной динамики современности, а анализ проблемы миф – история в контексте проекта онтологизации мифа раскрывает перспективы кросскультурного исследования этих понятий у разных народов.

М. Элиаде (1907–1986) является выдающимся румынским ученым, создателем Чикагской школы сравнительного религиоведения, профессором, автором работ «Миф о вечном возвращении», «Мефистофель и Андрогин», «Аспекты мифа», «История веры и религиозных идей», «Священное и мирское» и других. Будучи весьма известным на Западе (где он провел большую часть своей жизни, работая профессором кафедры истории религии в Чикаго, а позднее основав собственную школу), в отечественной гуманитарной науке, к сожалению, он все еще остается малоизученным автором, хотя его наследие востребовано на Западе и представляет большое значение для современной гуманитаристики. М. Элиаде являлся почетным доктором Сорбоннского, Йельского, Вашингтонского университетов, членом Бельгийской Академии, членом-корреспондентом Британской и Австрийской Академий [5, с. 107]. На фоне развития религиоведческой и культурантропологической науки в XX веке значительным прогрессом явилось возникновение его теории мифа, которая открыла перед религиоведением и философией культуры новые горизонты. Парадигма М. Элиаде является самобытным подходом в изучении мифа и религии, значительным шагом вперед в развитии религиоведческой науки. Она содержит ценные разработки в этой области и подводит итог сделанному в этом направлении другими школами и исследователями. М. Элиаде принадлежит качественно новая трактовка религиозных феноменов: на основании его теории мифа можно конструировать онтологию мифа и религии. Можно говорить о том, что М. Элиаде предлагает онтологическую трактовку феноменов бытия традиционных культур: их значимость определяется сакральным статусом, выводящим их за пределы наличного бытия.

Наличие русско- и белорусскоязычной литературы о М. Элиаде крайне ограничено: полностью отсутствуют отдельные фундаментальные исследования и

Научный руководитель – Т.П. Короткая, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Белорусского государственного экономического университета

монофии, посвященные научному творчеству румынского мыслителя. В отечественной философской традиции отсутствует системный и цельный анализ взглядов М. Элиаде, а также не разработана классификация и типологизация его учения. Несмотря на это, современное интеллектуальное белорусское пространство постепенно приходит к осознанию значимости данной парадигмы для современной мировой и белорусской науки. Попытка системного анализа наследия данного ученого предпринята автором этих строк в ряде статей, в которых анализируются основные концепты известного ученого, а также их значение для современной культурологической науки.

Немецкий философ и методолог науки К. Хюбнер, классифицируя подходы к изучению мифа, небезосновательно относит М. Элиаде к направлению, обозначенному им как «нуминозная интерпретация мифа» [17, с. 67]. Сам мыслитель не относил себя ни к одному из направлений современной ему антропологии, этнологии и теории культуры, кроме основанной им Чикагской школы сравнительного религиоведения. Значительное влияние на него было оказано Д. Фрезером и В. Шмидтом. Работы З. Фрейда и К. Леви-Строса также не остались без внимания со стороны ученого, однако психологизаторская трактовка З. Фрейдом многих ключевых образов человеческой культуры не принималась Элиаде, хотя понятие «бессознательного» фигурирует в его работах. Систему К. Леви-Строса он находил чрезмерно логицизированной, «растворяющей индивидуальное сознание». Элиаде значительно опирается на этнографический материал, синтезируя его, и на нем строит свою концепцию, что дало основание Е. Строгановой обозначить его подход термином «этнофилософия» [15, с. 205]. Н.Н. Беспамятным концепция мифа М. Элиаде, наряду с А.Ф. Лосевым, определяется как феноменологическая [2, с. 60]. Данный автор рассматривает такие концепты Элиаде, как «миф» и «история», в их сопряженности. Основанием для обозначения концепции Элиаде как феноменологической Н.Н. Беспамятных считает преемственность в восприятии мифа, его транзитивность.

Известный российский религиовед А.Н. Красников, разрабатывая классификацию феноменологии религии, относит М. Элиаде к классической форме феноменологии религии, следующей за доклассической (П.Д. Шантепи, де ла Соссе) [6, с. 96]. П.Г. Мартысюк в своей монографии «Мифологическая идея вечного возвращения в эволюции культуры» [8] в связи с рассмотрением различных модификаций идеи «вечного возвращения» обращается к взглядам М. Элиаде наряду с рассмотрением подходов Ф. Ницше, Ж. Делёза, Дж. Вико, Ф. Боаса, Б. Малиновского и др. Подчеркивается связь категорий «миф» и «ритуал» у Элиаде, затрагиваются такие понятия его учения, как «сакральное», «время», «история», справедливо подмечается контрпозициональность понятий «вечное возвращение» и «история». Из работ, посвященных М. Элиаде, можно упомянуть вступительную статью Н.Я. Дараган «Очерк жизни и творчества Мирча Элиаде» [3], помещенную в сборнике его работ «Космос и история», послесловие В.А. Чаликовой к указанному сборнику [18], послесловие В.Я. Петрухина к работе М. Элиаде «Очерки сравнительного религиоведения» [12], послесловие Е. Строгановой к «Аспектам мифа» [15].

В.Я. Петрухиным были подмечены онтологические элементы в системе Элиаде и значение эпохи Первотворения как рубежной между сакральным и профанным временем. Им также было справедливо отмечено, что причины отсутствия внимания Элиаде к социальным основам религии и мифа связаны с отнесением их к сфере «профанного». Отдельные упоминания о румынском ученом содержатся в работе Е.М. Мелетинского «Поэтика мифа», который рассматривает понятие времени у Элиаде, однако оспаривает трансгисторическую позицию ученого [9, с. 72–73]. Противоположной точки зрения придерживается Ю.М. Антонян: «М. Элиаде принадлежит огромная заслуга в том, что он вскрыл борьбу профанного времени с сакральным, стремление человека уйти из «первого во второе» [1, с. 42]. Позиции Элиаде касается Е.А. Торчинов в работе «Религии мира» [16], акцентируя внимание на понятии «сакрального» у Элиаде и его значении для религиоведения. Е.А. Торчинов делает важ-

ное с методологической точки зрения замечание: по его мнению, в работах М. Элиаде «присутствует неудовлетворенность господствующей парадигмой» [16, с. 11] (имеется в виду социологическая парадигма Вебера – Дюркгейма – Малиновского).

О возрастании интереса со стороны российской, литовской и украинской современной гуманитарной науки к культурно-религиоведческой концепции М. Элиаде свидетельствует появление ряда авторефератов. Специфика феноменологии религии М. Элиаде затрагивается в автореферате О.К. Михельсон «Феноменологическое религиоведение М. Элиаде» [10]. Здесь рассматриваются такие аспекты феноменологии М. Элиаде, как герменевтическая феноменология, концепция *homo religiosus*, *homo symbolicus*. Прослежена преемственность феноменологической концепции М. Элиаде и предшествующих феноменологических направлений. Можно согласиться с автором в отношении того, что понятие *homo religiosus* является «важнейшим методологическим основанием религиоведения Элиаде» [10, с. 11], следствием чего является представление об априорности религиозного.

В ключе традиционализма подход М. Элиаде рассматривается в автореферате А.И. Макарова «История» и «традиция» в философии европейского традиционализма (Рене Генон и Мирча Элиаде)» [7]. По мнению А. Макарова, данная проблематика проясняет ситуацию современного традиционализма. Из имеющихся авторефератов, рассматривающих творчество М. Элиаде, можно упомянуть работу Н.Э. Седокова «Архетипы бытия и символы культуры (Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде)» [13], Л.Л. Засимаускаса «Экзистенциальная феноменология религии М. Элиаде в концепции культуры» [4]. Из работ последних лет можно упомянуть автореферат «Час як філософська та релігієзнавча проблема (за матеріалами творчості М. Еліаде)» [11], в котором акцентируется внимание преимущественно на проблеме времени у Элиаде в контексте классических и современных философских подходов. О возрастании интереса к творческому наследию румынского философа свидетельствует тот факт, что феноменология религии М. Элиаде введена в учебные курсы в Российской Федерации [19].

В статье доктора философских наук профессора Л. Клейна «Антропологическая феноменология» [5] представлена эволюция взглядов и творческий путь М. Элиаде в контексте духовно-интеллектуальной культуры XX века. А. Клейн рассматривает идеи М. Элиаде сквозь призму экзистенциализма и иррационализма [5, с. 107]. Автор статьи справедливо отмечает интенцию М. Элиаде к «усмотрению общих форм», к универсализму в понимании религии. Именно этот подход позволил румынскому мыслителю построить масштабный синтез, подвести фундаментальную философскую базу под разрозненный комплекс представлений доисторических культур. Как совершенно справедливо утверждает А.Н. Красников, при обширном этнографическом и антропологическом материале, накопленном западной культурантропологической школой, отсутствует его философское осмысление и не предпринята попытка его синтеза. Данный пробел во многом восполняется благодаря предпринятому М. Элиаде масштабному религиоведческому и культурологическому синтезу, в котором дается философское обоснование ранее разрозненным в гуманитарной науке понятиям и категориям.

Что касается работ зарубежных исследователей, то в фокусе их внимания оказываются проблемы философской теологии у М. Элиаде [24], творческой свободы в контексте сопоставления взглядов Э. Кассирера, М. Элиаде, Р. Барта [20], структура его герменевтики [23]. Предпринят также социально-научный анализ его идей [26]. Работы зарубежных авторов, в центре внимания которых оказывается научный подход М. Элиаде, можно структурировать следующим образом: группа работ посвящена проблеме сакрального (К. Ольсон, Б.С. Ренни, Р. Стадстил) [23; 25; 27], рядом исследователей рассматривается феноменологический подход М. Элиаде [21; 27], а также герменевтические и экзистенциальные модусы его парадигмы [23; 24]. В работе Р.Е. Мигхера акцентируется внимание на религиоведческой методологии при интерпретации сакрального [22]. Монография А. Барбосы да Сильва «Феноменология религии как философская проблема: анализ общих теоретических предпосылок

феноменологии религии и феноменологического подхода М. Элиаде в частности» [21] посвящена рассмотрению общих теоретических основ феноменологии религии М. Элиаде, специфике его феноменологического подхода, что немаловажно для понимания его концепции. При том, что в указанных работах рассматривается религиозоведческий и культурологический потенциал работ румынского ученого, дальнейшему исследованию подлежит значение данной концепции для изучения социокультурных процессов современности (тенденции глобализации и локализации культур и др.).

Вклад М. Элиаде в развитие теории и истории религий, мифа, этнологии, философии культуры огромен. В фокусе его исследований оказывались проблемы функционирования мифа и религии в разных (преимущественно традиционных) культурах, проблемы соотношения архетипического бытия и исторического становления в разных типах культур, проблемы мифологизма и историзма, проблемы постижения различных культурных миров. М. Элиаде в своих работах обращается к вопросам времени, цикличности, сакральности. Им продемонстрирована диаметрально противоположность двух способов существования в мире: сакральном и профанном бытии. Феномен сакрализации основывается на базовом постулате о воспроизводимости предустановленных архетипических форм, а ее целью является преобразование природно-антропокосмической субстанции, уподобление человеческого образа первоначальным мифологическим парадигмам. М. Элиаде выделяет два пласта времени: архаическое «время *бюно*» (другое название – австралийское «время Сновидений») и секуляризованное время исторического становления. Эти два пласта противостоят друг другу, и М. Элиаде показывает приоритетность первого перед вторым в архаической культуре. Мифологическое время представляет собой гомогенную структуру, континуум, отличительной особенностью которого является завершенность. Явленные в правремя события очерчивают образ существования в мире, обладающий целостностью и самодостаточностью. Доминирование одного из этих двух типов времени – сакрального либо профанного – определяет, по Элиаде, духовный облик данной культуры. Сознанию современного человека свойственен историцизм как устойчивое самоотождествление с событиями истории; самосознанию первобытной, архаической культуры присущ онтологизм – интенция к обретению прочного духовного фундамента, укорененного в бытии. В этих двух типах самосознания кроется различие в ментальных структурах архаического и цивилизованного сознания. М. Элиаде предпринимает попытку построить морфологию сакрального, и решению этой задачи посвящена работа «Очерки сравнительного религиоведения».

Поскольку мир культурных паттернов, символов и архетипов не существует изолированно, а определенным образом преломляется в сознании человека и определяет бытие культуры, то становится очевидным необходимость изучения этих культурных форм для мониторинга и прогнозирования социокультурных процессов на современном этапе, в частности проблемы преемственности и новации, традиционализма и модернизма, т.е. проблемы транзитивности культуры. В современном глобализирующемся мире встает проблема сохранения культурной идентичности, и в этом смысле оказываются востребованными идеи Элиаде о сущности и структуре мифологического сознания: сохранению целостности культуры в трансформирующихся условиях глобального мира может способствовать сохранение ее мифо-архетипического содержания, что имеет своим следствием сохранение культурной памяти. Проблема кризиса идентичности стала своеобразным опознавательным знаком современности. Подвергается диссоциации «ощущение тождества и целостности» (Э. Эриксон) личности. Аналогичные процессы затрагивают и культуру. Причиной кризиса идентичности может быть расхождение культурных шаблонов и психологических паттернов, утрата основы в виде религиозной, национальной либо культурной принадлежности, деструкция системы ценностей. В этой связи становится актуальным обращение к сакральным истокам культуры. Современная культурная стратегия должна заключаться в поиске базового основания культурной идентичности. Одним из таких оснований может быть понятие сакрально-

го, предложенного М. Элиаде, взгляды которого на природу сакрального могут служить маркером при анализе и типологии культур.

Анализ мифологической парадигмы М. Элиаде может способствовать выявлению культурных и социальных дихотомий. Так, например, рассмотрение особенностей архаических культур, фиксирующее их самобытность, а также их место и роль в современном мире, во многом может явиться методологическим ключом для анализа специфики развития современных и существовавших ранее культур. Также в философской мысли дискусируется вопрос о релевантном характере мифа, и в этом смысле рассмотрение проблемы функционирования мифа способствуют выработке новых представлений о специфике культуры и ее унификации. Сущностная экспликация особенностей мифологической парадигмы способствует выработке стратегии межцивилизационного диалога, взаимопроникновения культур, поскольку социокультурные различия во многом детерминированы различными типами ментальности.

Следует отметить, что проблема мифа актуализируется в современной неклассической философии, что связано с развитием новых представлений о нелинейном характере времени. Утверждение синергетической парадигмы вызвало к жизни новые представления о времени, движении, развитии. Неравновесность и нелинейность систем (в том числе культурных и социальных) становятся одними из характеристик их бытия. Человеческое бытие рассматривается сквозь призму экзистенциальных характеристик, в частности его конечности, что актуализирует проблему мифа и действительности, воображаемого и реального. В концепции Элиаде содержатся имплицитные предпосылки для создания новой методологии культуры. В разных культурах наблюдается различное соотношение онтических и онтологических элементов, что позволяет видеть феномены этой культуры как недетерминированные прошлым и латентно определяющие смысловую сферу данной культуры. Таким образом, прежде чем исследовать характерные смыслоформы, образы, мифологемы, латентно содержащиеся в данной культуре, следует понять, имеют они онтический либо онтологический статус. Смысловая сфера культуры распадается на эти фундаментальные базовые уровни: онтический и онтологический. Когда онтически сжимается время, цивилизации существуют более короткий промежуток времени. Онтологическая размеренность времени не всегда совпадает с онтической. Различая онтическое и онтологическое, М. Хайдеггер приводит в пример Бамбергский собор. Если экстраполировать эту метафору фундаментальной онтологии М. Хайдеггера на антропологию и культуру, то она будет иметь своим следствием представление о культуре, которая может быть жива с онтической точки зрения, но мертва с онтологической. Более детальное рассмотрение категорий «онтический» и «онтологический» содержится в работе С.Н. Ставцева «Введение в философию Хайдеггера» [14]. Классическая фраза Г. Риккерта о том, что истины не существуют, но значат, применима к анализу синхронности и диахронности культур. Это означает, что есть культуры, которые перестают существовать в онтологической размеренности (Месопотамия, Шумер, Древний Египет и др.), но продолжают существовать онтически. Их духовное, сакральное качество трансформировалось в онтическое измерение, в котором архетипы, мифологемы, символы продолжают латентно существовать в сфере культурных смыслов.

Подход М. Элиаде может быть положен в основу методологии исследования культур по сакрально-религиозному признаку. Исходя из этого, можно классифицировать культуры на основании имманентно присущих им свойств: существуют мифо-религиозные и секуляризованные культуры. В зависимости от того, какой тип доминирует, формируется менталитет, самосознание и система ценностей. Различие между типами культур заключается не столько во внешнем выражении и культурных атрибутах, сколько в способах оперирования с реальностью. Операционализация основополагающих концептов М. Элиаде, таких как дуальная оппозиция «сакральное-профанное», является методологическим инструментарием для изучения и анализа различных культур: изучение подхода М. Элиаде к проблеме соот-

ношения мифологического и исторического бытия, циклических ритмов дает возможность выявить специфику социокультурной динамики современности (процессы унификации и мультикультурализма), а анализ проблемы «миф – история» в контексте проекта онтологизации мифа Элиаде раскрывает перспективы кросскультурного исследования этих понятий у разных народов. Работы Элиаде дают основание говорить о формировании новой онтологической парадигмы в изучении мифа. Элиаде было продемонстрировано, что в основе первобытной культуры лежит базовая интенция к обретению «укорененности» в бытии; архаическое сознание обнаруживало ценность вещей лишь постольку, поскольку они причастны бытию. Специфичность подхода Элиаде в изучении онтологии мифа заключается в том, что он направлен на изучение мифа «изнутри», с точки зрения самих мифопорождающих структур. В этнопсихологии такой подход назван еміс-подходом. В сущности, Элиаде представляет подобный еміс-подход в теории мифа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю.М. Миф и вечность / Ю.М. Антонян. – М. : Логос, 2001. – 464 с.
2. Беспмятных, Н.Н. Мифология: введение в теорию мифа : монография / Н.Н. Беспмятных. – Минск : ООО «ФУА информ», 2004. – 240 с.
3. Дараган, Н.Я. Очерк жизни и творчества Мирча Элиаде / Н.Я. Дараган // Элиаде М. Космос и история. Избр. работы; пер. с фр. И англ. А.А. Васильева [и др.] / Общ. ред. И.Р. Григулевича, М.Л. Гаспарова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 3–26.
4. Засимаускас, Л.Л. Экзистенциальная феноменология религии М. Элиаде в концепции культуры: автореф. ... дис. канд. филос. наук / Л.Л. Засимаускас. – Вильнюс, 1985. – 24 с.
5. Клейн, Л. Антропологическая феноменология / Л. Клейн // Развитие личности. – М. : МПГУ, 2008. – № 4. – С. 69–115.
6. Красников, А.Н. Становление классической феноменологии религии / А.Н. Красников // Религиоведение. – 2002. – № 1. – С. 96–104.
7. Макаров, А.И. «История» и «традиция» в философии европейского традиционализма (Рене Генон и Мирча Элиаде): автореф. ... дис. канд. филос. наук / А.И. Макаров. – Волгоград, 1999. – 25 с.
8. Мартысюк, П.Г. Мифологическая идея вечного возвращения в эволюции культуры / П.Г. Мартысюк. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2004. – 288 с.
9. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – 2-е изд. – М. : Издат. фирма «Восточная литература» РАН, Школа «Языки русской культуры», 1995. – 408 с.
10. Михельсон, О.К. Феноменологическое религиоведение М. Элиаде: автореф. ... дис. канд. филос. наук / О.К. Михельсон. – СПб., 2003. – 20 с.
11. Моссоковська, І.А. Час як філософська та релігієзнавча проблема: (за матеріалами творчості М. Еліаде): автореф. ... дис. канд. філос. наук: 09.00.11 / І.А. Моссоковська. – Київ, 2008. – 20 с.
12. Петрухин, В.Я. Послесловие / В.Я. Петрухин // Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. Избр. соч.; пер. с англ. Ш.А. Богиной [и др.] / Отв. ред. В.Я. Петрухин. – М. : Ладомир, 1999. – С. 421–427.
13. Седоков, Н.Э. Архетипы бытия и символы культуры (Карл Густав Юнг и Мирча Элиаде): автореф. ... дис. канд. филос. наук / Н.Э. Седоков. – М. : РГУ, 2004. – 19 с.
14. Ставцев, С.Н. Введение в философию Хайдеггера : учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитар. спец. / С.Н. Ставцев. – СПб. : Лань, 2000. – 190 с.
15. Строганова, Е. Мирча Элиаде / Е. Строганова // Элиаде М. Аспекты мифа; пер. с фр. В. Большакова. – М. : Инвест – ППП, 1996. – С. 202–225.

16. Торчинов, Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е.А. Торчинов. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1997. – 384 с.
17. Хюбнер, К. Истина мифа / К. Хюбнер; пер. с нем. И. Касавина. – М. : Республика, 1996. – 448 с.
18. Чаликова, В.А. Послесловие / В.А. Чаликова // Элиаде М. Космос и история. Избр. работы; пер. с фр. и англ. А.А. Васильева [и др.]. – М. : Прогресс, 1987. – С. 252–281.
19. Человенко, Т.Г. Феноменология религии: учеб.-метод. пособие / Т.Г. Человенко. – Орел : Изд-во ОГУ, 2003. – 60 с.
20. Baeten, E.M. Myth and freedom // Thought. – N.Y. – Vol. 47. – № 266. – P. 324–338.
21. Barbosa da Silva, A. The phenomenology of religion as a philosophical problem: An analysis of the theoretical background of the phenomenology of religion, in general, and of Eliade's phenomenological approach, in particular. – Lund : Gleerup, 1982. – 274 p.
22. Meagher, R.E. Mircea Eliade: Methodology and the meaning of the sacred // Hermathena. – Dublin, 1980. – № 128. – P. 7–19.
23. Olson, C. The fore-structure of Eliade's hermeneutics // Philosophy today. – Celina, 1988. – Vol. 32. – № 1. – P. 43–53.
24. Olson, C. Theology of nostalgia: Reflections on the theological aspects of Eliade's work // Numen. – Amsterdam, 1989. – Vol. 36. – Fasc. 1. – P. 98–112.
25. Rennie, B.S. The religious creativity of modern humanity: some observations on Eliade's unfinished thought // Religious studies. – Cambridge; N.Y., 1995. – Vol. 31. – № 2. – P. 221–235.
26. Segal, R.A. Misconceptions of the social sciences // Zygon. – Winter Park, 1990. – Vol. 25. – № 3. – P. 263–278.
27. Studstill, R. Eliade, phenomenology, and the sacred // Religious studies. – Cambridge; N.Y., 2000. – Vol. 36. – № 2. – P. 177–194.

Nikonovich N.A. Culturological Value and Cognitive Potential of M. Eliade's Mythological Paradigm in the Context of Contemporary Conceptual Approaches

In the work the author made an attempt to analyze the cognitive theoretical and methodological potential of the ideas of an outstanding Romanian scientist, the founder of the Chicago School of Comparative Religion M. Eliade. The M. Eliade's paradigm is an original approach in the study of myth and religion, a huge step forward in the development of Religious Science. A qualitatively new interpretation of the religious phenomena belongs to M. Eliade: their importance is determined by the sacral status, which takes them beyond present being. The methodological consequences of M. Eliade's concept were also identified: on its basis the ontology of myth and religion may be constructed. M. Eliade's approach may be put in the basis of methodology of cultural research by sacral and religious signs. The operationalization of M. Eliade's basic concepts, such as a dual opposition «sacred – profane» is a methodological tool for research and analysis of different cultures: the study of M. Eliade's approach to the problem of correlation of mythological and historical being, cyclical rhythms gives an opportunity to identify the peculiarity of the sociocultural movement of modernity and the analysis of the problem myth-history in the context of M. Eliade's project of myth ontologization opens the perspectives of cross-cultural study of these concepts in different nations.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.07.2011

УДК 13 + 141.7

Т.А. Бакуменко

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКАЯ РОЛЬ ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Предлагаемая статья посвящена проблеме культурной традиции, наиболее актуальной для эпохи Серебряного века. Традиция рассматривается как отшлифованный, кристаллизованный опыт поколений, который транслируется и усваивается не механически, а в живом творческом усилии своих последователей. Традиция не тождественна традиционализму – приверженности традиции как высшей ценности, она не цель, а средство участия в культуротворчестве.

Введение

Одной из главных тем культурфилософских поисков Серебряного века была тема культурной памяти, традиции. Воплощенная память культуры – традиция; она предполагает не только передачу и хранение, но и продолжение опыта, включающего его содержание, свойства, условия, при которых возможно осуществление культурной практики. Сохранение традиции несовместимо с косностью, неподвижностью, но требует активного творчества по ее осмыслению и включению в контекст современной культуры.

Целью данной статьи является определение места традиции в культуре Серебряного века, обозначение ее культуротворческой роли. В соответствии с поставленной целью решаются задачи: 1) рассмотреть традицию как память культуры, 2) осмыслить традицию в контексте философии творчества Серебряного века, 3) проанализировать принцип отражения как способ интерпретации традиции.

Традиция как память культуры

Особенностью культурфилософской рефлексии Серебряного века является сосредоточенность на проблемах традиции и памяти как основаниях культурного развития общества, как важнейшем условии сохранения целостности культуры. Обращаясь к прошлому культуры, Серебряный век пытался идентифицировать собственную культуру в поисках грядущего пути развития. Чем выше культура, ее идеи, тем прочнее ее традиции, основания: «... ни один шаг по лестнице духовного восхождения невозможен без шага вниз, по ступеням, ведущим в ее (памяти – Т.Б.) подземные сокровища: чем выше ветви, тем глубже корни» [7, с. 119].

Творцам Серебряного века было свойственно метафизическое переживание времени, особенно характерное для символистов. В их восприятии современность проступала сквозь прошедшее, которое могло быть прочитано и пережито посредством произведений искусства, литературы, архитектуры. Воссоздавая образы и картины прошлого, символисты не стремились к изображению исторических событий или исторических деятелей, содержанием их работ были историософские размышления, а героем произведений был дух эпохи, воссоздаваемый посредством стилизации.

Художники Серебряного века особое внимание уделяли теме памяти культуры, понятой в духе Платона как припоминание, воспоминание, возврат к идеальному прошлому, осознание его связи с настоящим. Философы Серебряного века трактовали

искусство как воспоминание о горнем мире. Так, П.А. Флоренский полагал, что у стоящего перед иконой человека оживает память о забытых глубинах бытия и что это воспоминание приносит ему истинную радость обретения забытой истины, а Вяч. Иванов утверждал, что через поэта и поэзию «народ вспоминает свою древнюю душу и восстанавливает спящие в ней возможности» [7, с. 141].

Категория памяти в культуре Серебряного века выступала в качестве прообраза вечности. «Победа над падшим временем есть победа памяти, как энергии, исходящей из вечности во время» [4, с. 267]. Память воспринималась Вяч. Ивановым и многими другими мыслителями Серебряного века как необходимое универсальное условие культурного самосознания. По Иванову, память культуры – напоминание миру о высшем бытии, сама же культура не есть предельное бытие, она объявлена не самоцелью, но воспитательницей души человека на пути к истине. Культура – специфически человеческая форма памяти и ее наследования. Память, традиция выступают главным условием существования и сохранения культуры, в том числе национальной. «Я не могу не чувствовать благодарности и благоговения к тем людям, которые своими трудами и подвигами вывели мой народ из дикого состояния и довели его до той степени культуры, на которой он теперь находится» [10, с. 182]. Любой культурный человек обязан наследовать культурные богатства, сохранять и преумножать их, передавать потомкам культурную эстафету.

Тема памяти культуры также связана с идеей сохранить «все», вспомнить «все». Память культуры позволяет «перелететь на крыльях лебединых двойную даль пространства и веков» (В.С. Соловьев). Серебряный век осознавал себя наследником мировой культуры, видел свои корни прежде всего в Древней Руси, в Византии, в Древней Греции, отчасти в Древнем Риме и в европейском Возрождении и, конечно же, в «золотом» (пушкинском) веке русской культуры. Культура Серебряного века искала гармоническое единство и всеобщее примирение между Востоком и Западом, между прошлым и будущим, национальным и всечеловеческим, народным и аристократическим.

В.С. Соловьев утверждал, что культурный мир един в своем многообразии, и основу этого единства составляет преемственность, духовное наследование. «Если хочешь быть человеком будущего, современный человек, не забывай в дымящихся развалинах отца Анхиза и родных богов... А наша святыня могущественнее Троянской, и путь наш с нею дальше Италии и всего земного мира. *Спасаящий спасется*. Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» [11, с. 557].

Категория памяти в культуре имеет значение органического целого, вмещающего и фокусирующего в себе весь универсум традиций. «Предметом передачи является весь опыт человечества, и, кроме того, передается этот опыт не из рук в руки непосредственно, а иногда через головы нескольких поколений, иногда же через века и тысячелетия... Есть традиция внутренняя, подземная, подсознательная... Присутствие этой традиции доказывается тем, что в явлениях, не имеющих никакой внутренней зависимости друг от друга, обнаруживается поразительное внутреннее единство» [11, с. 98–99]. Это внутреннее единство обеспечивается именно памятью культуры. Память – гарантия целостности, единства, преемственности в культуре.

Мыслители Серебряного века, движимые, с одной стороны, чувством ответственности перед культурой, с другой – желанием удержать равновесие в разрушавшемся и раскалывавшемся мире, стремились подвести своеобразный итог всему лучшему, созданному прежними эпохами, напомнить о великих традициях и великих истоках. Им виделась общекультурная миссия России как всеобщей примирительницы распадающегося мира, чему должны были способствовать всевосприимчивость, а отсюда и всепонимание русского национального характера (эта идея высказывалась В.С. Соловьевым, В.И. Ивановым, С.Л. Франком вслед за А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем,

Ф.М. Достоевским и др.). Память одновременно и охраняет, и «культуротворит». Вспомнить «все», сохранить «все» – это проблема выживания культуры, но не только, это и проблема выбора – сохранить «все» без разбора, соединить подчас несоединимое невозможно, да и опасно. Потому мыслители Серебряного века сознательно избирали свое культурное прошлое, в наследии которого видели важнейшую задачу.

Память и традиция в контексте философии творчества Серебряного века

Многие мыслители Серебряного века считали главным свойством культуры способность к творчеству, готовность к его реализации. При этом само понятие творчества интерпретировалось неоднозначно. Так, Вяч. Иванов утверждал, что творчество не является определяющим и исчерпывающим признаком культуры, так как оно известно не только культуре как таковой, но и варварству. Творчество «...знаем мы в двух его основных типах: творчества варварского или стихийного, своеначального и самочинного, и творчества преемственного, или культуры в собственном смысле» [7, с. 65]. Таким образом, культура понимается как творчество «преемственное», а варварство – как творчество «самочинное».

Н.А. Бердяев в своей философии творчества последовательно становился на позицию защиты памяти и культурного наследия. Уделяя в работе «Смысл творчества» первостепенное значение понятию творческого акта, уже в «Философии неравенства» он акцентировал особое внимание на положительных смыслах культуры, в том числе традиции. Благородство культуры, по мнению философа, поверяется отношением к памяти, оно возможно только как «почитание могил и памятников, связь сынов с отцами» [1, с. 525].

С точки зрения Вяч. Иванова, культура – «живая сокровищница даров», а «...не равнина развалин или поле, усеянное костями. Есть в ней нечто воистину священное: она есть память не только о земном и внешнем лике отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто приобщаются этим посвящениям!.. Ибо память... приобщает истинных служителей своих «инициациям» отцов и, возобновляя в них таковые, сообщает им силу новых зачатий, новых починов. Память – начало динамическое; забвение – усталость и перерыв движения, упадок и возврат в состояние относительной косности» [7, с. 121–122]. Память исполняет не только консервативную, охранительную функцию, но и функцию культуротворческую, выступает источником творчества.

Вместе с тем Л. Шестов, М. Альтман, М. Гершензон вслед за Ф. Ницше говорили о бремени традиции, об усталости от культуры и ее непомерном грузе, о необходимости освобождения от ее давления. М. Гершензон в «Переписке из двух углов» сетовал на невозможность свободы в культуре, фактически указывая на оппозицию «культура – свобода от культуры». Но что есть свобода от культуры как не варварство? Отвечая М. Гершензону, воспринимавшему культуру как «систему тончайших принуждений» [7, с. 115], которая лишает свободы, Вяч. Иванов писал: «Вам кажется, что забвение освобождает и живит, культурная же память поработывает и мертвит; я утверждаю, что освобождает память, поработывает и умерщвляет забвение» [7, с. 133]. И далее: «...Пуста свобода, украденная забвением. И не помнящие родства – беглые рабы или вольноотпущенники, а не свободнорожденные. Культура – культ предков и, конечно, воскрешение отцов» [7, с. 134].

Понимая забвение традиции как проявление варварства, Серебряный век в лице мыслителей и художников призывал к возвращению традиции и памяти культуры, которые воспринимались, с одной стороны, как средство защиты от распада, с другой – как глубинное основание культуры, без сохранения которого невозможно ее дальнейшее развитие. «Путь к новой жизни – путь творческий и созидательный, а не разруши-

тельный и отрицательный, не превращение прошлого с ушедшими от нас предками в *tabula rasa*» [3, с. 16].

При забвении традиции культура переживает периоды упадка, пренебрежение традицией ведет к кризису культуры и в итоге к ее гибели. В традиции выкристаллизуется культурный опыт. Если этот огромный культурный опыт не освоить, не сделать его живым, имманентным себе, то неизбежно он станет тем мертвым грузом, который нельзя не сбросить. В этом случае культура воспринимается как механическое напластование всех достижений человечества.

Революционное сознание, революции, стремящиеся переустроить мир, неизбежно отрицают и уничтожают традицию. Задача же по созданию «нового» не должна отвергать «старое», так как последнее выполняет роль фундамента, обогащенной почвы, которая только единственно и может дать культурный плод. Культура невозможна без традиции, в то же время культуротворчество невозможно без ее преодоления. Преодоление же традиции не есть ее отрицание или забвение, но освоение и усвоение, результатом чего становится создание нового, обогащенного культурного опыта, новых форм.

Отражение как способ интерпретации культурной традиции

В культурфилософии Серебряного века важную роль играет концепт отражения. Отражение рассматривается как способ существования культурной традиции, специфическая форма культурной преемственности. Это культурный опыт, переосмысленный, пересмотренный сквозь призму своего времени. При этом сам Серебряный век является собой опыт культуры, которая не сетовала на всеказанность в творчестве и не оправдывала варварское всеотрицание и всеразрушение, а явила творческое переосмысление мирового наследия.

Культура Серебряного века органично сочетала в себе разноречивые, разновременные и разностилевые влияния: античность, средневековье (и западноевропейское, и собственно русское – древнерусское), готику (популярную в архитектуре модерна), Возрождение, классицизм. Примечательно сочетание в одной исторической эпохе разных творческих методов, направлений, движений, имен (кажется невероятным, что Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, К.С. Малевич, В.В. Кандинский, С.В. Рахманинов, А.Н. Скрябин были современниками).

Отражение – основная установка культуры Серебряного века; возрождение – форма отражения, это воплощенная память, осуществленная традиция. Н.А. Бердяев писал о Вяч. Иванове, что его «творчество не совершается непосредственно, а всегда через посредство старых культур, чужого творчества, былых времен» [2, с. 392], что он «все будет соединять и примирять, он синкретичен по своему духу» [2, с. 398], как, впрочем, «синкретична» и культура Серебряного века.

«Серебряность» Серебряного века – это осознанная утрата былой гармонии культуры, осознаваемая неспособность ее полного возрождения, и лишь отраженность в «золоте» гармонии. «Правда и то, что сияние его – как и подобает серебряным векам – было в известной мере отраженным: его мысль и его вкус обращались к прошлому и дальнему; его архитектура была ретроспективной, и на всем его искусстве лежал налет стилизации, любования чужим; его поэзия (и вообще литература), несмотря на внешнюю новизну, жила наследием предыдущего столетия; он не столько творил, сколько воскрешал и открывал» [5, с. 140].

Многие современные исследователи считают, что культура Серебряного века «как бы подводит итог двум самым ярким столетиям в истории культуры России» [8, с. 2]. Придавая наибольшее значение лишь тем столетиям в русской культуре, которые развивались в рамках новоевропейской культурной парадигмы, они и значение Серебряного века видят только в наследовании, развитии и логическом завершении имен-

но этих двух столетий, не желая признавать другой его составляющей – наследования «золотым веком» русской культуры, значения открытий уже забытых культур Киевской и Московской Руси, а также Византии. Серебряный век завершал петербургский период русской культуры, и потому, быть может, в нем многие исследователи ищут только свойства и проявления западных установок. Однако, завершая петербургский период, Серебряный век одновременно и отталкивался от него, заявляя своей «серебряностью» о связи с «золотом» русских культурных эпох.

Серебряному веку свойственны те же проявления культуры, что и западноевропейскому культурному пространству: декаданс, модерн, неоготика, неоромантизм, неоклассицизм. Вместе с тем, отдавая дань «святым местам» европейской культуры, ее «золотым векам», Серебряный век четко определил свою ориентированность на «золотой век» русской культуры, с восторгом обратился к своей самобытной национальной традиции, воплощая ее в современных формах культуры, например, в неорусском стиле в искусстве.

«Золотыми» в русской культуре определены век Сергия Радонежского и Андрея Рублева (в рамках средневековой, древнерусской культурной парадигмы), а также пушкинский век (в рамках новоевропейской культурной парадигмы). Уже сам термин «Серебряный век» содержит в себе значение возвращения, воспоминания о «золотом веке», возрождения всего лучшего в опыте и памяти культуры. Обращение Серебряного века к «золотому» было обусловлено двумя исторически значимыми юбилеями: столетием А.С. Пушкина и столетием Отечественной войны 1812 года. «Золотой век» – пушкинская эпоха, – это период активного развития национальной культуры, интенсивного роста национального самосознания. Первую треть XIX века называют «золотым» веком, так как именно в этот период русская культура убедительно заявила о своем праве на самостоятельное развитие.

Аналогия в определении века Серебряного по отношению к веку «золотому» прослеживается в стремлении рубежной эпохи обрести гармонию эпохи классической. Пушкинская эпоха представлялась веку Серебряному воплощением благородства духа, неомраченной красоты. Серебряный век, видя в «золотом» веке образец совершенной классики, самокритично ощущал отсутствие цельности на фоне своего идеала.

Гармония пушкинского века – это не только гармония стиля классической эпохи, это гармония-синтез, попытка разрешения оппозиции «свое» – «чужое». Пушкин в равной мере знал и ценил великие традиции западной и русской культур, удивительно гармонично синтезировал наследие европейской классики, а также русского фольклора, древнерусской литературы. Пушкин пытался разрешить принципиально важную для России задачу, названную Ф.М. Достоевским в речи о поэте «всемирной отзывчивостью», т.е. универсальной способностью отображать средствами своей культуры идеи и образы других культур, не изменяя при этом своей национальной специфике. Пушкин также обратился к истории России, чтобы понять закономерности и перспективы ее культурно-исторического развития.

Задача сохранения высоких духовных ценностей Серебряным веком возрождалась, переосмысливалась, отражалась, в том числе в виде идеи о «всепонимании» русской культуры. «Что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?.. Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, *всецеловеком*, если хотите... Ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть из всех народов *наиболее* предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина» [6, с. 313].

В период позитивизма и прагматизма, отделявшего «золотой» (пушкинский) век от Серебряного, уменьшалось значение Пушкина (Писарев, Белинский), и, разумеется, этот период не вдохновлялся идеями пушкинской эпохи: «Лишь в эпоху русского Ренессанса удалось в России заговорить полным голосом и смело... о творце «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина» [9, с. 361]. Серебряный век возвращался не только к творческому наследию Пушкина, к осмыслению его гения, его миссии в русской и в мировой культурах, но и выходил к идее миссии-задания русской культуры по сохранению общеевропейского культурного наследия, христианской культурной традиции.

«Серебряность» Серебряного века – это не только воспоминание о «золоте» пушкинской эпохи, ее классической гармонии, это и более глубинные обращения: к культуре Древней Руси, ее религиозно-философской мысли, иконе, зодчеству, к культуре Византии. Художники и мыслители Серебряного века с воодушевлением открывали наследие Московской и Киевской Руси, осваивали его, творчески переосмысливали, обогащая им свой художественный и философский опыт. Открытие Серебряным веком домонгольской иконы вызвало огромный интерес и к культуре Византии, было положено начало изучению ее влияния на древнерусскую эстетическую традицию. Серебряный век вбирал в себя многие идеи «золотого» (древнерусского) века на новом витке развития культуры, в иных исторических условиях.

Творческий мир в эпоху Серебряного века в своем стремлении сохранить и развить традиции национальной культуры обратился к древнерусскому высокодуховному эстетическому сознанию, отличавшемуся обостренной нравственной ориентацией. Активно ставился вопрос о сохранении культурных традиций и ценностей, живого, а не мертвого (музейного) пребывания произведений искусства в пространстве культуры. Очень многое было сделано в этом направлении. Только факта открытия древнерусской иконы было бы достаточно, чтобы Серебряный век считался состоявшимся, выполнившим свою миссию перед отечественной и мировой культурой. Серебряному веку было дано понять, сколь древне древнерусское искусство, как глубоко уходят его корни, сколь благодатны его традиции.

Заключение

Обращение к опыту Серебряного века позволяет выяснить, как сохранить культуру, как необходимо ее понимать, чтобы оградить от распада. Мы находим в опыте Серебряного века понимание того, что культура жизнеспособна лишь в случае сохранения культурной памяти и традиции. Сохраняя культурную память, культура сохраняет себя, и наоборот: забвение культурной традиции ведет к вырождению культуры, к уходу от ее высоких задач возделывания, освящения, преображения.

Сохранение традиции невозможно без напряженного культурного делания. Традиция – это память, помноженная на творчество, это не простое повторение уже устоявшегося опыта, но живое, деятельное, творческое его усвоение. Консервативное, охранительное начало ничуть не противоречит и не препятствует началу динамичному, творческому, созидательному, а напротив, способствует его утверждению и развитию. Таким образом, Серебряный век решает проблему творческого наследования культурной традиции, сохранения памяти культуры и включения её в опыт современности.

Высокие достижения культуры Серебряного века стали следствием глубокой связи прежде всего с прошлым (его лучшим опытом) русской, а также европейской культур. Серебряный век пытался восстановить связь эпох, объединить их распавшуюся духовную преемственность. Вся русская культура, Серебряного века в том числе, имеет единую корневую систему («ризомность» несостоятельна в этой культуре, чужда ей), особенность русской культуры состоит в принципиальной укорененности в традиции. Серебряный век

показал жизнеспособность и неисчерпанность, а, может быть, и неисчерпаемость такой модели культуры, более того, ее культуротворческий потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. / Н.А. Бердяев. – М. : Искусство, 1994. – Т. 1. – 542 с.
2. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. / Н.А. Бердяев. – М. : Искусство, 1994. – Т. 2. – 510 с.
3. Бердяев, Н.А. Духовный кризис русской интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М. : Канон+, 1998. – 400 с.
4. Бердяев, Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 446 с.
5. Вейдле, В. Три России / В. Вейдле // Умирание искусства / В. Вейдле. – М. : Республика, 2001. – С. 334–401.
6. Достоевский, Ф.М. Пушкин : очерк / Ф.М. Достоевский // О русской литературе / Ф.М. Достоевский. – М. : Современник. 1987. – С. 10–15.
7. Иванов, В.И. Родное и вселенское / В.И. Иванов. – М. : Республика, 1994. – 428 с.
8. Иванова, О.Ю. Античность как энтелехия Серебряного века : автореф. ...дис. канд. культурологии: 24.00.01 / О.Ю. Иванова. – М., 1999. – 22 с.
9. Ильин, В.Н. Эссе о русской культуре / В.Н. Ильин. – СПб. : Акрополь, 1997. – 464 с.
10. Соловьев, В.С. Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
11. Соловьев, В.С. Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.

Bakumenko T.A. Culture Creating Role of Tradition in the Silver Age

The article deals with the issue of cultural tradition, the most urgent for the Silver Age period. A tradition is regarded as refined, crystallized experience of previous generations, transmitted and adopted not mechanically, but through lively and creative effort of its successors. A tradition is not the same as traditionalism – adherence to tradition as an utmost value. It is not the goal, but a means of participation in creating a culture.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.07.2011

УДК 32.01: 303

Н.А. Антанович

ТЕОРИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Цель статьи – выявить и проанализировать закономерности политической сферы, реализующиеся на среднем уровне абстрактности. Выявление закономерностей политической сферы связано с формулированием теорий среднего уровня, которые являются средством упорядочения эмпирических данных, формулируют поддающиеся проверке гипотезы. Автором выделено несколько групп закономерностей: во-первых, закономерности, описывающие эффекты функционирования политических институтов; во-вторых, закономерности функционирования политических процессов в заданных условиях; в-третьих, закономерности изменений и конфликтов в политических системах.

Научное познание нацелено на выявление законов и тенденций изучаемого объекта. По поводу существования законов общественного развития ученые спорят, доходя до открытого противостояния. В марксистской теории заложены принципы детерминизма в анализе политики, основанные на признании универсальных необходимых, устойчивых причинно-следственных связей в серии исторических событий. *Закон ответственности производительных сил и производственных отношений* отражает динамику смены общественно-экономических формаций на протяжении всей человеческой истории. Другая позиция построена на отрицании жестких «железных» законов политики, имеющих универсальный и всеобщий характер. Признается возможность выявить *тенденции, закономерности* социально-политической сферы, имеющие ситуативный характер. Цель данной статьи – выявить и проанализировать закономерности политической сферы, реализующиеся на *среднем уровне абстрактности*.

Проблемы повторяемости в политике, причинно-следственных связей между политическими феноменами интересовали мыслителей с древности. Так, Аристотель выделил «правильные» и «неправильные» формы государства и показал закономерности их формирования и устройства. Макиавелли в работе «Государь» вывел правила эффективной власти, основываясь на понимании ситуативной природы политики. Монтескье пытался установить зависимость формы правления от территории государства. В. Парето показал особенности циркуляции элит. Р. Михельс вывел закон антидемократической олигархизации массовых партий. Паркинсон – законы бюрократизации. М. Дюверже – теоремы взаимообусловленности партийной и избирательной систем. Г. Алмонд показал связь институциональной организации политической системы с доминирующим типом политической культуры. Зависимость темпов политических изменений и модернизации от уровня индустриально-технологического и экономического развития показаны Д. Аптером, С. Хантингтоном, С. Липсетом. Американский политолог Д. Сиринг указал на некоторые закономерности политической социализации: чем выше уровень политического участия, тем сильнее поддержка обществом политических правил игры в нем; основными социальными силами, подкрепляющими существующие политические нормы и процедуры, являются (по возрастающей): общественное мнение в целом, общественные активисты, кандидаты на выборные должности, члены парламента; существует прямая связь между поддержкой политических институтов и сохранением социально-экономического статус-кво [1, p. 341–345].

Поппер приводил ряд примеров закономерностей социально-политической сферы: «Нельзя вводить тарифы на сельскохозяйственную продукцию и в то же время снижать

стоимость жизни»; «в индустриальном обществе группы давления потребителей невозможно организовать так же эффективно, как группы давления производителей»; «не бывает общества с централизованным планированием и системой цен, функционирующих как рыночные»; «полная занятость без инфляции невозможна». Можно привести и другие примеры, из области политики: «Невозможно осуществить политическую реформу и избежать при этом последствий, нежелательных с точки зрения конечных целей реформы»; «нельзя осуществить революцию, не вызывая реакции» [2, с. 25–26].

Итак, знание закономерностей политики формулируется в виде высказывания типа: «Если будут определенные условия и совместные интересы, то...». Такая формулировка отражает ситуативный характер политики, позволяет объяснять и прогнозировать реальные политические процессы. В фундаментальном труде «Теория и методы в современной политической науке. Первая попытка теоретического синтеза» под редакцией Стейна Угельвика Ларсена прослеживается теснейшая связь между теорией в политической науке и закономерностями политической сферы. Теории среднего уровня являются средством упорядочения эмпирических данных, формулируют поддающиеся проверке предположения (гипотезы), связаны с выявлением закономерностей политической сферы [3, с. 11].

Выделим, в первую очередь, закономерности, описывающие *эффекты функционирования политических институтов*. С. Липсет и С. Роккан сформулировали «теорию отвердения», объясняющую функционирование партийных систем. «Партийные системы 1960-х... отражают структуру расколов 1920-х гг. Это важнейшая характеристика соревновательной политики Запада в эпоху «расцвета массового потребления»: партийные организации старше, чем большинство национальных электоратов» [3, с. 55]. Названная теория опирается на тезис о стабильной связи между социальными расколами и партийными предпочтениями индивидов. Учитываются три фактора: участники, институты и социальная структура. Политические партии и элитарные группировки должны избирать стратегии, укладывающиеся в рамки сложившихся институциональных возможностей. А социальная структура (точнее, социальные расколы) накладывают ограничения на те проблемы, которые могут быть политизированы теми или иными элитарными группировками («Партийные системы и расстановка сил при голосовании», 1967). «Теорией отвердения» объясняется «исключительная стабильность» европейской политики даже после кризисов и катастроф, последовавших за разрушениями, вызванными фашизмом/нацизмом.

Закономерности формирования партийных коалиций изучены У. Райкером. У. Райкер исходил из принципа *размера коалиции*: в ситуациях, подобных играм с нулевым исходом, участники образуют коалиции как раз такого размера, какой они считают достаточным для победы, но не больше. Закономерность применима к ситуациям как минимум с тремя игроками, которые будут создавать минимальные выигрышные коалиции («Теория политических коалиций», 1962). Райкер утверждал, что сами партии также можно рассматривать как коалиции, стремящиеся завоевать лишь минимум необходимых для победы голосов.

Вторая группа закономерностей иллюстрирует *функционирование политических механизмов в заданных условиях*. На основе анализа электорального поведения были выявлены закономерности «воронки причинности»: количество релевантных причин превосходит количество релевантных следствий. Результатом этого является эффект конвергенции факторов, влияющих на электоральное поведение [3, с. 165]. А. Кемпбелл, П. Конверс, У. Миллер, Д. Стоукс – авторы работы «Американский избиратель» (1960) – использовали выражение «воронка причинности» как метафору для объяснения множества факторов, которые воздействуют на индивида в его электоральном выборе. Ось воронки причинности представляет временное измерение, а вот факторы, влияющие на ис-

ход выборов, находятся в причинной последовательности и сходятся у конца воронки. Базовыми являются такие факторы, как экономические структуры, социальные границы, исторические модели. Далее по оси следуют ценностные ориентации, политическая ориентация, на периферии воронки – принадлежность к группе, влияние друзей, влияние СМИ, оценка лидерства. На выходе воронки – экономические и политические условия, точки зрения на текущие проблемы. Факторы, в наибольшей степени влияющие на исход конкретных выборов, называются «когнитивно политизированными». Воронка причинности демонстрирует возрастающую значимость различных факторов, влияющих на политическое поведение человека. В «Новом американском избирателе» (1996) У. Миллер и Дж. Шанкс выделили следующую последовательность воронки причинности вдоль временной оси: «стабильные социально-экономические характеристики; долговременная партийная идентификация; склонности к политике; предпочтения по текущим политическим вопросам; ретроспективные оценки находящегося у власти президента по результатам управления; оценки личных качеств кандидатов; перспективные оценки будущей эффективности партий и их кандидатов» [4, p. 190].

Парадоксы индивидуального рационального выбора в сравнении с коллективным демонстрирует «дилемма заключенного». М. Фладд и М. Дрешнер, демонстрируя «дилемму заключенного», писали следующее: «Игрокам в игре с непостоянной суммой случается выбирать не очень выгодное решение... несмотря на то, что в конкретной партии в рамках формальных правил некоалиционной игры два субъекта могли бы принять принцип сотрудничества, они этого не делают... На основании данного эксперимента можно выдвинуть гипотезу, согласно которой люди имеют склонность начинать игру в ситуации равновесия, а затем пытаются найти равновесие получше» [5, p. 12, 14].

«Дилемма заключенного» использовалась для оценки поведения индивидов в условиях роста социальных расходов и укрепления государства благосостояния, оценки эффективности членства в профсоюзе, оценки соглашений о разоружении между СССР и США. На ее основе разработана теория «домино», ставшая основой «политики сдерживания» США по отношению к СССР. Согласно теории «домино», захват коммунистами власти во Вьетнаме мог привести к осуществлению такого же сценария в соседних странах. Теория «домино» является не просто политической теорией, а *частью реальной политики*, но при этом опирается на концепцию рационального выбора и «дилемму заключенного». Решение о введении войск США во Вьетнам принималось, в том числе, на основе учета названных теорий. В качестве ключевых факторов учитывались силы оппозиционных групп в странах, на которые должна быть направлена «политика сдерживания». После Вьетнамской войны теория «домино» использовалась для оправдания американской поддержки движения «контрас» в Никарагуа для предотвращения советского и кубинского влияния на весь американский континент.

Политические процессы могут иметь и незапланированные, неожиданные результаты. Такие процессы представляют особый интерес для политологического анализа. В частности, Г. Саймон показал, что публикация результатов опросов влияет на электоральные ожидания, а следовательно, на электоральное поведение и выбор избирателей. Саймон выявил «*эффект фургона с оркестром*» и «*эффект неудачника*» (эффект предсказания), которые демонстрируют механизмы, влияющие на электоральную конкуренцию. «Если люди с большей вероятностью проголосуют за кандидата, тогда, когда ожидают, что он победит, то имеет место эффект «фургона с оркестром», в противоположном случае мы имеем дело с эффектом «неудачника»» [6, p. 79–80].

Л. Питер эмпирическим способом вывел *закономерность взаимосвязи карьерного роста с упадком организаций*: в иерархии каждый работник имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности. «Некомпетентные работники остаются на должностях, с которыми они не справляются, в то время как компетентные продвигаются, пока не

достигают соответствующего уровня некомпетентности» [3, с. 301]. Л. Питер вывел описанную закономерность на основе анализа организаций в сфере образования.

Э. Даунс сформулировал *теорему медианного избирателя*, которая гласит: соревнование в двухпартийной системе заставляет партии идеологически сближаться в их стремлении завоевать решающих избирателей среднего уровня, т.е. тех, чьи воззрения помещают их между двумя партиями. Центр становится все меньше и меньше, поскольку обе партии становятся почти идентичными в своих платформах и действиях [7, р. 116–117]. В работе «Экономическая теория демократии» (1957) Даунс акцентировал внимание на анализе деятельности правительства (или победившей партии) в связи с электоральным поведением или общественным мнением. Даунс исходил из аксиом о том, что единственный интерес политических представителей – быть переизбранными и что электоральные решения мотивированы эгоистической выгодой избирателя. Соревнуясь за голоса, партии будут стремиться занять в политическом спектре места поближе друг к другу, т.е. в центре предпочтений избирателей. Даунс сформулировал ряд утверждений относительно природы партийного соперничества: 1) члены партии руководствуются не идеалами, а стремлением получить выгоду, занять пост; 2) пытаются максимально увеличить число голосов, *партии борются за центр*, что в итоге приводит к сближению их партийных программ; 3) *демократические правительства стремятся максимизировать число своих сторонников* путем перераспределения доходов. Идеологии, социальное благосостояние, не являются непосредственными и основными мотивами поведения. Эти факторы включены в поведение, но непрямым путем. Ретроспективные представления о правительстве и идеология выступают факторами снижения затрат от акта голосования.

Шведский ученый Г. Тингстен сформулировал *закон тяготения к социальному центру*: электоральное участие в пределах группы возрастает вместе с ее относительной силой в избирательном округе. Согласно Тингстену, политическое поведение связано с относительным преобладанием социального класса в определенном округе, а участие социальной группы повышается вместе с этим относительным преобладанием. Вывод: с возрастанием преобладания социального класса в округе его выбор относительно политической силы (партии) становится все более однородным («Политическое поведение», 1937).

Третья группа закономерностей нацелена на объяснение *изменений и конфликтов в политических системах*. Дж. Дэвис открыл закономерность, согласно которой, *революции чаще всего происходят, когда люди испытывают внезапное ухудшение жизни после стабильного периода улучшения* («Человеческая природа и политика», 1963), «Когда и почему люди поднимают восстания», 1971). Джеймс Дэвис утверждал, что «революции с наибольшей вероятностью происходят тогда, когда длительный период реального экономического и социального развития сменяется кратким периодом резкого спада. Реальное состояние социально-экономического развития при этом менее важно, чем всеобщие ожидания того, что недавний прогресс, ныне остановившийся, может и должен продолжаться в будущем» [8, с. 371]. Теория революции Дэвиса строится на большом разрыве между ожиданиями и реальными ощущениями от действительности. Отправной точкой напряженности являются экономико-политические проблемы.

В оригинальной *теории массового общества* В. Корнхаузером определены последствия распада организационной структуры общества: «Общество является «массовым обществом» в том смысле, что элиты и не-элиты легко достигаемы друг для друга из-за слабости групп населения, способных быть связующим звеном между ними» [3, с. 388]. Ключевая переменная у Корнхаузера – уязвимость социальных систем перед массовыми политическими движениями. В книге «Политика массового общества»

(1959) Корнхаузер утверждал, что массовые движения опираются на все классы общества и что тоталитарные движения являются скорее массовыми, чем классовыми. В условиях массового общества массы легко мобилизуемы, а элиты легко доступны по причине недостатка промежуточных организаций между ними и устоявшихся норм взаимодействия. Демократизация и сила массовых движений в индустриальных обществах не всегда связаны между собой. Урбанизация также не всегда приводит к росту массовых движений (пример – мегаполисы стран «третьего мира»). Социальная изоляция повышает вероятность появления экстремизма. Снижение социального взаимодействия в рамках различных классов создает основы для массовых движений.

Проблема смены власти и передачи властных полномочий, а также конфликта между представительной и административно-бюрократической властями отличается в политическом процессе повышенной актуальностью. Кнут Якобсен создал *теорию передачи властных полномочий в демократической системе*. Ее основной вывод заключается в следующем: между демократическими и бюрократическими институтами проявляются разногласия и соперничество. Бюрократия стремится расширить свое влияние в области экспертного знания и регламентации, а выборные государственные органы – в области национального волеизъявления и представительства. К. Якобсен следующим образом формулировал свой закон «централизации и децентрализации»: когда в обществе есть общность ценностей, бюрократия будет закономерно разрастаться, а если в обществе существует множество противоречивых ценностей и в особенности когда новые ценности заявляют о себе и получают представительство в парламенте, будет усиливаться роль парламентов, которые будут стремиться получить контроль над государственной бюрократией [3, с. 413]. Якобсен считал, что политическая власть в демократических обществах при столкновении ценностей концентрируется в институтах властной элиты и стремится к централизации. Бюрократия ставится под политический контроль. Оппозиционные силы стремятся сосредоточить свое влияние в парламентах, превращая их в проводников своих интересов. Когда противоречия ценностей сглаживаются, то власть перераспределяется от политических к бюрократическим институтам. Этот процесс Якобсен трактовал как децентрализацию.

Среди теорий, объясняющих социально-политические конфликты, следует особо выделить теорию *перекрестного давления* (Г. Алмонд, Л. Козер, А. Лейпхарт, С. Липсет) которая гласит, что перекрестные, а не параллельные линии социального конфликта, основанные на частично совпадающем и перекрестном членстве в организациях, приводят к стабилизации и политической умеренности. Совпадающие линии конфликта способствуют политическому противостоянию и нестабильности. Перекрестное или частично совпадающее членство в организациях означает, что индивиды являются участниками более чем одной организации и подвержены воздействию индивидов, придерживающихся иных взглядов. С. Липсет называл теорию перекрестного давления (теорию перекрестных линий конфликта) ключевой для политологии.

Большое значение в социальных науках для понимания устройства и функционирования политических институтов имеет *организационная теория*. Наличие политической организации влечет за собой строго заданные результаты, проявляющиеся в процессе ее функционирования. Среди подобных законов в первую очередь следует выделить *железный закон олигархизации* Р. Михельса. Олигархические тенденции в организациях зависят от статусного неравенства в обществе. В обществах, с высокой степенью неравенства вероятность возникновения олигархии выше, чем в тех, которые отличаются эгалитарной статусной структурой. Олигархизация есть функция статусного неравенства. Михельс выделил несколько причин олигархизации общества: «Эти тенденции лежат в сущности: 1) человеческой природы, 2) политической борьбы и 3) организаций. Демократия ведет к олигархии, превращается в олигархию». Узкая специа-

лизация в управлении, препятствует контролю за управляющими. Психологические свойства массы (политическая индифферентность, стремление к подчинению сильной власти, чувство благодарности вождю) позволяют вождю навязывать свою волю подвластным. Элитарность является атрибутом общества и его отдельных институтов. Они элитарны в силу факта наличия в них организационной структуры. Согласно выявленной тенденции организация порождает доминирование избранных над избирателями. «Общество не может существовать без господствующего или политического класса, хотя его элементы подвергаются обновлению». Наличие этого класса – «постоянно действующий фактор социальной эволюции» [9].

Еще одним законом, раскрывающим механизмы функционирования организации, является закон С. Паркинсона об увеличении работы и занятости в бюрократических организациях: *объем работы возрастает в той мере, в какой это необходимо, чтобы занять время, выделенное на ее выполнение*. Хотя закон был представлен в сатирической форме, статья «Закон Паркинсона, или растущая пирамида» (1954) включена в сборники классических работ по государственному управлению. Идея Паркинсона заключается в том, что существует устойчивый ежегодный процентный рост соотношения между административным штатом и числом занятых в производственной деятельности. Увеличение штата происходит из-за двух факторов в администрировании: 1) служащий стремится увеличить число подчиненных, а не конкурентов; 2) административный персонал создает работу друг для друга. Любой руководитель нуждается как минимум в двух подчиненных (чтобы разделить работу между ними) [10].

Закон организационных изменений – о формировании, выживании и изменении организаций – был сформулирован А. Стинчкомбом в работе «Руководство организациями» (1965). Стинчкомб исходил из того, что социальная структура, сформировавшаяся в определенный исторический период, влияет на формы организаций этого же периода. Структурные характеристики организации являются устойчивыми на протяжении длительного времени. Неудачу терпит большая доля *новых* организаций по сравнению с возникшими ранее. Закон организационных изменений включает следующие положения: исторический контекст является определяющим в случае формирования новых организаций; по стабильности старые организации являются самыми устойчивыми; по способности выживания новые маленькие организации терпят неудачу чаще других [3, с. 525].

После второй мировой войны О. Киркхаймер выдвинул *гипотезу о «всеохватных партиях»* (партиях с очень высоким уровнем членства, которые становятся сходными между собой). Киркхаймер утверждал, что массовые интегрированные партии, которые появились в довоенный период во многих западноевропейских странах, стали преобразовываться во «всеохватные партии». По-другому он называл эти партии «народными». Киркхаймер утверждал, что послевоенная Европа характеризуется широким принятием всеми политическими партиями основного принципа демократической конкуренции (законов политического рынка). У массовых партий, основанных на классовой принадлежности, возникла необходимость в более широком консенсусе в рамках политической системы. Возникновение «всеохватных» партий является следствием партийного руководства максимизировать голоса, получаемые на выборах [3, с. 540].

Эмпирическую связь между организационным уровнем и установками партийных функционеров и активистов раскрывает *закон Мэя о структуре взглядов в политических партиях*. Джон Мэй показал, что, с точки зрения межпартийных отношений, высшие лидеры более поляризованы, чем соответствующие нелидеры. Лидеры – это члены центрального комитета партии или исполнительного органа партии, действующие или потенциальные члены правительства (партийные функционеры). Сублидеры – это члены местных исполнительных ассамблей партий (это партийные активисты). Этот промежуточный слой в партии является крайних в установках и взглядах на поли-

тические проблемы. Партии имеют не просто пирамидальную структуру. Это «стратархии», где различные статусные уровни накладываются друг на друга. Мэй ограничивал применимость своего закона к большим и средним партиям, которые открыто участвуют в выборах в условиях демократической политической системы [3, с. 561].

Четвертая группа закономерностей выявлена на основе изучения *циклических процессов* в больших системах. К этому блоку можно отнести закон *циркуляции элит* В. Парето и закономерности электорального цикла. В. Нордхаузом были раскрыты *закономерности экономического электорального цикла*: любое правительство старается улучшить экономическое положение избирателей в целях повышения шансов на собственное переизбрание. Чтобы увеличить возможности своего переизбрания, политические деятели используют инструменты экономической политики, в частности, механизмы «компромисса» между инфляцией и безработицей. Экономические расходы в первой половине электорального цикла сокращаются, а во второй – возрастают. «Модель электорального экономического цикла основана на рационально обоснованном предварительном условии, которое отождествляет экономического и политического человека... Политические партии рассматриваются как производители, политические деятели как поставщики, а избиратели как покупатели. Ожидается, что все участники максимизируют личный интерес, а в результате происходит адаптация как следствие спроса и предложения на политическом рынке» [3, с. 621]. Сущность электорального экономического цикла была раскрыта Нордхаузом и развита в работах Д. Макрэя, А. Вагнера и И. Тафта.

Закон расширения публичной деятельности государства вслед за прогрессом экономики был открыт Адольфом Вагнером. В 1863 г. Вагнер установил закономерность роста государственных расходов в индустриальных странах. В работе «Речи о социальном вопросе» (1872) он показал, что социальная эволюция в индустриальных странах влечет за собой перераспределение ресурсов общества путем постоянно увеличивающегося государственного вмешательства в экономику. В работе «Основы политической экономии» (1876) Вагнер ввел в оборот понятие «государство всеобщего благосостояния». В том период Вагнер работал советником канцлера О. Бисмарка. Идеи Вагнера в дальнейшем использовали С. Пелзман, А. Вилдавски. Хотя они стремились показать и обратную зависимость – экономический рост не всегда приводит к росту государственного сектора.

Чилийские мыслители в 1960-х годах сформулировали *теорию зависимости*, согласно которой противоречия капитализма породили отсталость в периферийных зависимых странах. Излишки экономической деятельности экспроприировались, способствуя экономическому развитию метрополий. Сторонниками этой теории являются А. Франк, Ю. Гальтунг, Р. Пребиш. Пребиш сформулировал политическую стратегию «импортозамещающей индустриализации», чтобы противостоять зависимости («Экономическое развитие Латинской Америки и его принципиальные проблемы», 1950).

И. Валлерстайн сформулировал *закономерности борьбы между государствами за первенство на мировой арене в рамках мир-системы*. Исторические системы, по Валлерстайну, могут существовать в двух основных формах: мини-систем и мир-систем. Мини-системы представляли собой пространственно небольшие, относительно кратковременные культурно-однородные образования. Мини-системы первобытной (досельскохозяйственной) эры были основаны на присваивающей экономике и являлись неустойчивой формой развития. После перехода к производящей экономике появились мир-системы. Мир-системы делятся на мир-империи и мир-экономики. Мир-система – это социальная система, имеющая границы, структуру, правила легитимации и согласованности. Мир-система самодостаточна в своем существовании, это не мировая система, а система, сама являющаяся «миром». *Мир-империи* как тип мир-системы – это широкие политические образования, которые отличались многообразием культурных ко-

дов и которые в периоды экспансии разрушали либо поглощали более слабые минисистемы и мир-экономики. Мир-империи основаны на «извлечении дани» от непосредственных производителей, которая направляется в центр и перераспределяется [11]. Валлерстайн прогнозировал передвижение центра мир-систем с Запада в Азиатско-тихоокеанский регион.

Таким образом, *теории среднего уровня* связаны с выявлением закономерностей политической сферы. На наш взгляд, именно эти теории и являются несущей конструкцией политической науки, поскольку формулируют закономерности политической сферы в причинно-следственных терминах применительно к стандартным ситуациям и условиям. Научное знание, движимое поиском ответов на вновь возникающие вопросы, динамично развивается, выявляя причинно-следственные связи и устанавливая закономерности динамичного мира политики. Политическая наука отличается постоянным «состоянием беспокойства», предохраняющим ее от легкого принятия предшествующих открытий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Searing, D. A Theory of Political Socialization: Institutional Support and Deradicalization in Britain / D. Searing // *British Journal of Political Science*. – 1986. – Vol. 16 (3). – P. 341–376.
2. Поппер, К.Р. Нищета историцизма / К.Р. Поппер // *Вопросы философии*. – 1992. – № 9. – С. 22–49.
3. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена; пер. с англ. Е.А. Жуковой. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 751 с.
4. Miller, W.E. The New American Voter / W.E. Miller, J.M. Shanks. – Cambridge, Mass, 1996. – 640 p.
5. Flood, M.M. Some Experimental Games / M.Flood // *Management Science*. – 1959. – Vol. 5. – P.5–26.
6. Simon, H.A. Administrative Behavior: a study of decision-making processes in administrative organizations / H.A. Simon. – New York, Free Press, 1997. – 368 p.
7. Downs, A. An Economic Theory of Democracy/ A.Downs. – New York, 1957. – 310 p.
8. Davies, J.C. Toward a Theory of Revolution / J.C. Davies // *American Sociological Review*, 1962. – Vol. 27. – P. 5–19.
9. Михельс, Р. Социология политической партии в условиях демократии // *Виртуальный учеб.-метод. комплекс [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://virmk.narod.ru/U-DISCIPLINA/U-posob/Mixels.htm> – Дата доступа: 27.12.2009.
10. Паркинсон, С.Н. Законы Паркинсона : сборник / С.Н. Паркинсон; пер. с англ. Н.Е. Макаровой. – Минск : Фирма «Соврем. литератор», 2002. – 397 с.
11. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире: Сборник / И. Валлерстайн; пер. с англ. П.М. Кудюкина.– СПб. : Унив. кн., 2001. – 414 с.

Antanovich N.A. Middle Range Theories and the Tendencies of Political Sphere

The aim of the article is to identify and analyze the tendencies of the political sphere, realized at an middle range of abstraction. Identification of patterns of the political sphere is connected with the formulation of theories of the middle range, which are a means of ordering the empirical data, formulate verifiable hypothesis. The author has identified several groups of patterns, in the first place, regularities that describe the effects of the functioning of political institutions, and secondly, the tendencies of the functioning of political processes in the given conditions, and thirdly, the tendencies of change and conflict in political systems.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.03.2011

УДК 342.25 (476)

С.С. Давыденко, Е.П. Наріжняя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧАСТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

В статье рассматриваются проблемы формирования эффективного государства протекает в едином русле со становлением гражданского общества, которое определяется высоким развитием совокупности неполитических, негосударственных общественных отношений и организаций, способных обеспечить реальное участие граждан в управленческих процессах и контроль с их стороны за деятельностью государства, свободу действий личности в экономической, социальной, политической, социокультурной сферах и ее автономию по отношению к официальным институциональным органам власти.

Становление демократических форм государственного устройства в Республике Беларусь предъявляет новые требования к гражданам страны, и потому нередко процессы формирования открытого гражданского общества рассматривают в единстве с деятельностью местных сообществ. В отличие от Российской Федерации, которая ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления и хотя бы определилась с терминологией в этом вопросе, дав в Конституции Российской Федерации и федеральных законах определение «муниципальное образование», а в региональном законодательстве – определение «местное сообщество», белорусские проблемы реформирования системы местного самоуправления надо начинать решать с разграничения понятий «социальная группа», «местное сообщество» и «община». Помимо этого остаются весьма актуальные проблемы расширения и устойчивости прав и полномочий органов местного самоуправления от финансовой сферы до участия в стратегических вопросах планирования на центральном уровне, реанимации в Беларуси утраченной исторической традиции работы субъектов самоуправления и т.д. Если в России под термином «местное сообщество» подразумевается группа людей, живущих на определенной территории и объединенных общими интересами в решении вопросов развития ресурсов территории с целью обеспечения своей жизнедеятельности, сформировавших публичную власть и органы управления для осуществления процесса развития, то у нас под местным сообществом чаще всего понимают совокупность, коалицию местных жителей, органов местного самоуправления и управления, бизнеса, которые регулируют жизнедеятельность на конкретной территориально-административной единице, контролируют бюджет и собственность территории с целью ее развития.

Местные сообщества представляют свои интересы либо непосредственно, либо органами самоуправления через собственные объединения, ассоциации. Как наиболее значительный субъект гражданского общества, наряду с политическими партиями и самыми авторитетными общественными объединениями, местные сообщества осуществляют взаимодействие государства и общества. От данного взаимодействия прямо зависит укрепление белорусской государственности, ведь многие современные государства появились именно в результате консолидации и интеграции местных сообществ. Таким образом, местные сообщества по своей сути представляют структурное территориальное подразделение гражданского общества, его основу.

Местные сообщества, равно как и общественные организации и движения, не претендуют на непосредственное участие в осуществлении власти, однако, реализуя свои специфические функции, они решают задачи широкого общественного значения,

вносят весомый вклад в государственное, хозяйственное, социально-культурное строительство. Формирование же разветвленной системы местных сообществ, общественных организаций и движений является показателем развитости гражданского общества, свидетельством многообразия и структурированности его интересов.

В нашей стране имеется большое количество сообществ граждан. Их право на свободное объединение определяется статьей 36 Конституции Республики Беларусь. По состоянию на 1 января 2011 г. в республике зарегистрировано 15 политических партий и 976 партийных организаций, 35 профессиональных союзов и 22 790 профсоюзных организаций, 2 325 общественных объединений, из них 231 международное, 675 республиканских и 1 419 местных. Зарегистрировано и поставлено на учет 35 634 организационных структур общественных объединений, 25 союзов (ассоциаций) общественных объединений, 99 фондов (10 международных, 4 республиканских и 85 местных). По направлениям деятельности можно выделить 561 физкультурно-спортивное общественное объединение, 393 благотворительных общественных объединения, 216 молодежных общественных объединений, 32 детских, 204 просветительских, культурно-досуговых, воспитательных общественных объединений, 109 общественных объединений, объединяющих национальные меньшинства, 83 общественных объединения инвалидов войны и труда, ветеранов, 79 научно-технических общественных объединения, 67 общественных объединений сторонников охраны природы, памятников истории, культуры, 49 творческих общественных объединений, 31 женское общественное объединение и 533 прочих общественных объединений.

Активизировалась деятельность и религиозных сообществ. Наиболее массово представлены общины Белорусской православной церкви и римско-католической. Постоянно растет количество организаций других религиозных конфессий. Так, например, на территории Гомельского региона регламентировано осуществляют свою деятельность Церковь христиан веры евангельской (70 общин), Церковь евангельских христиан-баптистов (25 общин), Церковь христиан адвентистов седьмого дня (12 общин), Христиан полного Евангелия (12 общин). В Гомельском регионе также функционирует 8 иудейских религиозных общин, 7 общин Свидетелей Иеговы, 5 общин Новоапостольской церкви, 4 общины Евангелическо-лютеранской церкви, 2 общины старообрядцев. По одному религиозному сообществу зарегистрировали приверженцы униатской (греко-католической) церкви, религиозной мессианской идеи, учения бахаи, а также мусульмане и кришнаиты.

Из национальных сообществ в Гомельском регионе работает общественное еврейское объединение «Ахдут» (Гомель), «Клуб еврейской культуры «АМИ» (Речица), межрайонная ромская (цыганская) община (Гомель). Есть 4 оргструктуры республиканских национальных общественных объединений, среди которых три отделения Союза поляков на Беларуси (Гомель, Мозырь, Лельчицы), организация украинцев «Верховина» (Гомель), одно отделение Белорусско-украинского общественного объединения «Ватра».

При анализе исторического процесса становления местных сообществ видно, что его сущностью был поиск путей равновесных отношений между государством в лице местных органов государственной власти и местным сообществом. И система местного управления и самоуправления республики является сегодня одним из механизмов реализации конституционного права граждан на участие в общественных и государственных делах. К системе органов местного самоуправления Республики Беларусь относятся областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы депутатов, куда могут баллотироваться граждане, достигшие 18-летнего возраста. Депутаты местных Советов утверждают программы социально-экономического развития, местный бюджет и его исполнение, устанавливают местные налоги и сборы, определяют порядок использования и распоряжения коммунальной собственностью, назначают местные референдумы.

Если рассматривать формы взаимодействия местного самоуправления и местных сообществ в Республике Беларусь, то наиболее часто встречается:

а) обязательное информирование (с помощью информационных стендов в органах местного самоуправления, объявлений в местных СМИ о планируемых мероприятиях и расходе местного бюджета, горячих телефонных линий и встреч с местной общественностью на собраниях и выездах в местные учреждения и организации и т.п.);

б) социальное партнерство (при реализации проектов, помогающих решить конкретную экологическую, социальную, экономическую и иную проблему местных жителей).

Аналогичная работа проводится муниципалитетами и за рубежом. Анализируя степень организованности субъектов местных сообществ, политологи выделяют отдельных граждан, инициативные группы, которые делегировали жители дома, двора, улицы, района, хутора, села и т.п., некоммерческие организации, союзы, объединения, ассоциации, кондоминиумы, ТОСы, ЖСК и т.д. В Республике Беларусь также конституционно предусмотрена возможность реализации самоуправления граждан через проведение местных референдумов, территориальное общественное самоуправление и местные собрания.

Процесс самоорганизации на местах дополняется в Республике Беларусь сильной системой местного государственного управления, представленной исполнительными комитетами областей, городов, районов, поселков городского типа, администрациями различных уровней. Существующий перевес в пользу централизованного государственного управления был присущ временному периоду 1990-х гг., в начале XXI века стала актуальна политика децентрализации, рекламируемые мировым сообществом Местная Повестка XXI, принятая в Рио-де-Жанейро, и «фактор четыре».

Республика Беларусь находится в центре Европы; она, как и Евросоюз, заинтересована в культурных, научных и образовательных связях. Поэтому основой их мирного сосуществования должна стать модель, построенная не на конфронтации, а на диалоге местных и региональных сообществ и их взаимодействии ради достижения обоюдного согласия и взаимовыгодного партнерства. Важность этого вектора развития белорусского государства неоднократно подчеркивал Президент А.Г. Лукашенко: «Мы равноправная составляющая общеевропейской цивилизации и готовы на равных условиях вести диалог со всеми европейскими государствами» [1, с. 8].

Несмотря на то, что Республика Беларусь и Евросоюз переживают сегодня сложный момент в своих взаимоотношениях, следует смотреть в будущее. Республика Беларусь – государство с европейской историей, и ее будущее связано с Европой. Очень важны усилия местных и региональных сообществ, академических групп и др. как со стороны Евросоюза, так и со стороны Республики Беларусь, направленные на нормализацию отношений. И Евросоюз в последнее время декларирует свое желание этому содействовать. Межлические контакты, долгая кропотливая работа, дадут свой результат и будут способствовать эффективному и разностороннему сотрудничеству между Европейским Союзом и Республикой Беларусь, которые были и остаются надежными соседями и партнерами.

С 2004 г. Совет Министров Республики Беларусь принял Местную повестку-21 (в Прибалтике это назвали Agenda-21), и уже утверждена Национальная стратегия устойчивого развития Беларуси до 2020 г., где главная роль отведена местной власти. Местная повестка, определяющая стратегию устойчивого развития жизни региона с учетом экономических, социальных и экологических аспектов развития, с учетом интересов всех членов местных сообществ, которые участвуют в реализации стратегии, акцентирует внимание на развитии в сельской местности агро- и экотуризма, а в городе – на решении экологических проблем и развитии предпринимательства. Ее реализация позволит белорусам, как и гражданам других стран, сформировать у населения необходимые гражданские качества (например, местный патриотизм, труд для общественной

пользы), сохранить общественную консолидацию, народные традиции и историческую память. Однако присутствует ряд моментов, сдерживающих этот процесс:

- а) недостаточная правовая и политическая культура населения;
- б) низкая самоорганизация населения;
- в) недоверие со стороны местных руководителей к инициативам граждан;
- г) недостаточная проработка содержания государственной региональной политики.

Все это влияет на темпы развития гражданского общества. Следовательно, необходимо способствовать формированию правовой и политической культуры граждан, а также поощрять исходящую от них инициативу. Человеческий фактор является мощным толчком к более эффективному реформированию экономической, политической и социальной системы.

Не менее важной задачей страны является интеграция в мировой и общеевропейский процесс. Следует отметить, что западная модель развития, демократическое устройство европейских стран привели к значительным достижениям в экономике и обеспечили высокий уровень жизни населения. Но Республика Беларусь не может мгновенно скопировать опыт развития европейских государств, так как страна вышла из системы с иным государственным и экономическим устройством. Методы управления, традиции, психология людей – все это не поддается быстрым изменениям. Отсюда главная задача это переход от сверхцентрализованной системы управления экономикой и обществом к демократическому устройству путем эволюционного реформирования всех сфер общественной жизни.

Учитывая важность и эффективность инициативы местные сельские сообщества в лице своих представителей активнее других включились в работу таких демократических институтов общества, как местные Советы депутатов. В них экономические и социальные проблемы решаются более комплексно и открыто, так как в условиях сельхозпредприятий совпадают территориальные структуры, где живут работники и расположены производственные единицы. Частично могут повысить эффективность участия гражданского общества в процессе принятия решений в местных сообществах совместные заседания исполкомов, Советов депутатов, представителей бизнеса, религиозных общин; их совместные выезды на предприятия и в хозяйства; информационное просвещение населения через восстановленное общество «Знание»; расширение сети инфоцентров по устойчивому развитию Беларуси в рамках ПРООН по примеру уже действующих в Чаусах, Новополоцке, Заборье и др.; внедрения обучающих тренингов по самоуправлению и самоорганизации для работников местных исполкомов, депутатов местных Советов, сотрудников местных организаций и учреждений, где будут помогать находить самостоятельно местные приоритеты территориально-ориентированного развития. Ведь, с точки зрения USAID (Американского агентства по международному развитию), главный субъект развития территории – это местное сообщество и организации граждан в нем, поскольку кроме них всерьез никто не заинтересован в развитии местной территории.

С 1999 по 2010 гг. в Беларуси реализовано 78 Местных повесток-21, 49 проектов работают поныне. В основном их деятельность затрагивает Витебский и Минский регионы. С 2009 г. действует 30-месячный проект Программы Развития ООН «Устойчивое развитие на местном уровне», что дало, например, возможность Гомельскому региону осуществить Проект ПРООН и Европейской Комиссии «Минимизация негативных последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на территории Республики Беларусь» с бюджетом 1,5 млн. евро с целью активизации местного самоуправления в пострадавших регионах. Белорусы должны сами найти решение собственных проблем, однако для этого необходимы три составляющие социального проекта: идея, концепция и функционально грамотные люди. Вот почему приходится зарубежным партнерам обучать представителей местного самоуправления и рядовых граждан правилам подачи

проектных заявок, позволяющих открыть новые рабочие места в проблемных регионах, повысить доходы социально-уязвимых групп населения и пр.

Из практических примеров организации и деятельности местных сообществ, в среде которых находятся политические и религиозные группы, предпринимательские и профессиональные, возрастные и социально-культурные, на основе данных, предоставляемых белорусскими СМИ, следует, что чем ограниченнее ресурсы в распоряжении органов местного самоуправления Республики Беларусь, тем быстрее и охотнее они советуется с местным сообществом, как эти ресурсы использовать. Яркий пример дал г. Дисна Миорского р-на Витебской области. Кроме того, границы регионов и местных сообществ зачастую не совпадают, поэтому реальным выходом здесь будет использование Местной повестки-21, позволяющей активизировать еврорегиональное сотрудничество и развитие белорусских регионов. Так, успешно реализуется трансграничное сотрудничество по Проекту благотворительной поддержки детских домов Гомельской и Черниговской областей, Проекту кластерного агро- и экотуризма в этих же областях. Для ведения подобных проектов создан сайт BelEuroregion.by. Местные и региональные сообщества Беларуси помогают развитию сотрудничества с Европейским Союзом в культурной сфере. Примером такого сотрудничества является проведение VI Международного фестиваля юных талантов «Земля под белыми крыльями», проходившем в 2009 г. в Мозыре.

Основной контингент местных сообществ, непосредственно участвующий в решении местных вопросов, составляют люди пенсионного возраста. У них гораздо выше уровень общественного участия и мотивация к такому участию, чем у молодежи. В Беларуси, равно как и других постсоветских республиках, сократилось количество возможностей, в том числе и финансовых, для объединения молодежи по клубам интересов при центрах по коллективному проведению досуга. Вследствие этого ее активность расплывается, частично перемещаясь в социальные сети Интернета, что приводит к низкой политической культуре молодежи. Однако в условиях разразившегося мирового экономического кризиса молодежи, в первую очередь учащейся, предстоит не только отстаивать свои права, но и качественно выполнять свои обязанности, вначале связанные с учебной дисциплиной, впоследствии с профессиональной, трудовой. Именно конкурентоспособный специалист востребован сегодня на рынке труда. Повышение качества жизни белорусского народа зависит и от молодых специалистов. Применение их знаний на практике, креативность мышления является мощным фактором динамичного развития науки, модернизации производства, что может кардинально улучшить условия труда и быта людей, обеспечить рост благосостояния. Исходя из того, что молодежные общественные объединения, ассоциации и клубы являются частью гражданского общества, государство заинтересовано в том, чтобы социализация учащейся молодежи получила позитивную ориентацию. Следовательно, социально-политические институты должны заниматься проблемами воспитания в школьной и студенческой среде чувства гражданственности и патриотизма, формирования политической культуры на основе новых демократических ценностей, правовых, взаимно уважительных норм и отношений индивида и власти. Результатом станет повышение социально-политической активности учащейся молодежи, которой предназначено стать основным носителем политических отношений в стране, выступать в качестве общественного эксперта принимаемых на государственном уровне решений.

Этому будет способствовать компетентность выпускников учебных заведений, которая формируется на протяжении учебы, под воздействием семьи, друзей, религии, политики, культуры средств массовой информации. В структуре значимой компетентности выпускника выделяют политические и социальные компетенции. Комитет по образованию Совета Европы подразумевает под ними способность участвовать в социально-политической жизни полинационального и поликонфессионального государства;

способность личности брать на себя ответственность; участвовать в совместном принятии решений; в урегулировании конфликтов. Другими словами, уметь принимать участие в деятельности демократических институтов общества. Формирование и развитие данных компетенций в Европейском Союзе рассматривается как неотъемлемый показатель качества образования в современном мире. Такой подход оправдан, ибо за ним стоит гарантия не просто высокого уровня качества социальной жизни, к которой белорусское общество так стремится, а еще и гарантия политической стабильности (что является составляющей национальной безопасности страны). Итак, проблемы повышения участия молодежи в политической жизни, связанные с умением понимать и признавать различия между людьми и нациями, способностью уважать людей других культур, языков, религий, политических идеологий и жить с ними в мире, актуальны для большинства европейских стран. Не исключение и постсоветское пространство, где необходимость формирования новых политических элит и рецепция традиций европейского парламентаризма стали первоочередными внутривнутриполитическими задачами.

Один из путей решения проблемы повышения эффективности участия гражданского общества в процессе принятия решений в местных сообществах получил название «молодежного парламентаризма» и приобрел заслуженную популярность. Так, например, в Германии, Финляндии, прибалтийских странах и Польше уже довольно давно функционируют молодежные палаты национальных парламентов. Подобный опыт приобретают ныне Российская Федерация, где указанный процесс набирает силу, Украина (в рамках молодежных советов при городских Радах) и Республика Беларусь. Глобальные общественные перемены в различных областях человеческой деятельности подталкивают политическое руководство европейских стран к поиску новых, нетрадиционных методов и форм профессиональной депутатской деятельности и совершенствованию уже имеющихся. Идеи электронного правительства и молодежного парламентаризма идут здесь в единой связке. Если политика информатизации, проводимая в Беларуси в рамках Концепции государственной политики информатизации 1999 г., привела к созданию официальных сайтов второго поколения всех государственных органов национального и регионального масштабов, расширила возможности Интернет-образования и дала возможность подготовить законопроект «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», то проект Молодежной палаты начал претворяться в жизнь лишь с января 2008 г.

Молодежная палата была создана при Минском городском Совете депутатов. Она состоит из 55 членов, избранных по одномандатным округам, идентичных избирательным округам по выборам депутатов Минского горсовета. Выборы проходили среди школьников 8–11 классов столичных школ. За время работы Молодежной палаты первого созыва было проведено 5 сессий. Многие из принятых решений были воплощены в жизнь через решения исполкома и сессий Минского городского Совета депутатов. Так, молодые парламентарии настояли на создании в столице легальных площадок под занятия экстремальными видами спорта, что существенно снизило травмоопасность для юных скейтбордистов и роллеров. Кроме того, они продемонстрировали большую увлеченность практикой отдыха в военно-спортивных лагерях на базе воинских частей, куда, как правило, попадают лишь подростки из социально неблагополучных семей, что было сочтено несправедливостью по отношению к школьникам из обычных семей.

Положительный опыт Молодежной палаты привел к тому, что в выборах палаты второго созыва осенью 2009 г. принимало участие уже 2 тысячи зарегистрированных кандидатов. Можно с уверенностью сказать, что сами школьные окружные выборы, работа в Молодежной палате будут формировать у молодежных делегатов лидерские качества, способность к социальному партнерству, ценностные ориентиры, направленные на укрепление регионального патриотизма и социально-экономической компетентно-

сти. Как известно, подобная политическая практика у школьников часто влияет на выбор будущей профессии, что, надеемся, положительно скажется на развитии политической культуры в республике в целом и изменении имиджа политической элиты в частности. Таким образом, соприкоснувшись в Молодежной палате Минска с политической жизнью во всех нюансах, с одной стороны, у молодежи легче воспитывается патриотизм и формируется национальная и социальная солидарность, столь необходимые открытому гражданскому обществу. Этим оказывается реальное содействие молодежи по обретению ими навыков и свойств реализации в той или иной системе власти своих гражданских прав, политических функций и интересов. С другой стороны, осталось распространить данный проект на все шесть регионов Беларуси, чтобы перспективы развития молодежного парламентаризма у нас в стране совпадали с Европейской хартией участия молодежи в жизни муниципальных и региональных образований.

Следующим путем решения проблемы повышения эффективности участия гражданского общества в процессе принятия решений в местных сообществах может стать расширение деятельности «Либерального клуба» – открытой дискуссионно-аналитической площадки Беларуси для представителей различных точек зрения по самому широкому кругу общественно значимых вопросов. Целями «Либерального клуба» являются: изучение и распространение либеральной парадигмы общественного развития в контексте белорусских социально-политических и экономических реалий; интеллектуальное развитие и самореализация его участников; укоренение традиций цивилизованной общественной дискуссии и снижение проявления всех форм радикализма в обществе; налаживание конструктивного диалога и эффективных коммуникационных каналов между государственными институтами, экспертным сообществом, бизнес-ассоциациями, политическими партиями, гражданским обществом.

Общественное объединение «Дискуссионно-аналитическое сообщество «Либеральный клуб» является неполитической некоммерческой организацией, занимающейся реализацией исследовательских и образовательных проектов. Оно не представляет мнения и позиции государственных институтов власти, политических партий, общественных объединений или отдельных граждан, а стремится к объективному изучению, пониманию и освещению социальных, экономических, политических и культурологических процессов в Республике Беларусь. Деятельность «Либерального клуба» основывается на ценностях открытого общества: индивидуальных и коллективных свободах граждан, демократии, рыночной экономике, верховенстве права, свободной конкуренции идей и инициатив.

С ноября 2007 г. «Либеральным клубом» было организовано и проведено около 30 открытых общественных дискуссий в Минске и других городах. Наиболее интересные и значимые из них дали импульс развитию и взаимодействию граждан Республики Беларусь и стран Евросоюза. К ним можно отнести дискуссии «Трансформационные процессы в экономике Беларуси» (2008 г.), «История и современное состояние отношений Республики Беларусь с ЕС и НАТО» (2009 г.), «Мировой экономический кризис: вызовы и возможности для Беларуси» (2009 г.), «Беларусь между Востоком и Западом» (2009 г.), «Государственная молодежная политика: белорусская реальность и международный опыт» (2009 г.), «Европейские ценности: почему они привлекательны для Беларуси?» (2009 г.), «Белорусский бизнес в условиях либерализации» (2010 г.).

На период 2009–2012 гг. «Либеральный клуб» запланировал такие ключевые темы, как «Социально-политические процессы в Беларуси», «Трансформация экономики Беларуси, презентация альтернативных программ экономических реформ, мониторинг основных тенденций в мировой экономике», «Беларусь в современной системе международных отношений», «Мейнстрим и альтернативная культура в Беларуси: распространение информации о современных культурных тенденциях, ознакомление с рабо-

тами белорусских писателей, художников и музыкантов, представляющих мейнстрим и альтернативные направления», «Экологическое просвещение», «Молодежная политика в Беларуси: исследование характеристик субъектов и их взаимоотношений в рамках триады «молодежь – общество – государство», синтез лучших международных практик и белорусской культурной и социально-экономической специфики в рамках системных предложений по реформированию государственной молодежной политики».

Кроме того, дискуссионно-аналитическое сообщество «Либеральный клуб» выступило с белорусской стороны организатором европейской культурной кампании «Открывай Беларусь – Открывай Европу». Данная кампания стартовала в республике в 2011 г. Она представляет собой проект Беларуси и пяти стран Европейского Союза (Германии, Литвы, Португалии, Швеции и Эстонии), целью которого является развитие сотрудничества между артистическими кругами Беларуси и Европейского Союза, содействие созданию единого европейского творческого пространства. Кампания будет проходить в три этапа: «Открывай Беларусь для Европы!» (апрель–октябрь 2011 г.); «Открывай Европу для Беларуси!» (март–октябрь 2012 г.); подведение итогов проекта с конференцией и гала-представлением в Минске в октябре 2012 г. Таким образом, можно признать, что местные, региональные сообщества и общественные объединения, различные по своей форме, целям деятельности, повседневным задачам, сформированные на различной социальной основе и имеющие сферы своей деятельности от экологии до религии, являются наиболее эффективной формой социального самовыражения человека на современном этапе. И именно местные и региональные сообщества будут способствовать диалогу и формированию позитивного взаимодействия со странами добрососедства, со странами Евросоюза, со странами мирового сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А.Г. Наша молодежь должна иметь возможность реализовать себя в своей стране / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 28 сентября 2004 г. – С. 8.
2. Евробюллетень / Информационное издание Представительства Европейского Союза в Беларуси / 2008–2011 гг.

Davydenko S., Naryzhnaya A. Problems of Local Self-government and the Ways of Assuring Effective Civil Society Participation in Decision Making in Local Communities

The Establishment of democratic forms of state structure in the Republic of Belarus makes new demands to the development of local self-government and formation of civil society. Local communities carry out interaction between the state and society. In Belarus, the search for balanced relations between the system of local authorities of state government and local self-government of the Republic and the local community is conducted. The reformation of local self-organisation was initiated by the adoption of Local Agenda-21 and National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus till 2020, in which local authorities play the central role. Belarus is in the center of Europe, and one of important vectors, among others, is relations with the countries of the European Union. Both Belarus and the EU are interested in cultural, scientific and educational relations, therefore the world order should be based on the model that stipulates a dialogue between local and regional communities and their interaction to reach mutual agreement, and assumes no confrontation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.05.2011

УДК [323+327](470)''20''

И.И. Котляр

РОССИЯ И МИРОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В статье проанализирована проблема «Россия и мировая цивилизация», даны ответы на вопросы, к какой цивилизации можно отнести современную Россию и является ли Россия XXI века одним из центров мировой цивилизации? Дана краткая характеристика цивилизации как таковой, изложены взгляды на цивилизацию русского мыслителя Н.Я. Данилевского, английского историка А. Тойнби и американского политолога С. Хантингтона. Указаны факторы, определяющие западную цивилизацию, отмечена роль европейской цивилизации. Автор оспаривает мнение, что современная Россия в нынешнем ее состоянии является одним из центров мировой цивилизации, отмечает, что отставание России от европейской цивилизации продолжает нарастать. Статья носит дискуссионный характер, многие ее положения могут быть оспариваемы. В то же время проблема, поднятая в статье, актуальна как в теоретическом отношении, так и в практическом. Это принципиально важно, особенно если учесть, что Россия и Беларусь создают Союзное государство.

Обращение к анализу проблемы «Россия и мировая цивилизация» не случайно. Россия действительно играет ключевую роль в энергобезопасности современного мира. Территория страны занимает 13 % территории Земли. Здесь проживает менее 3 % населения мира, но сосредоточено свыше 34 % природного газа и более 13 % мировых разведанных запасов нефти. Россия входит в число 10 ведущих стран мира, является постоянным членом Совета Безопасности ООН. Также учтен следующий факт: автором статьи проанализированы проблемы становления современной России, ее состояние в первом десятилетии XXI века и перспективы развития, по итогам которого издана книга «Россия XXI века: общественно-политический процесс в оценках белорусского политолога».

Сначала о цивилизации

Цивилизация характеризуется определенным уровнем культуры как способа человеческой жизнедеятельности, философией, системой ценностей, общественно значимыми идеалами, стилем творчества, обобщенным мировоззрением. Основной принцип жизни цивилизации «представляет собой исходные основы жизни народа, его мораль, убежденность, определяющее отношение к самому себе, поведение, верования и надежды. Основной принцип жизни объединяет людей и народ данной цивилизации, обеспечивает его единство и сохраняемость на протяжении всей собственной истории» [1].

В XIX в. русский мыслитель Н.Я. Данилевский сформулировал теорию культурно-исторических типов, или цивилизаций, согласно которой не существует всемирной истории, а есть лишь история самобытных локальных сообществ, отличающихся друг от друга индивидуальным характером культуры. В книге «Россия и Европа» (1871) он выделил свыше десяти культурно-исторических типов: от египетской, китайской, халдейской и т.п. цивилизаций в древности до противопоставляемых им славянской и романо-германской в современности. Каждая цивилизация, по Данилевскому, подобно многолетним одноплодным растениям, зарождается, развивается, достигает своего расцвета, а затем истощается и прекращает свое существование. Культурная несовместимость различных цивилизаций, по его мнению, лежит в основе их политической и идейно-религиозной враждебности друг другу [2].

Еще большую известность во второй половине XX в. получила концепция региональных цивилизаций английского историка А. Тойнби, которую он изложил в 12-томном исследовании «Постижение истории» (1934–1961) [3]. Расчленение мира на ре-

гиональные цивилизации (первоначально 21, а в последствии 13) сочетается у него с идеей социального прогресса, поступательного развития человечества в целом. Известный американский исследователь цивилизацию определяет как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Самобытность цивилизации определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Цивилизация – самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них».

Хантингтон подвел черту под представлениями о Западе сначала как о единственной, а затем как об универсальной цивилизации. Облик мира, с его точки зрения, будет в значительной мере формироваться в ходе взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций, к которым относятся западная, китайская (или, точнее, синская, которая не ограничивается Китаем, а включает в себя страны с родственной культурой вне Китая, в том числе Вьетнам и Корею), японская, индуистская, исламская, православная (с центром в России), латиноамериканская и, возможно, африканская [4].

К какой цивилизации можно отнести современную Россию?

В подходах к вопросу о месте и роли России в мировой цивилизации нельзя допускать крайностей. Одна из них – это позиция Александра Дугина, философа, лидера Международного евразийского движения. По его мнению, вопрос о том, надо ли нам идти вслед за Западом, вообще не должен выноситься на обсуждение, потому что, если мы придем на Запад, нас не останется. По его убеждению, работающая демократия на Западе – это вообще нонсенс. Демократия там не работает, все выборы – с заранее известным результатом. Это не демократия, а фарс, в котором правит одна и та же политическая элита. Нужно ли нам это убожество? Думаю – нет. В России были и прекрасно действовали собственные демократические институты – земства и Советы, когда в них еще не было коммунистов. С правами человека дело обстоит и того хуже. Эти права в западном понимании термина давно перестали быть правами большинства. Там они сводятся к защите прав маргиналов, извращенцев, геев, лесбиянок, полудурков. Идеология «прав человека» абсолютно аморальна, поскольку предполагает право на грех. Для православных это категорически неприемлемо! Таким образом, в обществе, которое нужно России, не должно быть представительской демократии, не должно быть рыночного общества, основанного на денежном эквиваленте всех ценностей, и не должно быть идиотской, противостоестественной, извращенческой идеологии прав человека.

На наш взгляд, заслуживает внимания и позиция писателя М. Веллера. Суть ее в следующем. Если сегодня под путем на Запад мы понимаем включение в мировой процесс глобализации, то это путь совершенно убийственный. Он на наших с вами глазах сейчас кончается разными чрезвычайно плохими вещами. И от этого, вне всякого сомнения, надо отъезжать в сторону. Поскольку западная цивилизация гораздо старше нашей, она и угасать, деградировать стала раньше. И вслед за Западом считать, что недопустимо казнить смертью детоубийц, недопустимо заставлять работать принципиальных туенядцев и бездельников, недопустимо запрещать какие бы то ни было формы разврата, если они уголовно не наказуемы, хотя и ведут к фактическому исчезновению народа, конечно же, нам не следует.

Однако под западным путем мы подразумеваем, как правило, все же не требования равных прав для секс-меньшинств, а исключительные блага: высокий уровень материального благосостояния, высокий уровень гражданских свобод, высокую степень социальной защищенности. Поскольку на Западе это все есть, перенос этих же благ в Россию мы и называем западным путем, добавляя к этому еще и демократическую форму правления. Под своим собственным же путем мы подразумеваем следующее:

нам, может быть, не нужна эта самая демократия. ни к чему нам и хваленое материальное изобилие. Зато нужно больше духовности и богатого внутреннего мира. И при этом забываем, что христианство пришло к нам с Запада, книгопечатание и братство нищих монахов пришли с Запада, великие легенды о Ромео и Джульетте, Жанне д'Арк и Робин Гуде – это все вершины мировой духовности, достигнутые именно Западом. Великий лозунг «Свобода, Равенство, Братство» тоже приобретение европейской цивилизации.

Различные исследователи сходятся во мнении, что основой западной цивилизации является ряд понятий, социальных институтов и практики: античное (классическое) наследие, включающее в себя греческую философию и рационализм, римское право, латынь и христианство; многообразие национальных языков, которые объединены в широкие категории романских и германских; разделение церковной и светской власти; традиция верховенства закона, заложившая основу конституционализма и защиты прав человека, в том числе право на собственность; социальный плюрализм и гражданское общество; представительные органы, превратившиеся в процессе модернизации в институты современной демократии; чувство индивидуализма и традиция уважения индивидуальных прав и свобод. Почти ни один из указанных факторов, взятый в отдельности, считает Хантингтон, не является исключительным для Запада, однако их сочетание составляет отличительные особенности западной цивилизации. Причем индивидуализм остается центральной отличительной чертой Запада среди цивилизаций XX в.

Европейская цивилизация породила высокую гуманистическую культуру, в ней появились представления о ценности индивида, о значимости права и основанного на нем порядка, обеспечивающего свободу личности. Она покоится на учениях античности, Возрождения, Реформации, и это наследие неповторимо по своей ценности для утверждения свободы личности, ее индивидуальности, для исторического процесса в целом. Сформировавшийся в Европе цивилизационный архетип, проявляет способность к пространственному развитию. Возникший в центре Европы тип цивилизации постоянно расширялся, охватывая Скандинавский регион, Юго-Восточную и Восточную Европу. Он оказался способным распространить свои ценности на США, Канаду, Австралию. С переменным успехом они распространяются и на некоторые страны Латинской Америки. Во второй половине XX в. осуществляется постепенная адаптация к ценностям европейской цивилизации традиционных восточных обществ (Японии, Южной Кореи, Индии, Китая и др.). Происходят начальные стадии «размывания» традиционных структур и ценностных стереотипов.

Ценности европейской цивилизации очень медленно, с большими трудностями начинают внедряться и в России, которая не может быть отнесена к какому-то определенному типу цивилизации. Одна из важнейших составляющих европейской цивилизации начиная с XVII в. – идея прав человека – никогда не была значимой в политических доктринах мыслителей России и поэтому не могла стать определяющим элементом общественного сознания, целью социального развития.

В восточных обществах основную роль в регулировании отношений между людьми играет традиция, а не закон. Если внутренняя жизнедеятельность западного общества основана на взаимодействии автономных социальных групп, что получило название плюрализма, то в незападных обществах преобладающими являются отношения, основанные на кровнородственных связях.

Перечисленными факторами обусловлены такие особенности незападных стран, как неразвитость гражданского общества, слабость аристократии и доминирование централизованной бюрократии. Незападные цивилизации, как правило, имеют один стержневой, наиболее распространенный язык, в то время как для западной цивилизации характерно многообразие языков. Если на Западе институт представительства имеет длительную историю и играет существенную роль в организации жизнедеятельности

общества, то во всех странах Востока представительные органы – сравнительно недавнее явление, к которому здесь все еще адаптируются. Наконец, если центральной отличительной чертой Запада является индивидуализм, то на Востоке, как в прошлом, так и в настоящем, таковым выступает коллективизм.

В последнее время восстанавливается память о Византийской империи. Имеет место процесс ее идеализации. В действительности из Византии к нам пришли письменность и православие. Увы, воровство, коррупция и интриганство – тоже наследие великой империи. Из византийского опыта не мешало бы извлечь определенные уроки. Ученые, например, называют шесть причин крушения величайшей империи: 1) непомерно раздутый и коррумпированный чиновничий аппарат; 2) разительное расслоение общества на бедных и богатых; 3) невозможность для рядовых граждан добиться справедливости в суде; 4) пренебрежение и недофинансирование армии и флота; 5) равнодушное отношение столицы к кормящей ее провинции; 6) сращивание духовной и светской власти, их объединение в лице императора.

В то же время полностью замалчивается советская цивилизация. Автор книги не только напоминает о ее существовании, но и считает необходимым в сжатой форме выделить ее характерные черты. Это, прежде всего, всеобщая грамотность населения. За несколько десятилетий была проведена значительная работа, в итоге которой была ликвидирована неграмотность. В силу бесплатности стало массовым высшее образование. Отсутствовала массовая преступность, такие явления социальной жизни, как нищета, голод, массовое воровство, проституция. Гуманизмом была пронизана вся духовная жизнь общества: система образования, средства массовой информации, культура. Имел место социальный оптимизм. В обществе высоко ценилась культура, уважением пользовался трудовой человек. Реальной являлась дружба народов, населявших Советский Союз. Страна занимала передовые позиции в мире в области образования, науки, спорта, социальной жизни. Отсутствовала эксплуатация. Был достигнут высокий уровень продолжительности жизни людей.

В последнее время россиян все больше соблазняют особым путем развития. Но умалчивают о том, что для государства с «совершенно особым устройством» снова потребуются и особый народ. Ну, а если они не хотят быть народом особого назначения? К тому же следует принимать во внимание, что россияне смотрят европейские фильмы, читают европейскую литературу. «Дворянская интеллигенция», создавшая великую русскую культуру, была сплошь европейской, и «декабристы» вышли на Сенатскую площадь требовать не «особого пути», а европейской конституции. А.С. Пушкин легче изъяснялся по-французски, чем по-русски. Большинство из россиян – дети христианской (то есть европейской) культуры и традиции. А «самый русский» из всех русских царей – Александр III – по крови был русским всего на шесть процентов.

Конечно, фундаментальным отличием России от Европы является то, что большая часть государств Западной Европы столетиями жила в условиях демократии. В странах Восточной и Центральной Европы существовали либеральные правительства в период между мировыми войнами, т.е. им легче было перейти к демократии, поскольку у них сохранилась определенная историческая традиция и память. В России нет подобных явлений, но политически она всегда была и остается частью Европы.

Является ли Россия одним из центров мировой цивилизации?

О какой цивилизации может идти речь, если современное российское общество большое. В книге «Россия XXI века: общественно-политический процесс в оценках белорусского политолога» указаны 12 больших проблем современного российского общества. В их числе: 1) коррупция; 2) организованная преступность; 3) всевластие чиновника, бюрократа; 4) бедность и нищета – удел миллионов; 5) проблема прав человека;

6) телевидение, СМИ как разрушительная и антиобщественная сила; 7) литературный кризис; 8) культура и антикультура; 9) кризис образования; наука и антинаука; 10) против антиисторизма; 11) морально-психологический кризис, падение нравов; 12) межнациональные конфликты вместо дружбы народов [5].

По оценкам ВОЗ ежегодно в мире от курения умирает около 5 млн. человек. Из них 400 тыс. в России. Российское общество фактически пьяное общество. В стране по последним данным миллионы алкоголиков; ежегодно умирают от алкоголизма 60 тысяч человек; 500 тысяч погибают от случаев, связанных со злоупотреблением алкоголя. В год в стране по разным причинам умирает чуть больше 2 млн. человек, из них от 500 до 700 тыс. из-за врачебных ошибок. Для сравнения: в США, согласно официальной статистике, из-за ошибок медиков ежегодно умирает порядка 90 тыс. пациентов [6].

Возьмем такой критерий, как положение женщины в обществе. Известно, что вторая половина XX в. дала миру ряд ярких примеров участия женщин в политике на уровне политических лидеров. Вспомним М. Тэтчер, премьер-министра Великобритании (1978–1990 гг.); И. Ганди, премьер-министр Индии (1968–1984 гг.); Г. Меер, премьер-министр Израиля и другие. Такая же тенденция наблюдается и в текущем столетии. Так, к примеру, канцлером Германии является А. Меркель (2005 г. и по настоящее время); государственным секретарем США является Х. Клинтон. Так что и Советский Союз, и современная Россия отстает не только от США, европейских государств, но и от азиатских государств. В европейских странах женщина играет активную социальную роль. В России идет процесс вытеснения ее в сферу семейно-бытовых отношений, взаимоотношений между мужчинами и женщинами. И этот процесс при поддержке российского телевидения и большинства печатных изданий нарастает. Как результат – отставание России от европейской цивилизации продолжает нарастать.

«Страна рабов», – говорил о России Лермонтов. «Сверху донизу все рабы», – говорил о русском народе Чернышевский. Изменилось ли что-нибудь в России с тех пор? Да, изменилось: новая форма рабства пришла на смену старой. Точнее, крепостничество. В результате лишения собственности и господства частной собственности 70–75 % россиян вновь оказались на положении крепостных. Разве можно в такой ситуации говорить о цивилизации? Говорят и пишут, что нынешняя российская цивилизация является православной. Внешне как будто так. Но это, пожалуй, единственный критерий современной российской цивилизации, однако он не может быть признан решающим, особенно на фоне современной французской или японской цивилизации. Так что говорить о цивилизации в современной России пока еще рано. На вопрос: является ли Россия одним из центров цивилизации, ответ автора отрицательный.

В заключение заметим, что автор не исключает, что в случае успеха программы модернизации страны на 2010–2020 гг., объявленной президентом Д. Медведевым, в России появится больше возможностей считать себя одним из центров мировой цивилизации. Процесс возможного превращения России в один из центров мировой цивилизации, естественно, будет нуждаться в дополнительных научных исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формация или цивилизация? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1989. – № 10.
2. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М., 1991.
3. Тойнби, А. Постыжение истории / А. Тойнби. – М., 2001; Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М., 2002.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2003.

5. Котляр, И.И. Россия XXI века: общественно-политический процесс в оценках белорусского политолога / И.И. Котляр. – 2-е изд., доп. – Брест : Альтернатива, 2010.

6. Аргументы и факты. – 2008. – № 39, 48.

Kotlyar I.I. Russia and the World Civilization

The article analyses the problem “Russia and world civilisation”, gives the answer to the question if it is possible to consider Russia to be one of the ceutris of world civilization. The article is argumentative and might raise further questions centers.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.05.2011

УДК 328.185

А.П. Мельников

О БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена вопросам борьбы с коррупцией в Беларуси на современном этапе. Раскрывается содержание понятия «коррупция», даётся его определение. Рассматриваются разновидности, причины коррупции и негативные последствия этого социального зла. Основное внимание уделяется мерам противодействия, борьбе с коррупцией в белорусском обществе.

Коррупция как социальный феномен появилась в глубокой древности с возникновением государственных образований и оплачиваемых должностных лиц. В наши дни ни одно государство независимо от его социально-экономического и политического устройства не свободно в той или иной степени от проявлений коррупции. Не является исключением и Республика Беларусь.

Что же такое коррупция? В буквальном переводе с латинского термин *corruptio* означает подкуп и прежде всего государственных служащих. В научной литературе и нормативно-правовых актах существуют различные определения коррупции. Чаще всего под ней подразумевается злоупотребление государственной властью в личных корыстных целях. В «Словаре русского языка» коррупция определяется как «подкупность, продажность должностных лиц и общественных деятелей» [1, с. 108]. В российской «Большой энциклопедии» под коррупцией понимается «преступная деятельность, заключающаяся в использовании должностными лицами, политическими и общественными деятелями доверенных им прав и властных возможностей в целях личного обогащения в ущерб государству, обществу и отдельным лицам, а также в сращивании государственных структур со структурами преступного мира в сфере экономики» [2, с. 429]. В современном законодательстве Республики Беларусь даётся такое определение: «Коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом, либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряжённое с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путём предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при использовании своих служебных (трудовых) обязанностей» [3, с. 91–92]. Как следует из всех этих дефиниций, коррупцию в наиболее общем смысле можно определить как использование должностным лицом своего положения в целях получения личной выгоды.

Практика показывает, что коррупция может проявляться в различных формах. Это может быть взяточничество, злоупотребление служебным положением, протекционизм, незаконная приватизация, необоснованное предоставление льготных кредитов и заказов, незаконное участие в предпринимательской деятельности, легализация имущества, приобретённого преступным путём (отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией) и др.

Коррупцию можно подразделить на бытовую и деловую. Первая включает коррупционное взаимодействие между гражданами и чиновниками, вторая предполагает коррупционные отношения власти и бизнеса.

Каковы причины коррупции? Причины разные: и социально-экономические, и политические, и правовые, и организационно-управленческие. Среди них можно отметить прежде всего издержки в реализации экономической политики государства, утрата веры в идеалы, слабость гражданского общества, недостаточный контроль за состоянием коррумпированности высокопоставленных должностных лиц, несовершенство, противоречивость законов, убежденность в безнаказанности и т.д. Как отмечал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на совещании, посвящённом вопросам борьбы с коррупцией, правоохранительные органы не всегда «адекватно реагируют на современные, более изощрённые формы коррупции» [4, с. 3]. И далее Президент указал на такие недостатки, как нехватка у правоохранительных органов соответствующих наработок по выявлению коррупционных преступлений в наиболее значимых сферах деятельности государства, отсутствие системы надлежащего взаимодействия между органами, ведущими борьбу с коррупцией и даже нездоровое соперничество между ними, а также «недостаточная кадровая чистота государственного аппарата» [4, с. 3].

Что касается последнего недостатка, то здесь, как говорится, попадание не в бровь, а в глаз. По данным последних исследований, в сознании определённой части работников государственных учреждений и предпринимателей бытует устойчивое мнение, что коррупция в современном обществе – в значительной степени естественное и оправданное явление, что во взятке ничего предосудительного нет и она часто просто необходима для успешного решения многих проблем по принципу: «не подмажешь – не поедешь».

Примеров коррупционных правонарушений в Республике можно привести немало. Тут и дело прокурора Минской области, а прежде заместителя Генерального прокурора М. Снегиря, и генерального директора Торгового дома «Ждановичи» Е. Шигалова, аресты на Белорусском металлургическом заводе, взяточничество в Бобруйской инспекции природных ресурсов и охраны окружающей среды, и ситуация, сложившаяся с распределением выпускников в Белорусском государственном медицинском университете, и дело бывшего командующего Военно-воздушными силами и войсками противовоздушной обороны Вооружённых сил Беларуси генерала И. Азаронка [5, с. 1] и другие.

В 2010 г. по сравнению с 2009 г. количество преступлений коррупционной направленности в Беларуси выросло с 3 366 до 3 637, или на 8,1 %. Наибольшую долю коррупционных преступлений, как и в прошлые годы, составили: взяточничество (36,4 %), служебные подлоги (28,8 %) и хищения, совершённые путём злоупотребления служебными полномочиями (23,7 %) [6]. В то же время необходимо отметить, что Беларусь существенно улучшила свою позицию в рейтинге по индексу восприятия коррупции, который публикуется международной неправительственной организацией Transparency International. Если в 2009 г. она находилась на 139 позиции из 178, то в Corruption Perceptions Index 2010 г. она переместилась на 127 строку (улучшение на 12 пунктов) [7]. И вместе с тем в последнее время, по словам А.Г. Лукашенко, «участились факты покровительства силовиков частным структурам, лоббирование лицензий, квот, разрешений, закрытие уголовных дел в отношении своих бизнесменов и заказные дела против конкурентов. Растёт взяточничество» [8, с. 1].

Говоря о коррупции как общественно вредном явлении, необходимо отметить, что коррупционные проявления влекут за собой ряд негативных последствий, обостряют существующие проблемы во всех сферах общественной жизни. В экономической сфере коррупция ведет к росту теневой экономики, дискредитации рыночных отношений, ухудшению инвестиционного климата, и как результат – уменьшению поступле-

ний в государственный бюджет. Негативные последствия коррупции с социально-политической области проявляются в том, что увеличивается социальная несправедливость, снижается политическая активность масс, дискредитируется правосудие, ухудшается нравственный климат в обществе, усиливается организованная преступность. Коррупция подрывает доверие народа к власти, порождает оправдательную философию «мздоимства», способствует лоббированию нормативных актов, потворствующих дальнейшему росту злоупотреблений.

Таким образом, в конечном счёте коррупция подрывает демократические устои и правопорядок, ущемляет конституционные права и интересы граждан, дискредитирует деятельность государственного аппарата, извращает принципы законности. Поэтому с ней должна вестись бескомпромиссная борьба. Как отмечал А.Г. Лукашенко, «если смотреть на подобное развитие событий сквозь пальцы либо ограничиваться только нравуочениями, то люди вообще перестанут верить власти. И та стабильность, которую мы с огромным трудом выстраивали в сложнейших условиях и которой так гордимся, может в одночасье рухнуть» [8, с. 2].

Как же осуществляется борьба с коррупцией в Беларуси? Руководством страны ведётся решительная борьба с коррупционными преступлениями в нашем обществе. Методы, или меры противодействия коррупции, можно подразделить на две достаточно общие группы. В первую группу входят меры борьбы с уже существующими проявлениями коррупции (взятки чиновникам), т.е. с выявленными коррупционерами, во вторую – борьба с институциональными предпосылками, обуславливающими коррупцию, т.е. с потенциальной коррупцией, с тем пока безличным коррупционером, в которого при некоторых условиях может превратиться тот или иной работник государственного аппарата. Искоренение предпосылок коррупционных проявлений в сфере государственного строительства является одним из приоритетов политики, проводимой Президентом страны.

К настоящему времени в республике уже сложилась система мер по борьбе с коррупцией, которая включает в себя разработку антикоррупционной нормативной базы и определение механизмов её реализации, разграничение между государственными органами их функций, зон ответственности и организацию взаимодействия по противодействию коррупции, а также создание информационно-аналитических центров и специальных подразделений по борьбе с коррупцией. В частности, такие подразделения созданы в Генеральной прокуратуре, Министерстве внутренних дел и Комитете государственной безопасности. При Генеральной прокуратуре создан Общественный совет по противодействию коррупции.

Вопросы борьбы с коррупцией постоянно находятся в поле повышенного внимания Президента Республики А.Г. Лукашенко. Они поднимаются и периодически рассматриваются Главой государства в ходе проведения в стране таких общественно-политических мероприятий, как Всебелорусские народные собрания, ежегодные послания Президента белорусскому народу и Национальному собранию, в выступлениях Главы государства, посвящённых государственным праздникам, на совещаниях различных уровней по вопросам укрепления обороноспособности, правопорядка и безопасности, в ходе отчётов руководителей различных министерств и ведомств.

Наша страна первой на постсоветском пространстве приступила к проведению криминологической экспертизы проектов законов, которая осуществляется Научно-практическим центром проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры. В стране принята новая Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы, которая представляет собой комплексную систему мер, основанных на анализе криминогенной обстановки и прогнозе разви-

тия коррупционной преступности, результатах научных исследований и практике борьбы с коррупцией [9, с. 3–11].

Базовым документом, на основе которого осуществляется антикоррупционная деятельность в нашей стране, является Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», принятый 20 июля 2006 г. [10, с. 91–101]. Это уже третий по счёту антикоррупционный закон с момента образования суверенного белорусского государства (первые два были приняты соответственно в 1993 и 1997 гг.). Закон развил положения прежнего антикоррупционного законодательства, чётко определил ориентиры предупреждения явлений коррупции, создал правовую основу для осуществления единой политики государства в борьбе с ней. В нём расширен перечень субъектов коррупционных правонарушений, чётко определён круг этих правонарушений, установлена единая система государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, закреплены ограничения для членов семьи государственных должностных лиц, определены составы правонарушений, создающие условия для коррупции. Республикой Беларусь ратифицированы и неукоснительно выполняются такие международные акты по борьбе с коррупцией, как Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (подписана в Страсбурге 27 января 1999 г.), Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. (ратифицирована в 2005 г.).

Противодействие коррупции в республике рассматривается как системное явление, затрагивающее широкий комплекс социальных, экономических, организационных и иных проблем. Помимо уголовно-правовых мер важную роль в этом деле играют меры профилактического характера, заключающиеся в совершенствовании государственного регулирования и контроля в сферах деятельности, подверженных коррупционным рискам. Внимание акцентируется на усилении прозрачности функционирования публичных и частных институтов управления, усилении антикоррупционной предметности финансового контроля и отчётности, разработке этических кодексов и правил поведения должностных лиц. Важным является также развитие и поощрение инициатив гражданского общества в области противодействия коррупции. Ведь в конечном счёте успех в борьбе с этим злом во многом зависит от инициативы и активности самих граждан.

Немаловажное значение в профилактике коррупционных проявлений имеет совершенствование кадровой работы, в том числе повышение требований к кандидатам на руководящие и материально-ответственные должности, взыскательный контроль за трудовой и исполнительской дисциплиной, привлечение виновных лиц к ответственности. Большим подспорьем в борьбе с бюрократизмом, правонарушениями, в том числе и на коррупционной основе, является работа с обращениями граждан, деятельность телефонов горячей линии, телефонов обратной связи, а также реализация в деятельности государственных органов и организаций заявительного принципа «Одно окно». Важное место в работе по противодействию коррупции, созданию в обществе атмосферы нетерпимости к правонарушениям, правовому нигилизму, формированию у населения соответствующей правовой культуры отводится печатным и электронным средствам массовой информации, которые, как известно, являются зеркалом общественных настроений.

В целях расширения возможности получения необходимой информации в Министерстве внутренних дел и его областных управлениях круглосуточно работают «телефоны доверия», по которым граждане могут сообщить руководству министерства о проявлениях коррупции со стороны сотрудников органов внутренних дел, а также о совершении таких преступлений другими должностными лицами, что является действенной превентивной мерой. Во всех правоохранительных структурах республики созданы подразделения собственной безопасности, занимающиеся служебными расследования-

ми фактов противоправной деятельности сотрудников, в том числе и связанных с коррупцией, выявлением условий, способствующих ей.

В средствах массовой информации подчас предлагаются меры по борьбе с коррупцией, которые на современном этапе сложно или даже невозможно осуществить: например, выход всех органов государственного управления из состава учредителей коммерческих структур или введение запрета на предоставление прямой бюджетной поддержки коммерческим организациям вне зависимости от формы собственности и др. Вместе с тем выдвигаются предложения, которые уже сегодня можно реализовать. Например, Генеральная прокуратура предлагает включение в Закон «О борьбе с коррупцией» отдельную статью, в соответствии с которой в течение двух лет после прекращения государственной службы чиновник не вправе работать в коммерческих или некоммерческих организациях, если в течение последнего года государственной службы в отношении этих организаций или должностных лиц он принимал решения или участвовал в принятии таких решений. Генпрокуратура предлагает также включить в Закон «О борьбе с коррупцией» норму, согласно которой трудоустройство бывшего государственного служащего в коммерческие и некоммерческие структуры допускается с согласия государственного органа по последнему месту работы [11, с. 10]. Думается, что предлагаемые меры оказали бы положительное влияние на эффективное исполнение служебных обязанностей и антикоррупционное поведение государственных служащих.

Таким образом, борьба с коррупцией в Республике Беларусь ведётся по двум направлениям. С одной стороны, путём создания соответствующих условий, социальной среды, препятствующих возникновению коррупционных преступлений, с другой – посредством неукоснительной борьбы уже с самими коррупционерами. Эта антикоррупционная деятельность осуществляется различными средствами: как совершенствованием законодательства, так и улучшением работы правоохранительных органов и прокуратуры, а также различного рода экономическим, идеологическим и нравственно-этическим стимулированием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4 изд., стер. – М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. – Т. 2. – К–О. – 1999. – 736 с.
2. Большая энциклопедия: в 62 т. – М. : ТЕРРА, 2006. – Т. 23. – 592 с.
3. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165 – 3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 122. – 2/1262. – С. 91–101.
4. Лукашенко, А.Г. Антикоррупционная атмосфера. Заключительное слово Президента на совещании, посвящённом вопросам борьбы с коррупцией / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 2008. – 14 ноября. – С. 1–3.
5. Гриневицкая, О. Отреагировали / О. Гриневицкая // Народная воля. – 2010. – 2–4 лютага. – С. 1; Паўлоўская, Д. Генерал Азаронак папаўся на адкатах? / Д. Паўлоўская // Народная воля. – 2011. – 28–31 студзеня. – С. 6.
6. Состоялось заседание коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по итогам работы органов прокуратуры Республики Беларусь в 2010 году [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://procuratura.gov.by/main.aspx?guid=11179#doc>. – Дата доступа: 30. 01. 2011.

7. Transparency and accountability are critical to restoring trust and turning back the tide of corruption [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.transparency.org/content/download/55725/890310>. – Дата доступа : 30.01.2011.
8. Лукашенко, А.Г. Антикоррупционная атмосфера. Заключительное слово Президента на совещании, посвящённом вопросам борьбы с коррупцией / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 2008. – 14 ноября. – С. 1–3.
9. Указ Президента Республики Беларусь от 23 сентября 2010 г. № 485 «О государственной программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – № 235. – 1/11967. – С. 3–11.
10. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 164 – 3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 122. – С. 91–101.
11. Туз, Ю. Экс-чиновники – без работы? / Ю. Туз // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2010. – 7 апреля. – С. 10.

Melnikov A.P. Policies on Fighting Corruption in the Republic of Belarus at Present

The article is dedicated to the problems of eradication corruption in Belarus at present. The notion «corruption» is defined. The analysis of the variety of the forms of corruption is presented, the causes of corruption are revealed, and negative consequences of this social evil are exposed. The attention is focused on the measures of fighting corruption in the Belarusian society.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.04.2011

УДК 31.001:001

И.Е. Молодцова, Н.С. Решетникова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается феномен политической пропаганды как целенаправленного распространения и утверждения в общественном сознании тех или иных идей, взглядов, суждений и оценок. Предлагаются наиболее значимые определения понятия «пропаганда». Производится краткий исторический обзор темы, анализируется феномен развития различных пропагандистских форм на разных этапах общественного развития, рассматриваются вопросы эволюции способов передачи информации от межличностных контактов до неличностных форм коммуникации.

Пропаганда как явление также старо, как и власть. Она сопутствует людям, связанным с политикой и идеологией, с давних времен. С течением веков менялись ее формы и техники, однако цель и сущность остались теми же: охват и подчинение масс. Термин пропаганда известен в словарном запасе большинства европейских языков. В Большом энциклопедическом словаре содержится следующее определение пропаганды: «Пропаганда (от лат. *propaganda* – подлежащее распространению) – распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе» [1, с. 967]. В соответствии с распространенными тенденциями авторы рассматривают пропаганду как одну из форм коммуникации между людьми и употребляют этот термин в значении «политическая коммуникация» и «политическая агитация». Политическими коммуникациями являются социальные коммуникации в политической сфере [2, с. 119]. Авторы осознают многозначность ключевого термина «коммуникация». Коммуникация в данной статье ассоциируется с понятиями «массмедиа» и «СМИ». В определенном смысле аналогами «массовых коммуникаций» в англоязычной литературе можно считать такие понятия, как «имиджелогия», «паблисити», «паблик рилэйшнс».

Классиками теории пропаганды в западной литературе можно считать Г. Лассуэлла, У. Липпмана, Л. Фрейзера. Широкою известность получили публикации немецких, английских, испанских и французских авторов, например, Г.С. Джоуэтта, В. О'Данелла, Дж. Строуэлла, Т. Смита, М. Кунчика. В советско-российской литературе были известны работы И.Г. Яковлева и других. В Беларуси большим вниманием исследователей пользуется проблематика идеологии белорусского государства, нежели феномен пропаганды. По проблемам идеологии известны работы С.Н. Князева, Е.М. Бабосова, В.А. Мельника, В.И. Чуешова, С.Г. Паречиной, А.С. Майхровича, В.В. Шинкарева и др.

Пропаганда является формой коммуникации. Ее сущностью есть сообщение посыла (месседжа) от источника к получателю [2, с. 119]. В большинстве случаев она является опосредованным звеном, поскольку доходит до получателя через массмедиа. В настоящее время пропаганда является наиболее институционализированной формой коммуникации. Ее отправителями являются, прежде всего, организации, институты: правительства, политические партии и различного рода общественно-политические организации, корпорации, конфессиональные союзы, образовательные и воспитательные учреждения, политические элиты и т.д.

В теории коммуникации имеют место многие модели. Ряд моделей можно отнести к так называемым транзакциональным моделям, применяемым для описания коммуникационных явлений и процессов. Е.М. Роджерс считает, что коммуникация явля-

ется процессом, в котором участники делятся имеющейся информацией с иными участниками, чтобы достичь лучшего взаимопонимания [3]. Трансакционные модели, однако, не могут применяться для описания всех явлений. Чаще всего может иметь место поток информации в одном направлении и к тому же с обратной связью. Значительное число коммуникативных моделей содержит определенные группы основных элементов, образующих коммуникативный процесс: отправитель сообщения, канал, получатель, а также обратная связь и эффект процесса сообщения.

В литературе обозначилось немало определений пропаганды. К наиболее известным из них можно отнести следующие дефиниции. У. Байдл отмечает, что под влиянием пропаганды каждая личность ведет себя так, как будто ее реакции были результатом ее собственного решения [4]. Понимание пропаганды как средства манипуляции и влияния на человеческое поведение, представленное У. Байделлом, повлияло на дальнейшие исследования, особенно американских ученых. Эти концепции развивали, например, Д. Креч, Р. Крачфилд, У. Шрам, Л. Фрэйзер.

Так, Д. Креч и Р. Крачфилд понимали пропаганду «как специфическую форму побуждений, которая, в том случае, если она успешна, создает в результате процесс внушения» [5]. Современные концепции пропаганды развивают вышеприведенные тенденции. Г.С. Джоуэтт, В. О’Доннел определяют пропаганду как «целевую и систематическую попытку формирования восприятия, манипулирования мыслями и непосредственными поступками в целях достижения таких реакций, которые бы соответствовали намерениям пропагандиста» [6]. Ж. Эллюль, современный французский социолог, считающийся одним из самых известных авторитетов в области теории пропаганды, упрекает американских ученых в том, что они «задержались» на анализе инспирированной отцами теории пропаганды концепций У. Байделла, Г.Д. Лассуэлла и Л. Добра. Сам же он презентовал свой подход к проблеме.

В 1965 году Ж. Эллюль определял пропаганду как «совокупность методов, применяемых организованными группами в целях привлечения к активной деятельности человеческих масс, у которых в результате психической манипуляции, образуется психологическая общность, побуждающая их к массовым действиям» [7]. В работе «Пропаганда» Ж. Эллюль предлагает вести исследования предмета на двух уровнях: широко и узко [8]. В широком смысле пропаганду создают:

- 1) психологические акции, т.е. чисто психологические методы, применяемы в целях модификации общественного мнения, чаще полуобразовательной форме, адресованной к согражданам;
- 2) психологические войны, направленные равным образом как на внутренних, так и внешних противников с целью их дискредитации либо морального уничтожения в целом;
- 3) обработка и промывание мозгов, имеющие целью трансформировать противника в доброжелателя;
- 4) публичные и человеческие отношения, считающиеся исследователем весьма важной областью пропагандистской деятельности, имеющие целью, с одной стороны, продвижение и утверждение определенных ценностей, с другой же – адаптацию личности либо групп к обществу, к сотрудничеству и активности или формирование конформистских представлений.

В узком смысле исследователь концентрируется на институциональном характере пропаганды. Подразумевается, что пропаганда является сетью организационных технических методик, нацеленных на сопровождение и обеспечение пропагандистских акций.

Само понятие «пропаганда» (от латинского – «*propago, propagare*» – укоренять, расширять) было введено в публичную жизнь достаточно поздно. В первой половине XVII века возник признанный первым в истории пропагандистский институт с форма-

лизованной организационной структурой: *Sacra Congregatio de Propaganda Fide*. Его заданием была подготовка миссионеров в целях укоренения веры на «новых» континентах. Слово, возникшее в недрах церкви, быстро нашло применение в сфере политической деятельности.

В развитии явления пропаганды следует отметить два основных этапа:

- 1) этап непосредственных форм пропаганды, опирающихся на произнесенном слове, продолжающийся до изобретения печати в XV веке;
- 2) этап разнообразных пропагандистских форм (непосредственных и опосредованных) с XVI в. до настоящего времени.

Первый этап охватывает *древний мир и средневековье* – эпохи, в которых основной и в принципе единственной формой договоренностей в сфере политологии была межличностная коммуникация, опирающаяся на озвученные слова.

Многие теоретики пропаганды указывают на равномерное развитие пропаганды и риторики в древности. Риторика, или наука о красноречии, получила интенсивное развитие в древней Греции. Важную роль в этом процессе сыграли софисты. Они готовили ораторов с акцентом на умениях побеждать противников в дискуссии. К наиболее известным представителям этого течения можно отнести Протагора из Адбери, Горгия из Леонтиноя, Исократеса и Демостенеса, афинского политика, считавшегося одним из наиболее выдающихся ораторов древности. Целью риториков было усиление языка с помощью соответственно сконструированной аргументации. Это являлось важной способностью, используемой греческими политиками в политической борьбе.

Традиции греческой риторики были восприняты в древнем Риме. Многие исследователи указывают на схожесть социально-политических обстоятельств, существующих в Афинах и Риме. В Сенате, на форумах, либо на собраниях, в судах о существе дела сообщал оратор, применял известные ему приемы аргументации. Риторика стала важным элементом римского воспитания. Способность использования живого слова была основным условием утверждения на политической сцене и закреплена на ней. Каждый большой римский государственный муж должен был быть оратором. Благодаря этому он был в состоянии продвигать свою карьеру, удерживать популярность и добывать политических сторонников. Выдающимся римским оратором считается Марк Тулий Цицерон, адвокат, политик и публицист древнего времени. Он оказал огромное влияние на общественные взгляды своего поколения.

Непосредственная коммуникация, опирающаяся на живое слово, была важнейшей формой пропагандистской деятельности и в древнем Риме. Там можно обнаружить опосредованные внутренние формы передачи информации, такие как прототип газеты «*Acta Diurna*» – вид правительственного информатора, который выходил со времени Цезаря и до 209 г. н.э.; переписываемые рукой листовки; подписи на стенах; плакаты (рисунки, карикатуры). В связи с малыми техническими возможностями и низкой грамотностью опосредованные формы передачи информации играли второстепенную и малозначительную роль в процессе пропаганды.

Период средневековья не способствовал созданию новых результативных форм передачи информации. Только изобретение Гуттенберга и употребление в практике печати открыло новый этап в истории межчеловеческих коммуникаций и институализации пропаганды.

Новое время – это период интенсивного развития пропаганды, характеризовавшийся следующими факторами:

- 1) экономическими: хозяйственное развитие способствовало росту общественного богатства, влияло на процессы преобразования общественного сознания;
- 2) технологическими: новые изобретения создали различные отрасли человеческой активности;

- 3) социальными: увеличивающийся доступ людей к образованию повлиял на рост просвещения общества;
- 4) политическими: появление новых форм политической жизни, таких как партии, парламентаризм и избирательное право;
- 5) развитие средств массовой информации;
- 6) выделение специализированных отраслей науки, таких как теория пропаганды, психология пропаганды, политический маркетинг, связи с общественностью (PR – public relations), имеющих целью интенсификации процесса пропагандистской деятельности и повышение уровня его результативности.

Анализируемый этап не является монолитным. Если взять за основу анализа формы и техники передачи пропаганды, то можно разделить его на четыре фазы:

Фаза пропаганды Нового времени (XVI – до конца XVIII в.). Создание Гутенбергом печатной машины в середине XV века дало важный импульс для развития межлических коммуникаций. Однако до появления первых средств массовой информации, таких как пресса, прошло более ста лет. Можно согласиться с утверждением, что пропаганда как явление начала менять свое качество вместе с появлением первых газет. Они появились в XVII веке, например, «Avice Relation Oder Zeitung» в Германии (1609 г.); «The Weekly News in London» в Англии (1622 г.), «La Gazette» во Франции (1631 г.). Они выпускались один раз в неделю или чаще и предназначались для узкого круга потребителей. Читатели происходили из политических и интеллектуальных элит, так как умением читать обладала незначительная часть общества. Только с начала XVIII в. стали активно печататься журналы.

С развитием прессы появилась реклама. Регулярно издаваемые журналы создали рынок объявлений. Первоначально они размещались на страницах обычной прессы. На рубеже XVI и XVII вв. благодаря появлению в больших городах адресных служб сформировались специализированные журналы объявлений. Первоначально они стали выходить в Великобритании, Франции и Голландии. Зародившись в Европе, реклама наилучшие условия для развития получила на североамериканском континенте.

В период Нового времени получили развитие новые способы передачи информации. Политическая и религиозная пропаганда уже не ограничивалась межличесными контактами источников информации с ее получателями. Новые техники печати создали возможность развития неличесных форм коммуникации, широко используемых правящими слоями: вождями, аристократией, дворянством, зарождающейся буржуазией. Все более разнообразные формы опосредованной передачи информации служили процессу укрепления элит власти и правящих лиц. Примером, иллюстрирующим этот тезис, является правление Максимилиана I в Германии, а также Людовика XIV во Франции. Максимилиан I сумел результативно воспользоваться новыми медиа в публичных делах. Ему удалось в четыре раза увеличить тираж журналов и книг, поддерживающих власть. Возросла численность листовок, плакатов, рисунков и иных печатных пропагандистских форм. Дворцовые артисты были задействованы в политических кампаниях. Стремясь к укреплению своего положительного имиджа, Максимилиан использовал так называемую внешнюю рекламу: дешевые гравюры с царскими знаками, памятные медали, монеты и т.д.

Необходимость использования пропаганды в целях эффективного осуществления власти понимала также французская элита. Особая роль в этом смысле принадлежала кардиналу Ришелье и королю Людовику XIV. Кардинал Ришелье, игравший первостепенную роль на политической арене в период правления Людовика XIII, подчеркивал значение понятия «la reputation» в своей философии управления политикой. Важным инструментом влияния на общественное мнение была в его руках «La Gazette» – первая французская газета. На те времена она имела достаточно широкий круг читателей. Наря-

ду с политической и социальной элитой газета доходила до маргинальных слоев, когда громко читалась в публичных местах. Другим средствам формирования общественного мнения Кардиналом Ришелье была основанная им Французская Академия. Лучшим литераторам и писателям, членам Академии, выплачивались гонорары и пенсии, что способствовало укреплению их лояльности к системе власти.

К высшим достижениям в Период Нового времени многие исследователи относят пропагандистскую деятельность короля Людовика XVI. Монарх тщательно работал над своим имиджем как в глазах соотечественников, так и иностранцев. С этой целью он строил замки, торжественно праздновал свои дни рождения. При дворе он содержал многочисленный штат художников, поэтов, музыкантов, которых тогда именовали хлебниками (сейчас к ним можно было бы применить термин «специалисты по рекламе»). Другим примером пропагандистских действий, в которых в полной мере были задействованы средства массовой информации, была война за независимость Соединенных Штатов. События 1776 года упреждала пропагандистская кампания, проводимая Самюэлем Адамсом и его сторонниками из Массачусетса.

Некоторые исследователи презентуют тезис о том, что многие события, например, бостонское чаепитие, были инсценированы таким образом, чтобы сообщения прессы соответственно формировали общественное мнение и позиции обывателей.

XIX век – это столетие перелома, период больших и радикальных перемен во всех сферах человеческой деятельности. Промышленная революция оказала огромное влияние также и на практику тогдашней пропаганды. Коммуникационные процессы были обусловлены многими факторами, основным из которых следует признать развитие капитализма. В ходе его последствий наступили глубокие преобразования социальных структур, выражающиеся в повышении уровня жизни, доминировании мелкой буржуазии, урбанизации, количественных и качественных изменениях рабочего класса, распространению обязательного начального образования. Выразительные модернизационные процессы начали проявляться и в сфере политики. Они охватывали такие явления, как признание избирательных прав, рост общественных движений, развитие парламентаризма и массовых политических партий, появление новых идеологий. XIX век – это прежде всего эра технической революции и новых технологий, сопровождающих деятельность человека. Одним из важнейших изобретений была паровая машина. Ее использование в конструкции паровоза и парохода дало возможность людям быстро перемещаться.

В 1830 г. была открыта первая железнодорожная колея Манчестер – Ливерпуль, а в 1830 г. пароход «Great Western» пересек Атлантику за 15 дней. В 1811 г. Фридрих Кенинг применил пар для печатных машин. Тридцать лет позднее лондонская «Таймс» впервые в мире была напечатана на машине при помощи паровой тяги, была которая способна три тысячи экземпляров [9]. Изобретение телеграфа в 40-х годах XIX в. сократило время передачи информации.

В 1844 г. произошла первая телеграфная трансмиссия. В 1851 г. был проложен телеграфный кабель над проливом Ла Манш, а в 1866 г. – трансатлантический кабель. В 1875 г. А. Белл представил собственную версию телефона, а годом позднее Т. Эдисон усовершенствовал изобретение Белла. Важным событием в сфере коммуникации было изобретение фотографии. Дагер продал свое изобретение (дагерротип) в 1839 г. Несколько лет позже в прессе появились первые экземпляры иллюстрированной информации.

С 1450 до 1814 г. скорость печатания возросла десятикратно, а между 1814 г. и 1844 г. – стократно. Ротация вначале одно-, а затем двухсторонняя увеличивала возможности печати до многих тысяч экземпляров газет. Важным было также появление первых информационных агентств «Ассошиэтед пресс» (образовано в 1848 г.) и Юлиуса Рейтера (1851), которые действуют до сих пор. Все это привело к интенсивно-

му развитию прессы и положило начало в 1-ой половине XIX в массовой прессе. На практике это означало, что наряду с известными с давних времен непосредственными формами передачи информации появился опосредованный способ, основанный на передаче информации от источника к массовому получателю посредством медиа.

Пропаганда XIX века использовала в равной мере обе формы межчеловеческой коммуникации. С течением времени, однако, в пропагандистских процессах стали доминировать опосредованные формы. Они гарантировали возможность проникновения в более широкие массы общества. Особую роль в развитии практики пропаганды в анализируемый период сыграло возникновение новых массовых политических партий, опирающихся на различающиеся идеологии, программы и политические доктрины. Партии готовили своих профессиональных пропагандистов. В этой роли выступали агитаторы, использующие силу влияния на основе убеждения. Под конец XIX века место разрозненных политических организаций заняли организованные структуры, иерархизированные и основанные на внутренней дисциплине. Массовые партии объединяли значительное число людей, собирали вокруг себя сторонников, боролись за голоса электората. Появился новый тип политика – парламентарий. Многие из них были профессиональными политиками, т.е. живущими политикой, зависимыми в финансовом смысле от своих партий. Такое направление эволюции политической жизни повлияло на процесс наступательного оформления пропагандистских техник, связанных с предвыборной пропагандой. Знаменательным примером был новый подход к выборам в США. В 1896 г. Республиканская партия задействовала в роли главного организатора избирательной компании Маркус Алонсо Ханна, профессионально занимавшегося торговлей и рекламой.

Фаза кино и «золотых лет радио» – первая половина XX века. Последующие изобретения и их массовое внедрение способствовали развитию опосредованных форм коммуникации. Фундаментальную роль в этот период сыграли кино и радио. Родоначальниками кино считаются братья Огюст и Луи Люмьер с проектом «Выход их фабрики» в 1895 г. Некоторые исследователи считают, однако, что отцом кино следовало бы считать другого француза – Эмиля Рейно, который в 1892 г. открыл первый кинотеатр в Париже и показывал в нем рисованные фильмы. Около тридцати лет кино было без звукового сопровождения. Только в 20-х годах XX в. кино стало сопровождаться звуковой дорожкой. Первый полнометражный звуковой фильм был создан на студии Уорнер Бразерс в 1926 г. (Дон Жуан). Кино быстро приобрело такую популярность, что многие авторы называют период первой половины XX века мировым сумасшествием.

Профессиональные пропагандисты сразу оценили роль кино как особенного средства трансляции идей, взглядов, моды, а также формирования массового сознания зрителей. С этого взгляда кино быстро стало важным каналом передачи пропаганды, особенно в тоталитарных системах межвоенного двадцатилетия. Известным примером использования кино в пропагандистских целях был третий Рейх. Главным инициатором его использования был Йозеф Геббельс, который часто повторял, что «пропаганда есть как военный конвой – целое должно дойти до цели». Как один из первых практиков пропаганды на свете, он реализовал то, что сейчас называется термином «тотальная компания», то есть такая, которая использует все доступные медиа, формы, техники и средства пропагандистского воздействия. Геббельс считал, что софистическая пропаганда мало результативна. Наилучшие эффекты можно достичь через обращение к эмоциям, стереотипам и аналогиям. Повторял, для того чтобы дойти до системы убеждения получателей пропаганды, необходимо создать ему хорошее самочувствие в процессе пропагандистского воздействия. Наилучшим способом достижения этой цели было, по мнению Геббельса, развлечение. Поэтому в своей пропагандистской деятельности рассматривал кино как средство, а фильм как форму подачи информации. Пропаганди-

стское содержание в его фильмах было укрыто, завуалировано, однако усилиями создателей фильмов оно присутствовало в понятном для массового зрителя виде. Особые позиции в пропаганде фашистской Германии занимала документальная хроника, где пропагандистское содержание было явно выражено. Геббельс, обладающий интуицией психолога, обращал внимание на специфическую конструкцию этого вида воздействия: музыка, движение, образ, сближение, профиль лица (дающий впечатление силы), символ, звук и т.д. В хрониках образ Гитлера не пропагандировался как звездный. Он появлялся лишь в кратких эпизодах. Единственным полнометражным документальным фильмом, посвященным фюреру, была лента Лени Рифеншталь «Триумф воли». Этот фильм сыграл важную роль в формировании фашистской пропаганды.

Радио появилось позже, чем кино. Историки массмедиа считают, что первая зафиксированная трансмиссия звуковых сигналов посредством радио имела место в Метрополитен-опера в Нью-Йорке в 1911 г. Тремя годами позже имела место попытка радиопередач в Бельгии путем регулярных трансляций музыкальных программ. Затем была осуществлена в 1915 г. первая радиопередача из Вашингтона в Париж. В это же время начала свою деятельность английская станция Би-Би-Си (BBC). В 1926 г. возникла первая в мире радиосеть NBS в США. Радио быстро укоренилось и распространилось как средство массовой информации. Это способствовало вытеснению прессы на второстепенные роли. Историки считали 20-е годы XX века настоящим радиобумом. Этому способствовал необычайно высокий рост численности радиостанций и радиоприемников.

С самого начала своего возникновения радио было обречено на давление со стороны политических элит и правящих групп. Одним радиоккомпаниям, таким как BBC, удавалось защитить свою независимость, другие интегрировались в политические уклады. В тоталитарных и авторитарных режимах радио утратило суверенность и было включено в систему пропаганды. В демократических режимах радио развивалось в двух направлениях. С одной стороны, в Северной Америке, процесс развивался в неформированных экономических отношениях, без какой-либо поддержки со стороны государства. В Европе же появилась модель государственного радио, тесно связанного со структурами политической власти (эти обстоятельства сказались также на развитии телевидения). На обоих континентах радио стало элементом политической игры. Многие политики и группы давления стремились использовать магию этого средства для реализации своих целей.

Франклина Рузвельта считают первым американских политиком и государственным деятелем, который открыл мощь пропагандистского влияния радио. В 1933 году президент инициировал серию передач, названных «Беседы у камина». Эти программы, обращенные к большому числу граждан, позволили президенту вначале сформировать, а затем удерживать свою политическую линию. Первым политиком в Европе, который обратился к соотечественникам посредством радиомикрофона, был президент Франции Гастон Думерг. В 1934 г. он выступил с несколькими радиообращениями к согражданам.

Радио было эффективно использовано нацистской пропагандой. Немецкие радиостанции не ограничивались передачами речей Гитлера и трансляциями важных праздничных мероприятий с участием правящей элиты. В Германии впервые радио было использовано как средство передачи информации, направленное на внешнего потребителя, т.е. врага и политических противников за границей. Показательным в этом смысле может служить псевдофранцузская радиостанция Фердоне. Вторая мировая война – это период широкого использования радио для пропагандистских целей.

Фаза доминанции телевидения наступает во 2-ой половине XX в. Вторая половина XX в. характеризуется высокими темпами обновления технических средств коммуникации, среди которых на первый план выдвинулось телевидение. 40-е годы XX в. в США и Канаде, а также 50-е годы в Европе и на остальных континентах стали началом

эры масовага тэлевидення. В то же время наступила инаугурация первых телевизионных статей и каналов (в США). Последующие десятилетия историки СМИ называют эрой телевидения. С этого времени можно говорить о формировании развитой системы массовой коммуникации.

Телевидение потеснило иные СМИ на рынке, заставив их действовать в условиях острой конкуренции. Пресса, радио и кино должны были приспособиться к новой ситуации, контролируя сферы малодоступные либо малопривлекательные для телевидения. Новое качество в образе СМИ начало интересовать исследователей и политиков. Они обращали внимание на определенный феномен, сопутствующий этому явлению. СМИ активно внедрялись во все сферы человеческой деятельности, становясь их интегральной частью и принципиальным каналом межчеловеческого взаимопонимания. Некоторые исследователи, отмечая роль СМИ в общественной жизни, стали говорить о медиатизации общества, о СМИ как четвертой власти, о новых оперативных коммуникациях, основанных на СМИ. Возможность приема радио и телепередач посредством спутников, новые медиа, компьютеризация и т.д. привели к тому, что тезис о том, что мир стал глобальной деревней, стал фактом. Передача информации без каких-либо ограничений в пространстве и времени не осталась без внимания пропаганды. Помимо СМИ, особую роль в ее развитии сыграли мировые войны, затем т.н., «холодная война» между Востоком и Западом, а также современные войны, например, в Афганистане, Ираке, Персидском заливе. В результате в пропаганде появились совершенно новые технологии: психологическая война, мистификация, шпионаж, военный шантаж, идеологическая диверсия, экономическое давление и т.д.

В тот период начали выделяться известные ранее научные дисциплины: теория социальной коммуникации, теория политической (публичной) коммуникации, теория массовых коммуникаций, коммуникация в организациях (в бизнесе), теория и техника избирательной пропаганды, теория и техника политической рекламы, связи с общественностью (PR), техника политического маркетинга, техника избирательного, социального маркетинга. В 1960-е гг. в США и в 1970-е гг. в Западной Европе начали свою деятельность первые научные центры, частично в университетах, частично как самостоятельные единицы. Они занимались проведением исследований, а также подготовкой узких специалистов-профессионалов в следующих областях:

- 1) специалистов в области коммуникации: социальной, политической, избирательной (управляющий кампаниями);
- 2) политических консультантов, консультанты в организациях (главным образом, в бизнесе);
- 3) аналитиков политического рынка и специалистов в области исследований общественного мнения;
- 4) специалистов в области политического и социального маркетинга и избирательных техник;
- 5) специалистов по связям с общественностью;
- 6) специалистов по технике рекламы (пресса, радио, аудиовизуальная);
- 7) покупателей медиа (специалистов в области возможной закупки антенного времени либо рекламного пространства);
- 8) тренеров в сфере ораторского искусства и публичных выступлений.

Регулярно происходящие политические выборы в США и Западной Европе интенсифицировали развитие политической пропаганды, и, в особенности, избирательной пропаганды. В 50-е и в 60-е гг. XX в. в европейских странах в осуществлении политики стали широко применяться маркетинговые техники. Этот этап часто называют *этапом консолидации политического маркетинга*. В это время политические кампании становятся одной из основных форм политической деятельности. Их организацией и прове-

дением стали заниматься специалисты в области пропаганды и маркетинга. Появились новые формы и техники проведения компаний. Первоначально партии и политики пользовались услугами пропаганды (фрагментарно либо глобально), представляемыми маркетинговыми и рекламными фирмами. Потребность в подобного рода услугах способствовало появлению на рынке многочисленных организаций, специализирующихся на услугах в области пропаганды, маркетинга, рекламы, политической имеджелогии. В 1960-е годы в Северной Америке и в 1970-е годы в Западной Европе ситуация изменилась настолько, что проведение избирательных кампаний только силами кандидатов, партий и волонтеров перестало гарантировать достижение целей. Вместе со стабилизацией части рекламных, маркетинговых, коммуникационных агентств, бюро по связям с общественностью начался следующий этап в развитии политического маркетинга, который можно считать эрой политических консультантов.

Характерной чертой второй половины XX в. стала интенсификация деятельности в сфере связей с общественностью (PR). Ее целью стало продвижение личностей и организаций, а также формирование взаимопонимания между ними и получателями информации (общественностью). В настоящее время связи с общественностью (PR) стала одной из наиболее развитых и эффективных профессиональных форм социальной и политической коммуникации в демократических государствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : «Большая Российская энциклопедия»; СПб. : «Норинт», 1998. – 1456 с.
2. Пономарев, Н.Ф. Политические коммуникации и манипуляции / Н.Ф. Пономарев. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 128 с.
3. Rogers, E.M. Diffusion of innovations / E.M. Rogers. – New York : The Free Press. – 1995.
4. Bidell, W.W. A Psychological Definition of Propaganda / W.W Bidell // Journal of Abnormal and Social Psychology, 1931.
5. Kretch, D. Theory and problems of social psychology / D. Kretch, R.N. Crutchfield. Y. – Toronto – L., 1948. – 639 p.
6. Джоуэтт, Г.С. Пропаганда и внушение / Г.С. Джоуэтт, О'Доннел. – М. – 1988.
7. Ellul, J. L'illuslon politique / J. Ellul. – Paris, 1965.
8. Ellul, J. Propagandes politique / J. Ellul. – Paris, 1990.
9. Морозов, Б.М. Средства массовой информации и пропаганды / Б.М. Морозов, В.В. Егоров, В.И. Новиков. – М. : Политиздат. – 1984.

Maladtsova I.E., Reshetnikova T.S. Evaluation of the Consequences of Public Policy: Functional Analysis

The article considers political propaganda as purposeful distribution and adoption of different ideas, views, opinions and assessments. It pays attention to the most significant definitions of the term «propaganda». The article concerns a short historical overview of the theme, the development of various forms of propaganda on different stages of social progress. Besides, it examines the evolution of the methods of information transfer from interpersonal contacts to impersonal forms of communication.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.07.2011

УДК 32.001 (476)

Э.Н. Северин

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье показан процесс становления и развития теории прав человека, даны методологические основы исследования. В современной политической науке идёт процесс формирования субдисциплины «Политология прав человека». Сегодня специалисту любого профиля остро нужны знания, накопленные политической наукой в области прав человека, ибо на них опирается поиск наиболее рациональных и действенных форм и методов управления общественно-политическими процессами в сфере международных отношений и внутренней политики. Признание прав человека в качестве важнейшей сферы жизнедеятельности людей сегодня получает не только общеполитическую, но и конкретно-научную форму.

Введение

Права человека имеют длительную историю исследования в различных областях обществоведения. Тем не менее, до настоящего времени нет единого подхода к трактовке содержания данного феномена. По отношению к правам человека существует множество самых различных мнений, определений, формулировок и подходов. Нынешний мир многополярен, поэтому в разных регионах и государствах существуют различные концепции и отношения к правам человека. Это определяется многими факторами: политическим режимом, формой правления, уровнем развития политической культуры, традициями, религией. Всё это определяет необходимость исследования прав человека с различных точек зрения (с позиций политологии, политической философии, политической социологии, юридической науки) с учётом культурологических, религиозных, цивилизационных, исторических факторов. Цель данного исследования – показать методологические основы, процесс становления и развития теории прав человека с учётом аспектов политической науки.

Феномен прав человека стал известен в Новое время и связан с именами Г. Гроция, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, Т. Джефферсона, Т. Пейна, Б. Франклина, Р. Велестинлиса и ряда других мыслителей. В основе философско-политической мысли эпохи лежат концепция общественного договора и принцип разделения властей. Положения классической теории прав человека основываются на идеях либерализма, индивидуализма, естественно-правовых подходах, принципе частной собственности, приоритете гражданских и политических прав, христианских ценностях.

Одним из основателей естественно-правовой концепции является голландский политический мыслитель и государственный деятель Гуго Гроций. Политико-правовые взгляды философа изложены в труде «О праве войны и мира». Он первым предпринял попытку систематического изложения теории естественного права. Согласно Г. Гроцию, права заложены в самой природе человека: «мать естественного права есть сама природа человека» [1, с. 48].

Как органические части природы право и государство рассматриваются в трудах голландского философа, представителя договорной теории государства Бенедикта

Научный руководитель – Л.Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

(Боруха) Спинозы. Естественное право человека Спиноза ставит в зависимость от основного закона природы – «закона самосохранения». При этом человек не может существовать вне гражданского состояния (государства).

Впервые категория прав человека приобрела свою чёткую терминологическую форму в трудах одного из основателей социально-политического либерализма английского мыслителя Джона Локка. По мнению Дж. Локка, договорная концепция государства предполагает взаимные права и обязанности государства перед индивидом и индивида перед государством. Чем больше прав у человека, тем шире круг его обязанностей перед обществом. Дж. Локк определяет круг естественных неотчуждаемых прав человека (право на жизнь, право на собственность, свободу и равенство). При этом каждый человек имеет право по закону природы отстаивать и защищать свою «собственность, т.е. свою жизнь, свободу и имущество» [2, с. 310].

Подобно Дж. Локку, проблему прав и свобод человека связывает с формой государственного правления и принципом разделения властей французский философ Шарль-Луи Монтескье. Взгляды Дж. Локка и Ш.-Л. Монтескье оказали влияние не только на последующие научные концепции, но и на конституционное законодательство многих стран.

Впервые либеральная концепция прав человека нашла своё законодательное закрепление в 1776 году в Вирджинской декларации (Декларации прав американской колонии Вирджиния), которая была положена в основу принятой в этом же году Конституции США, Билле о правах (1791), затем во французской Декларации прав человека и гражданина (1789), Конституции Речи Посполитой (1791). Таким образом, уже ко второй половине XVIII века в Европе были заложены основы для дальнейшего развития теории прав человека. Понятие прав человека ограничивалось вопросами взаимоотношений личности и государства, требованиями личной свободы и политического участия во власти, а принципы прав человека (свобода, равенство и братство) стали ведущей идеологией революционных и освободительных движений.

Окончательное закрепление идеи прав человека произошло в XIX веке в период формирования капитализма, экономической системы производства и распределения, основанной на частной собственности, всеобщем равенстве и свободе предпринимательства. В качестве идеологии капиталистического строя наибольшее влияние в этот период приобретает либерализм; развиваются демократические, этакитские, позитивистские, утилитаристские, социалистические подходы к правам человека (работы И. Канта, Г. Гегеля, И.Г. Фихте, В. Гумбольдта, Д.С. Милля, И. Бентама, Б. Константа, Ш. Фурье, Т. Скидмора, Р. Оуэна, А. де Токвиля, К. Маркса, Ф. Энгельса, А.В. Дэйси, Г. Еллинека и др.).

Родоначальником немецкой классической философии Иммануилом Кантом создано учение о человеке, обладающем исключительной ценностью и совершенным достоинством, руководствующемся в своём поведении нравственным законом. В отличие от И. Канта, у которого права человека и гражданское общество имеют форму «долгестования», Г. Гегель рассматривает их как действительность, как практическую реализованность, как часть исторического процесса. С утилитаристских позиций подходят к правам человека в своих трудах английские философы Д.С. Милль, И. Бентам. Своеобразной утопией в области прав человека стала работа американского общественного деятеля Т. Скидмора «Права человека на собственность». Автор делает попытку создания равного права на равную собственность.

Дальнейшие попытки достижения социальной справедливости прослеживаются в марксизме. Путь к раскрепощению личности и достижению всеобщей свободы теоретики данного направления видели в преодолении индивидуализма, в растворении личности в государстве, а индивидуальных интересов – в классовых. В.И. Ленин считал

величайшей заслугой Маркса и Энгельса то, что место и роль человека в обществе, его права и обязанности, чувства, помыслы, действия, бесконечно разнообразные и, казалось бы, не поддающиеся никакой систематизации, в пределах конкретно-исторического общества были или обобщены, или сведены к действиям групп личностей, классов, борьба которых определяет развитие общества [3, с. 147]. К концу XIX века марксизм становится одним из ведущих течений в политической жизни буржуазного общества.

С острой критикой естественно-правовой концепции в первой половине XIX века выступили представители исторической школы права (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта), консерватизма (Э. Берк и Ж. де Местр). Приверженцы этих подходов отвергали теорию общественного договора, права человека, оклоняли идею разделения властей и отрицали другие аналогичные политические лозунги той эпохи.

В России идея прав человека получила своё развитие намного позднее, чем в Западной Европе. Одним из ярких представителей школы естественного права и прав человека в России считается А.Н. Радищев, развивавший идеи о равенстве, договорном происхождении государства. Среди видных сторонников теории правового государства и прав человека были «западники» Т.Н. Грановский, Б.Н. Чичерин, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев и др. С христианско-нравственных аспектов рассматривали права человека В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев. Представители славянофильского направления философско-политической мысли России К.А. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, И.В. Киреевский приоритет отдавали интересам государства, а не личности.

В начале XX века в период буржуазных революций и политических преобразований появляется ряд работ представителей различных политических течений Л.З. Мовича, Н.П. Дружинина, В.В. Лункевича, Е.Д. Зайцевой, содержащих анализ европейского и американского опыта реализации прав человека. Известный американский учёный Дж. Доннели отмечает: «Расширение круга субъектов прав человека по сути лежало в основе многих из великих политических битв последних двух столетий» [4, с. 5].

Со второй половины XX века права человека оказывали активное влияние на политическое, экономическое, нравственное и культурное развитие человеческого общества. Одним из важнейших аспектов, повлиявших на дальнейшее развитие теории прав человека, стало развитие системы международного сотрудничества в данной области, создание механизма международной защиты прав человека. Политические, идеологические, экономические, цивилизационные, культурные, религиозные аспекты оказали решающее влияние на появление новых концепций и подходов в развитии и исследовании феномена прав человека.

Системное развитие в рамках политической науки теория прав человека получила в странах Западной Европы и США, о чём свидетельствует многообразие комплексных теоретических исследований в данной области. Наиболее цельно проблематика прав человека представлена в исследованиях профессоров Денверского университета Дж. Донелли, университета штата Небраска Дж. Форсайта, Эссекского университета Т. Лодмана, профессора университета Торонто М. Игнатьева, французского учёного автора концепции трёх поколений прав человека К. Васака.

Особого внимания, с точки зрения развития теории прав человека, заслуживают работы классиков политической науки и политической философии К. Ясперса, Х. Арена, Дж. Роулза, Р. Дала, Р. Дворкина, Р. Нозика, Г. Алмонда, С. Вербы, С. Хантингтона, Р. Инглхарта, Ф. Фукуямы и др.; основоположников теории элит Г. Моски и В. Парето; создателя школы мир-системного анализа И. Валлерстайна.

Отдельные проблемы прав человека в политике в духе политического реализма рассматриваются в работах французских исследователей Р. Арона, П. Аснера, американских и английских политологов Х. Моргентау, С. Хоффмана, Дж. Винсета, Х. Бул-

ла, М. Коуэла, Э. Балибара и др. Вопросы о придании нормативного статуса социально-экономическим правам посвящены труды американских исследователей К.Р. Санстейна, Р.А. Познера, У.К. Прейса, Р. Шварца, Ф. Алстона и др.

Ряд учёных (профессора Принстонского университета Р. Фальк, Ч. Бейтс, профессор университета штата Коннектикут Д. Силфен и др.), основываясь на универсальности прав человека в международных отношениях, для создания эффективной системы защиты прав человека предлагают варианты отказа от значительной части государственного суверенитета в пользу межгосударственных структур.

Проблема реализации права на самоопределение, территориальной целостности, «гуманитарной интервенции», прав меньшинств рассматривается в работах профессора Флорентийского университета А. Касезе, автора теории американского мультикультурализма и мультикультурного гражданства профессора Королевского университета в Кингстоне У. Кимлика, профессора Лондонской школы экономики и политики Ч. Гринвуда и др. Права человека в контексте глобализации исследовались многими американскими и английскими учёными, такими как Р. Кеохейн, Дж. Най-младший, К. Бут, К. Браун, М. Мидгли, М. Калдора, М. Шоу, Г. Лешер, Дж. Ашворт, Э. Харрелл, С. Сассен, Д. Хелд и др.

В 1985 г. ООН создала Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию, которая в 1987 г. издала доклад «Наше общее будущее», где впервые сформулирована концепция устойчивого развития, целью которого является улучшение условий жизни человека, достигаемое в гармонии с природой. Особую популярность эта проблематика приобрела в конце XX века. Различные интерпретации (права будущих поколений, эгалитарная концепции прав человека и животных и др.) экологических прав отражены в работах американских философов и политологов Дж. Фейнберга, Т. Ригана, Р.П. Хаскеса (монография Хаскеса «Права человека на зелёное будущее» в 2010 году Американской ассоциацией политической науки признана лучшей книгой в области прав человека) и др.

Подписание Устава ООН 26 июня 1945 года, создание комиссии ООН по правам человека, принятие в Париже 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека стали отправной точкой создания международной системы защиты прав человека. На сегодняшний день накоплена значительная база в области международных, региональных и национальных механизмов защиты прав человека. Анализ и комментарии к международному праву прав человека содержится в работах М. Дженис, Р. Кей, Э. Брэдли, А. Лопатки, К. Джевицкого, М. Почевяка, Е. Заядло, Д. Харриса, М. Новака, А. Розаса и др.

Несмотря на приоритет либеральной концепции прав человека и принципа универсальности, со второй половины XX века активно начинается процесс развития «незападных» концепций прав человека (исламская, африканская, японская, китайская, советская и др.). Некоторые из них нашли своё утверждение не только на национальном, но и на региональном уровнях. Так, в 1981 году Организацией африканского единства была принята Африканская хартия прав человека и народов – региональный правозащитный договор (по состоянию на 2010 год в Хартии участвуют все 53 страны-члена Африканского союза); 19 сентября 1981 года по инициативе Исламского Совета Европы была принята Универсальная Исламская Декларация Прав человека. Исследованиям в данной области посвящены работы А. Ан-Наима, А.А. Саида, С.Э. Ибрагима, Цунэо Инако, Д. Белла, А. Меллона, К. Малфита, Е. Бремс, М. Фримана, К. Стейнера и др.

Советская концепция прав человека существовала в СССР и других социалистических странах. Концепция прав человека поначалу вообще не была признана советской научной доктриной. Лишь в конце 1950-х – начале 1960-х годов идея прав человека была в Советском Союзе реанимирована, в результате чего начала формироваться социалистическая концепция прав человека. Методологической основой этих специ-

альных исследований в СССР была диалектико-материалистическая философия как составная часть марксизма-ленинизма.

В 1966 году СССР подписал Международный Пакт о гражданских и политических правах, взяв, таким образом, на себя ответственность по реализации системы мер по обеспечению прав и свобод, перечисленных в этом документе. Одним из итогов подписания вышеназванного Пакта стало принятие 7 октября 1977 года на внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Активизировались и исследования в области прав человека. Данной теме посвящены научные труды В.А. Карташкина, С.Д. Беленкова, Н.К. Михайловского, Ю.А. Полякова, С.М. Ковалёва, А.М. Овсяюка, Ю.И. Ныпорко, А.Д. Бутейко, О.В. Зайчука, А.П. Мовчана, В.А. Степанова, Л.Ф. Евменова, А.М. Байчорова, А.Д. Гусева, Р. Мюллерсона, Ю. Кучинского, В. Бюхнера-Удера, Й. Благожа и др.

Одним из самых значительных исследований в советской науке в области прав человека является диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук В.А. Карташкина «Права человека и мирное существование». В этой работе впервые в СССР проведено комплексное монографическое исследование основных проблем сотрудничества государств в сфере прав человека. В диссертации анализируются основные международные соглашения по правам человека, обобщается практика деятельности органов ООН по вопросам прав человека, критически используются труды зарубежных учёных. Большое внимание принципиальным вопросам социалистической концепции прав человека, подходам стран социалистического содружества к проблемам международной защиты прав человека уделено в диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук С.Д. Беленкова «Права человека и идейно-политическая борьба в международных отношениях (из опыта европейских стран социалистического содружества)». В этой работе по существу впервые проанализирован опыт европейских стран социалистического лагеря по вопросам прав человека во второй половине 70-х годов XX века.

Проблемам международной защиты прав человека посвящены также книга советского специалиста в области прав человека, члена Комитета по правам человека, доктора юридических наук, профессора А.П. Мовчана, монографии Н.К. Михайловского, А.М. Овсяюка, Ю.И. Ныпорко, А.Д. Бутейко. В работах отражены исследования по истории создания международных пактов о правах человека, анализируется природа прав и свобод человека, рассматривается позиция СССР и других стран социализма, ведущих капиталистических стран в данном вопросе.

Идеологические аспекты прав человека, марксистско-ленинская концепция личности как методологическая основа исследования прав человека, особенности социалистической системы прав человека, критический анализ капиталистических концепций содержатся в работах доктора юридических наук Ю.А. Полякова, кандидата философских наук В.А. Степанова, доктора философских наук С.М. Ковалёва, доктора юридических наук О.В. Зайчука, доктора юридических наук В.В. Копейчикова.

Историческое развитие категории прав человека, способы реализации прав человека в различных социальных системах, приоритетность социалистического строя в обеспечении реальных прав и свобод граждан раскрываются в книгах В. Бюхнера-Удера (ГДР), Ю. Кучинского (ГДР), Й. Благожа (ЧССР) и др.

После распада СССР исследования в области прав человека продолжились в постсоветских республиках. Российские и украинские политологи, правда, нечасто затрагивают те или иные аспекты проблематики прав человека, анализируя по большей части ситуацию в данной области в своих странах. Общие аспекты прав человека отражены в трудах, авторами которых явились российские и украинские учёные: В.С. Нерсисянц, А.Я. Азаров, Ф.М. Рудинский, Е.А. Лукашева, Л.И. Глухарёва, А.Д. Урсул,

М.И. Абдулаев, В.В. Гаврилов, В.А. Карташкин, В.В. Сокурено, М.М. Пурей, В.В. Тихий, О.А. Верланова, Д.А. Гудыма и др. Большой вклад в развитие политологии прав человека внесли исследования доктора политических наук С.И. Глушковой, доктора политических наук А.Ю. Сунгурова, кандидата политических наук В.Н. Меркушева, кандидата политических наук А.С. Карцова.

Вопросы значения прав человека и их универсальности нашли свое отражение в трудах российских и украинских политологов, историков, юристов: Г.А. Арбатова, Э.Т. Агаева, В.А. Василенко, В.И. Бахмина, А.М. Величко, Н.В. Захаровой, С.А. Крылова, В.Я. Суворова и др. Особый интерес представляют также работы, в которых рассматривается исламский подход к вопросам прав человека, таких авторов, как Л.Р. Сюкияйнен, Н.В. Жданов, Д.К. Елоева, Г.А. Шульга и др.

Проблема соотношения отдельных принципов Устава ООН, в частности, права на самоопределение, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, государственного суверенитета, а также прав меньшинств, исследовалась многими учеными, такими как А.Х. Абашидзе, Ю.Г. Барсегов, В.А. Ачкасов, С.Г. Еремеев, С.А. Ланцов, П.П. Муцкий и др. Анализ проблемы миротворчества, а также вопрос допустимости «гуманитарной интервенции» и использования силы во имя защиты прав человека, содержатся в работах Г.С. Хван, Т.В. Бордачева, Ю.П. Давыдова, Е.С. Кузнецовой, И.И. Лукашука, Г.И. Морозова и др. Вопросы прав человека и проблемы терроризма рассматриваются в работах и ряде публикаций таких авторов, как А.Л. Адамишин, А.В. Змеевский, Г.Е. Лукьянцев, В.В. Маргелов, А.Е. Сафонов и др. Права человека как фактор устойчивого развития гражданского общества, политической стабильности рассмотрен в работах российских и украинских политологов С.А. Шулепова, О.В. Стоговой, В.М. Спивака, С.Г. Прутько, И.Б. Киянко, Б.Г. Макаренко и др.

Исследования в области прав человека в Республике Беларусь имеют довольно непродолжительную историю. Тем не менее, уже накоплен значительный опыт в исследовании отдельных аспектов прав человека. Комплексные исследования различных аспектов прав человека проведены рядом отечественных учёных: членом-корреспондентом НАН Беларуси, доктором философских наук профессором Л.Ф. Евменовым, академиком Национальной Академии Наук Беларуси, доктором философских наук Е.М. Бобосовым, профессором А.Д. Гусевым, кандидатом политических наук С.И. Симановским, членом-корреспондентом НАН Беларуси доктором юридических наук В.Г. Тихиней, членом-корреспондентом НАН Беларуси доктором юридических наук, профессором В.И. Семеновым, доктором исторических наук, профессором А.А. Розановым, доктором исторических наук В.А. Божановым и др. Большой вклад в развитие теории прав человека в политической науке сделан доктором политических наук Ю.И. Малевич. В своих работах она обосновывает значимость интерцивилизационного подхода для успешной реализации концепции универсализма прав человека в процессе глобализации мировой политики.

Профессор политологии И.И. Котляр рассматривает права человека как феномен мировой культуры и цивилизации. Доктор социологических наук Н.Н. Беякович указывает на необходимость создания новой концепции прав человека «как биосоциального и активно действующего существа» [5, с. 95]. Отдельные стороны теории прав человека отражены в работах таких белорусских правоведов, как Г.А. Василевич, А.В. Шавцова, Л.В. Павлова, В.Н. Кивель, С.А. Балашенко и др. Кроме того в Республике Беларусь выпущено большое количество учебной и учебно-методической литературы в области прав человека. В отдельную группу работ по правам человека можно объединить труды правозащитников, обосновывающих в своих работах концепцию универсализма прав человека А.Д. Сахарова, А.Х. Саидова, Л.М. Алексеевой, В. Гавела и др.

Заклучение

Таким образом, большинство исследований теории прав человека носят междисциплинарный характер. Это объясняется тесной взаимосвязью социально-гуманитарных наук, занимающихся исследованиями в области прав человека. Данная категория рассматривается политологами в русле подходов политической философии, в рамках теории политических систем, теории политических режимов, теории международной политики и международных отношений, теорий геополитики и глобализации и др. Назрела необходимость в интеграции и теоретическом обобщении всех этих подходов.

Права человека значимы для определения сущности и социального назначения государственной власти, понимания природы современного государства и гражданского общества, государственной идеологии. Важно понять механизмы взаимодействия элементов политической системы с правами человека, найти и объяснить причины эффективности/неэффективности их совместного осуществления в политической действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроций, Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. – М. : Ландомир, 1994. – 868 с.
2. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т.3 – 668 с.
3. Ленин, В.И. Полное избрание сочинений / В.И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1970. – Т. 44. – 725 с.
4. Доннелли, Дж. Права человека: основополагающие принципы / Дж. Доннелли. – Vienna, 1996. – 50 с.
5. Белякович, Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н.Н. Белякович. – Минск : Амалфея, 2009. – 412 с.

Severin E.N. Theoretical and Methodological Bases of Researches of Human Rights

In the article the process of formation and development of the theory of human rights is shown, methodological bases of research. Is given in modern political science there is a process of formation of subdiscipline «Political science of human rights». Nowadays the political knowledge in the sphere of human rights is sharply necessary to the expert of any profile, because it is an essential element of searching of the most rational and effective forms and management methods in the sphere of international relations and internal policy. Today the recognition of human rights as the major sphere of people living gets not only philosophical, but also particularly scientific form.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.05.2011

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

Расширение функций современного туризма является результатом роста его экономического значения. В условиях постсовременного развития мира возникают все новые, искусственно создаваемые туристические потребности. И именно они во все большей степени влияют на характер путешествий, поведение туристов, а также в значительной степени определяют направления развития туризма на ближайшие десятилетия. Обращение к этой проблеме вводит нас в потребительское пространство, рыночная функция которого основана на стимулировании потребностей в определенных благах и услугах, в том числе туристических. Объем и структура туристического потребления зависит от многих ранее уже оговаривавшихся факторов, в частности, от дохода, уровня цен, стиля жизни больших групп социально-экономических общностей, т.е. от факторов, характеризующихся незначительной динамикой.

В настоящее время в условиях глобального туризма категории дохода, уровня цен, стиля жизни людей сталкиваются с быстро растущим предложением туристических продуктов. На этом фоне важную роль приобретает знание о потребительском поведении, которое формирует множество социальных, экономических, культурных и психологических факторов. Модели поведения потребителей туристических услуг описывают процессы принятия решения, связанного с путешествием или покупкой определенного туристического продукта. Особенно значимой при этом оказывается начальная фаза, во время которой потребитель под влиянием информации о достоинствах предлагающегося продукта переходит к активному или пассивному состоянию. Именно на данном этапе, характеризующимся кристаллизацией мотивации путешествия, наблюдается также наибольшая открытость на формирование туристической потребности.

Исследования поведения потребителей туристических услуг свидетельствуют о том, что решающую роль здесь играют маркетинговые действия, т.е. умелое использование на рынке определенного набора действий, связывающих в единое целое различные маркетинговые инструменты, используемые туристическими предприятиями, и туристические пространства. Их основной целью является динамика туристического спроса.

Необходимость интенсификации таких действий обусловлена ак вышеупомянутым расширением палитры туристических продуктов, так и спецификой ее отдельных черт. В принципе, предложение является относительно жестким, т.е. его нельзя свободно приспособлять к перманентно меняющимся требованиям спроса. Это является одной из самых важных предпосылок формирования относительно стабильного спроса. Другой причиной является отмечаемая в сфере обслуживания туристического движения значительная зависимость экономических результатов от уровня использования потенциала, что, в свою очередь, с одной стороны, требует мощного воздействия на спрос, а, с другой стороны, стимулирует создание широко расстроенной и корректно функционирующей системы дистрибуции туристических продуктов и услуг.

Под влиянием разнородных рыночных факторов и тенденций, а также более широких феноменов и процессов, происходящих в современном мире, формируется потребительская модель туризма, основными чертами которой являются следующие:

1. Повсеместно отмечаемая растущая роль туризма во всех сферах экономики: производства благ и услуг, распределения, обмена и потребления.
2. Стремление различных субъектов туристического сектора (организаторов туризма, перевозчиков, отельеров и пр.) к максимальному росту экономической поль-

зы, прибылей и расширению рынка обслуживания туристического движения.

3. Перманентно растущее воздействие на туристический сектор таких новых факторов, ранее имевших незначительное влияние, как, например, демографических, экологических, технологических.

4. Постоянное включение в рыночную конкурентную борьбу в секторе туристических услуг новых регионов с невиданными ранее туристическими благами и с соответствующим уровнем развития туристической инфраструктуры.

5. Прогрессирующая коммерциализация совершения путешествий, ведущая к таким последствиям, как, например, стандартизация услуг для массового клиента или, наоборот, диверсификация предложения туристических услуг для эксклюзивных путешественников.

6. Ограничение влияния феномена сезонности путем развития круглогодичных форм туризма, а также путем значительного изменения цен (до и после сезона, концепции и last minute, причем покупка туров first minute оказывается наиболее удобной формой их резервирования).

7. Широкая пропаганда и расширение традиционной модели отдыха за счет использования различных форм активного проведения отпуска или свободного времени.

8. Конкуренция на рынке путем предоставления качественных туристических услуг, предложения фирменных и эксклюзивных туристических продуктов.

9. Прогрессирующая специализация в организации и дистрибуции туристических услуг с одновременным ограничением групповых выездов и ростом числа выездов индивидуальных.

10. Растущие финансовые расходы на маркетинг туристических услуг и территориальный маркетинг.

11. Формирование, в том числе с широким использованием средств массовой информации, узких, простых и типично потребительских ожиданий клиентов как результат стандартизации части туристических предложений.

12. Рост числа ежегодных поездок (в среднем 3-4 раза в год) за счет сокращения их длительности (с 20 дней до 7-8 дней, реже до 15 дней в случае курортного отдыха).

В этой модели следует обратить внимание на формирование и развитие новых туристических потребностей, поскольку это направление может наиболее успешно воздействовать на увеличение спроса и создавать условия для развития туризма XXI в.

В современном туристическом движении уже нашло применение богатое наследие теории и практики маркетинга. Это проявляется, в частности, в деятельности туристических организаций, а также функционировании привлекательных, с точки зрения туризма, регионов и достопримечательностей. Среди четырех маркетинговых инструментов (продукт, цена, дистрибуция, коммуникационный комплекс) в сфере туризма особое внимание следует уделить двум последним, поскольку они имеют ключевое значение для формирования туристических потребностей и реакции на них потенциальных туристов.

С определенной степенью упрощения под дистрибуцией в туризме понимаются способы размещения туристических продуктов на рынке с целью их приближения к потенциальным покупателям. На современном уровне развития рынка каналы дистрибуции достаточно сформированы и подразделяются на непосредственные и косвенные. Следует отметить, что на этом пространстве сокращается в прошлом исключительно важная роль туристических бюро и туристических агентств, но в то же время возрастает роль Интернета и создаваемых на его основе решений, позволяющих резервировать и покупать все более широкую гамму расширенных и простых туристических продуктов в условиях реального времени (onlin). При этом на современном потребительском рынке сектор туристических услуг отличается высоким уровнем абсорбции (поглоще-

ния) систем продаж, использующих новейшие компьютерные технологии. Именно они за счет своей конкурентной стоимости, мобильности и богатого спектра туристических предложений определяют расширение участия в индивидуально организованных путешествиях. При этом на таком рынке чаще всего приобретаются не только пэкидж-туры, но и отдельные услуги.

Вышесказанное подтверждается исследованиями, респондентами которых выступали пользователи Интернета. В настоящее время во всем мире растет число online-продаж туристических услуг и роль этого инструмента в презентации туристических продуктов и туристических пространств. Маркетинговый инструмент, каковым является прежде всего коммуникационный комплекс, призван формировать у потенциальных клиентов потребность приобретения предлагаемой услуги и регулировать спрос на существующие предложения, а также обеспечивать потенциальных покупателей (в данном случае туристических продуктов) необходимой информацией. Этот инструмент состоит из целого ряда элементов. К числу основных можно отнести внутренние и международные туристические ярмарки, рекламирующие широкий спектр туристических услуг и создающие условия для заключения контрактов как для крупных туристических операторов, так и для конкретных туристов, создание и широкий показ видеороликов, рекламирующих достопримечательности отдельных привлекательных с туристической точки зрения регионов, стран и местностей, издание туристической литературы, каталогов, туристических путеводителей. В их число можно также включить презентации, рекламные кампании, рекламу в СМИ, public relations, рекламные туры и иные действия, адресованные субъектам туристической деятельности или непосредственным покупателям. Их целью является создание наиболее привлекательного имиджа продавца услуг или позитивного образа туристического пространства, предлагаемого для туристического посещения.

Формирование новых продуктов, а также развитие новых форм и видов туризма, предложение новых туристических пространств не может не влиять на формирование и расширение еще больших туристических потребностей. Это предусмотрено самой логикой развития туристической экономики, рыночных процессов, туристического движения. При этом мы имеем дело не только с использованием различных стереотипов, но также и их ломкой. Следует обратить внимание на то, что часто туристические продукты содержат значительное количество элементов, созданных исключительно для использования туристами (например, некоторые туристические достопримечательности и туристические пространства).

Для демонстрации масштаба действий, связанных с формированием туристических потребностей, а тем самым демонстрации важности данного феномена, была предпринята попытка подсчета расходов, связанных с представлением туристических продуктов и туристических пространств в мировом масштабе. Оказалось, что это исключительно трудная задача в виду огромного количества субъектов туристической деятельности и разнообразия используемых маркетинговых инструментов. Тем не менее, во внимание были приняты усредненные маркетинговые бюджеты организации коммуникационных комплексов стран и регионов. Так, подсчитанная стоимость может составлять в общем масштабе примерно 65 миллиардов в год, что является огромной суммой, которая составляет почти 1 % оборотов, связанных с путешествиями. Согласно последним данным Всемирного совета путешествий и туризма ВТТК они составили в 2009 году 7 миллиардов долларов США.

Пропагандируемая в массовом туризме потребительская модель, предлагаемая самыми крупными концернами и тиражирующаяся большинством организаторов туристического движения, порождает «синдром бунтующего туриста». Его предпочтения кажутся однозначными, поскольку потребление рейсов и пребывания на Багамских

островах, отдыха в эксклюзивных отелях на Сейшельских островах и курортах испанского Коста дель Соль не каждому туристически активному потребителю кажутся привлекательными. Богатые общества, т.е. наиболее активные в экономическом и туристическом смысле, уже вошли в стадию туристического постпотребления. Это означает, что потребление тех или иных туристических услуг уже не является целью самой в себе, а лишь средством самореализации, удовлетворения высших потребностей, в иерархии которых туризм и связанные с ним эстетические впечатления, рекреационные, познавательные и прочие возможности, занимают высшие позиции.

В поиске ответа на вопрос «к чему стремится турист постпотребительской эры?» наверняка можно утверждать, что он избегает традиционных предложений организаторов путешествий, к числу которых можно отнести настоящих акул туристического рынка, ежегодно обслуживающих несколько миллионов туристов. И это с условием того, что у туроператоров есть по-настоящему привлекательные продукты, самые модные предложения, комплексы услуг в виде стандартных пакетов, характеризующихся отличной организацией, комплексностью, гарантией удобств, высоких стандартов обслуживания. Эта традиционная модель массового туризма, называемая 3×S (с англ. солнце, море, снежные вершины) как важные составные части программ туристических выездов, являющиеся источником эмоций, чувств, развлечения и игры.

В контексте таких перемен, которые отчетливо просматриваются в настоящее время, будущее не только туристических бюро, но и всего туристического движения будет зависеть от того, насколько лежащие рядом анклавные территории также смогут предложить туристам разнообразные туристические пространства и достопримечательности. Взбунтовавшийся турист ищет предложений явно отличающихся, соответствующих его интересам, в том числе связанным с культурой и искусством. Так, в настоящее время налицо распространение так называемого культурного туризма, когда множество людей выкупают поездки на проходящие где-то театральные и кинофестивали, театральные премьеры, открытие выставок в знаменитых музеях, инаугурации, спортивные состязания и т.п. Есть туристы, увлекающиеся локальными туристическими продуктами, создаваемыми на основе таких достопримечательностей, как священные места и религиозные торжества, уникальные природные явления (например, «белые» ночи), ценные памятники старины, фольклор и приключения. Есть также туристы, избегающие туристических и городских центров. В то же время они любят бродить с рюкзаком на плечах и забираться в самые отдаленные уголки, глухие места, чувствовать себя первооткрывателями. Таких мест сегодня на планете становится все меньше, мир внезапно сжимается и уже не столько важны сами места, сколько то, чем мы в них занимаемся. Подобные туристические предложения направлены, прежде всего, на индивидуальных туристов или на их небольшие группы.

В связи с вышесказанным следует отметить, что желание отправиться в неизвестное, открытие новых путей частично может являться проявлением снобизма, но часть туристов не хочет уже тратить деньги только для того, чтобы их тратить. Во всем мире в последнее время растет число желающих самостоятельно совершать многодневные походы и таким образом познавать мир (трэмпинг туризм) с его радостями и недостатками, заниматься экстремальным туризмом. Это альтернативное движение в туризме находит поддержку в новом типе путешествий, называемых индивидуальным туризмом. Наибольшую поддержку индивидуальный туризм находит среди людей молодых и активных. Этому сопутствуют такие современные факторы, как большая доступность самолетных перелетов, а также значительная активность стран и регионов в создании нетрадиционных туристических продуктов, требующих туристической активности и учитывающих исторические, природные, культурные и традиционные различия. Важнейшую роль в индивидуализации путешествий играет простой доступ всех предложений и информация о них в Интернете.

Эволюцию и трансформацию туризма можно признать одним из самых интересных процессов современности. При этом стоит помнить о том, что под туризмом мы понимаем исключительно широкий спектр перемещений – от индивидуального путешествия в неизвестное, до переформирования целых регионов, живущих туризмом.

Множество социально-экономических преобразований, произошедших в прошлом столетии, явились фундаментом высокого статуса туристического сектора на глобальном рынке. Растущий спрос на удовлетворение различных постоянно меняющихся потребностей современного потребителя, будучи результатом растущего богатства развитых обществ, стимулировал возникновение широкого спектра услуг, связанных с обслуживанием различных групп, участвующих в туристическом движении.

Туристический сектор глобального рынка изменился под влиянием таких факторов, как изменение стиля жизни больших социальных групп, рост уровня образования, растущая роль СМИ, развитие и связанное с удешевлением транспортного сектора экономики, невиданная прежде мобильность, проявляющаяся во всех сферах человеческой активности. Эти факторы явились и по-прежнему продолжают оставаться причиной массового роста спроса на туристические блага, что также является основой инвестиций в этот сектор в невиданных прежде масштабах. Позитивным воздействием туризма оказалось то, что в его обслуживании принимает участие огромное количество людей, которое будет расти. Все более часто совершаются дальние путешествия, растет массовый туризм, который проникает в самые удаленные части мира, даже труднодоступные и заброшенные. Это представляется фактором, который может в качестве ведущих определять формирование современного мира и его будущий облик. Туризм привносит в мир много важных ценностей, который не сразу вызывают значительные реакции или перемены, но формируют личность человека, способного жить в глобализирующемся мире, в котором следует приобретать такие, например, компетенции, как толерантность и понимание других людей, людей иной национальности, расы, культуры.

Несомненно, туризм XXI в. станет феноменом еще большего масштаба. Частично потому, что рынок туристических потребительских предложений еще не насыщен. Модель постоянного потребления является источником прерывен туристического потребления и развития туристизма (тяги к прекрасному, отдыху). Уже сегодня есть основания говорить о макдональдизации туризма, располагающемся на противоположном полюсе оговоренной выше туристической активности. Социокультурные изменения, происходящие в сфере туризма, нашли свое отражение в творчестве одного из самых известных социологов современности, автора теории макдональдизации общества Джорджа Ритцера. Он обращает внимание на то, что люди склонны потреблять товары и услуги, связанные с развлечением, в той же мере, что море и солнце. Именно поэтому в Канаде главной достопримечательностью является отнюдь не Ниагарский водопад, а универмаг «Эдмонтон Мол». Вокруг туристических достопримечательностей строятся огромные торгово-развлекательные комплексы, призванные удовлетворять прихоти потребителей, в том числе связанные с их туристической активностью, являющиеся не только самым быстро растущим сегментом малого и среднего торгового бизнеса, но и индустрии туризма [1, с. 551]. Далее Дж. Ритцер пишет: «В этом контексте также стоит упомянуть круизные лайнеры, которые, что кажется неправдоподобным, имеют универмаги на борту и превращают встречающиеся на маршруте острова в немногим больше, чем местные универмаги. Бывают даже круизы, целиком посвященные покупкам, где основной упор делается на бортовые магазины, каталоги и набеги на магазины в отдельных портах. Несмотря на многочисленные попытки по возврату им привлекательности, новые туристические потребности сталкиваются с дилеммой. Каким бы способом они ни достигали этого, когда им удалось вновь приобрести очарование, они стали значительно более заманчивыми для потребителей и эффективными в привлечении их к потреблению. Проблема в том, что эти попытки обновления очарования с

самого начала могут быть рационализированы (или макдональдизированы). Даже если этого не происходит, новые потребности зачастую столь огромны и/или включают в себя такое количество ситуаций, что вынуждены рационализировать те аспекты, которые привлекают потребителей, а в процессе рационализации этих форм очарования они, по определению, развенчивают их. Могут ли рационализированные формы обновления очарования оставаться впечатляющими и привлекательными для потребителей? Могут ли соборы потребления непрерывно порождать новые, нерационализированные формы обновленного очарования? Время покажет; но сейчас ясно, что по своей сути новые потребности противоречивы, что, в конечном счете, может обернуться их гибелью» [1, с. 556].

Изменения туристической консумпции начала XXI в. во многом были обусловлены изменениями моделей потребления в целом. Так, увеличение средней продолжительности жизни привело к возникновению рынка третьего возраста, в том числе на рынке туристических услуг, поскольку пенсионеры обладают большим количеством свободного времени и значительными накоплениями. Следующим важным фактором явилось уменьшение числа домашних хозяйств. Уменьшение числа детей в семье также привело к модификации их роли значения в семье: ребенку либо посвящается исключительно много времени, либо наоборот предоставляется полная свобода, ребенок эмансипируется как независимый потребитель. Мощный сегмент молодых потребителей сложился и на рынке туристических услуг; сейчас там присутствуют крупные туроператоры, специализирующиеся на предоставлении туристического продукта детям и подросткам. Туристический рынок хоть и с опозданием, но все-таки отреагировал появлением отдельных этажей и ресторанных залов бизнес-леди, именно для них в туристической индустрии предлагаются туристические продукты типа *wellness*, *beauty* и т.п. Туристический рынок отреагировал также созданием отдельного сегмента на рост числа одиноких людей.

Туристическое потребление находится под исключительно сильным влиянием СМИ. Именно они создают моду, отмечают и широко рекламируют как престижные определенные места или страны (например, Тайланд) либо расширяют состояние общественных страхов и фрустрации. Так, например, информация о террористических актах в Египте, а также на острове Бали и в Бомбее надолго приостановили наплыв туристов в эти центры туристического посещения. Значительный спад туристического потока наблюдался также в египетском Шарм-Эль-Шейхе на переломе 2010–2011 гг. в результате растиражированных СМИ случаев нападения на людей акул-людоедов. Практически полностью это движение свернулось во второй половине января 2011 года в связи с революционными событиями сначала в Каире, а позже и во всей стране.

В последнее время отмечается рост большого числа услуг (сервизация), а также поиск впечатлений во время путешествия и туристического пребывания (дематериализация). Строительство так называемых вторых домов, покупка яхт или развитие *time sharing*, индивидуальное планирование и реализация многих туристических путешествий свидетельствуют о стремлении к децентрализации и приватности. Часть потребителей подвержена общему трену – отдыхать в самых модных местах в такой форме, как это принято у многих туристов (гомогенизация), но достаточно значительная часть ищет оригинальности, осаждая новые пространства и придумывая интересные формы рекреации (гетерогенизация).

Итак, анализ потребительской модели туризма позволяет сделать выводы о том, что все более полное насыщение потребностей приведет к тому, что туризм в XXI веке станет феноменом с еще большим масштабом массовости. Частично это произойдет также потому, что туристической активностью будет объят больший процент постоянно растущей человеческой популяции. Не только индивидуальный, но и массовый туризм достигнет всех регионов мира и к международному туристическому обмену подключатся новые страны и регионы, что приведет к позитивным изменениям в странственной конструкции туристического сектора глобального рынка.

Большую роль в этом процессе предстоит сыграть транспорту, все виды которого переживают в настоящее время важный этап своего развития и прогресса. Во всех видах транспорта налицо стремление к достижению более высоких эксплуатационных показателей – дальности, скорости, потенциала заправки. Все это сказывается на снижении стоимости транспортных перевозок, а значит и стоимости путешествий в целом, что, в свою очередь, позволяет подключать к занятиям туризмом социальные группы с невысоким уровнем доходов. Такой механизм, функционирующий уже достаточно длительное время, обеспечивает высокую динамику развития туристического сектора и позволяет также сформулировать оптимистический прогноз на ближайшие десятилетия.

Для международного туризма ключевое значение имеет развитие авиационного транспорта. В дальних перевозках прогресс связывается вводимыми в эксплуатацию самолетами Airbus A380 и Boeing 787 Dreamliner, а также планируемыми новыми моделями с еще более высокими эксплуатационными параметрами. Так, в развитых странах в региональных путешествиях дешевые авиаперевозки очень популярны и востребованы. Дорожный и железнодорожный транспорт, приспособлены для обеспечения лучших условий путешествия все большего числа людей. Предполагается также, что в массовом туризме большую, чем в настоящее время роль будут играть морские туристические рейсы. Экономический ранг сектора туризма, а также стремление к коммерциализации и получению высокой рентабельности от всех проявлений человеческой активности приводят к тому, что в настоящее время нами по-иному воспринимаются глубокие изменения, произошедшие с участием туризма на переломе XX и в XXI веков.

В то же время нельзя не отметить, что сегодня туризму приписываются роли, которые несли в себе слишком много деструктивных факторов, вызывавших рост дисфункций туризма. В формирование экономических задач туризма были ангажированы маркетинговые стратегии и тактики, поддержанные значительными финансовыми расходами – все это с целью стимулирования большого спроса на стандартный тип занятия туризмом. Именно поэтому постсовременная потребительская модель была поставлена под сомнение частью потребителей туристических услуг, а индивидуализация путешествия и частичный возврат к истокам, с данной точки зрения, является проявлением возвращения необходимого равновесия между различными течениями такого мощного феномена современной жизни, каковым является туризм. [2, с. 238].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.
2. Wysokiński, J. Między potrzebą naturalną a wykreowaną: turystyka i turysta w XXI wieku / J. Wysokiński // Humanistyczne aspekty sportu i turystyki. – Warszawa. – 232 s.

Yakovuk T.I. Consumer Model of Contemporary Tourism

The enlargement of the functions of contemporary tourism is caused by the increase of its economic importance. In the conditions of post-contemporary development of the world new, artificially created tourist needs occur. And they are the main factor, which influences on the character of tourist trips, tourists' behavior and, to a large extent they precondition the directions of the development of tourism in the nearest decades. The analysis of this problem leads us to the consumer space, the market function of this space is based on the stimulation of the needs and certain benefits and services, including tourist. The volume and structure of tourist product consumption depends on the numerous factors, which were mentioned before, in particular, on the level of income, level of prices, life-style of large group of social and economic communities, i.e. the factors, which are characterized by inconsiderable dynamics.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.04.2011

УДК 364.3 (438)

Эдвард Ярмох

ПРИЕМНЫЕ СЕМЬИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША: ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Рассмотрены проблемы функционирования приемных семей для детей, лишённых родительской опеки, как актуальная проблема социальной работы, виды и основные методы социальной помощи в Республике Польша. Анализируются основные причины социального сиротства: насилие и агрессия в семье и в школе, безработица и бедность. Приводится типология приёмных семей и особенности содержания и воспитания в них приёмных детей, их правовой статус, формы материальной помощи этим семьям; роль судов и территориальных социальных и административных органов в оказании помощи и контроля за деятельностью приёмных родителей и семей.

Семья является достоянием человеческого общества независимо от места и времени существования людей. Она является неперенным условием развития и измерением каждого человека, поэтому судьбы любого индивида связаны с ней так, как она, в свою очередь, связана с судьбами общества. Семья – это основной элемент общества, его наименьшая клеточка, создающая вместе с другими более широкие социальные общности. Семья, как и другие формы социального сосуществования, подчинена процессам, которые требуют своего специального научного рассмотрения, а также постоянной верификации существующих установок относительно сложной и динамически развивающейся социальной жизни. Можно согласиться, что отход от устоявшейся, традиционной модели семьи вписывается в модель изменяющегося общества, но следует заметить, что здесь речь идет преимущественно о форме её существования и функционирования. Дестандартизация семейного цикла особенно касается воспроизводящей и воспитательной роли семьи и, к сожалению, в последнее время приобретает состояние кризиса.

Забота о предоставлении помощи лицам, нуждающимся в ней, является мерой цивилизационного уровня и нашего, польского, и любого другого цивилизованного общества. Гарантирование надлежащего уровня жизни всех граждан, особенно лиц, нуждающихся в социальной помощи, является существенным элементом политики нашего государства, входящего в Европейский Союз. В последние годы Польша как составная часть этого сообщества, приводит свое законодательство в соответствие с законодательством Европейского Союза. Этот процесс в полной мере затронул гуманитарную составляющую жизни общества, в том числе стандарты социальной работы.

В соответствии с Резолюцией Совета Европы социальная работа интерпретируется как специфическая профессиональная деятельность, задачей которой является помощь в реализации взаимного приспособления людей, семей, групп и социальной среды, в которой они живут, и развитие чувства индивидуальной ценности через использование возможностей, присущих людям в их взаимоотношениях [1, с. 12].

В законе Республики Польша «О социальной помощи» 1990 года социальная работа определяется как «профессиональная деятельность, направленная на помощь людям и семьям в усилении или получении возможности функционирования в обществе и создании условий, содействующих этой цели» [2].

Из этих подходов к определению социальной помощи и работы следует, что в их рамках нуждающемуся должна оказываться помощь в решении жизненных проблем, а

также консультации: юридические, педагогические, экономические и психологические. Это прежде всего профессиональная помощь специалистов, которая охватывает как отдельные личности, так и целые семьи для обеспечения им возможности функционировать в обществе и создания для них соответствующих условий. Важнейшими формами социальной работы являются:

а) *спасение*: помощь нуждающимся в кризисных ситуациях, например, при наводнении, или организация ночлегов для бездомных;

б) *опека*: индивидуализированная форма нуждающимся, когда они сами не могут справиться с возникшими проблемами, например, с болезнью, последствиями пожара; помощь детям, оставшимся без опеки родителей и др.;

в) *помощь*: деятельность по поддержке нормального развития и существования людей, нуждающихся в условиях социальных угроз (например, создание клубов пенсионеров, социальная терапия по месту жительства, поддержка одиноко проживающих престарелых членов общества и др.);

г) *компенсация*: вид социальной помощи в преодолении и выравнивании условий существования и развития нуждающихся. Классическим примером этой формы помощи является приемная семья. Эта форма социальной помощи и является основной темой нашей статьи.

Целесообразно также обратить внимание на методы социальной работы. В Польше традиционно выделяют три основных метода:

1) *метод индивидуального случая* (применяется при оказании помощи отдельным индивидуумам как в решении их внутренних, субъективных проблем, так и внешних, касающихся их окружения, и соединяет в себе социальные и психологические элементы);

2) *метод работы с группой* (направлен на улучшение условий функционирования, смягчения и преодоления препятствий, затрудняющих коммуникации человека с другими людьми, на создание комфортной среды для жизни конкретной личности в группе);

3) *метод преобразования (переформирования) локальной среды* (направлен на локальное сообщество как целое (гмина, село, микрорайон и т.д.). Социальный работник координирует начинания отдельных людей и социальных групп по пропаганде планируемых мероприятий, по контролю, организации и оценке итогов этой деятельности, по созданию морального климата, здоровой среды, тесных эмоциональных и межлических отношений и т.п.).

Таким образом, социальная помощь как элемент общественной политики государства должна обеспечить отдельным людям и семьям возможности преодоления трудностей, обусловленных различными жизненными ситуациями, которые они не способны преодолеть самостоятельно [3, с. 703]. За организацию социальной помощи ответственны правительство и органы самоуправления в административных единицах. Они сотрудничают в решении проблем социальной помощи с общественными организациями, фондами, товариществами, работодателями, с Костелом и другими религиозными организациями, а также с юридическими и физическими лицами.

Социальная помощь оказывается прежде всего из общественных средств для отдельных людей и семей, которые не могут существовать самостоятельно или имеющих значительные затруднения в самостоятельном существовании. Эта помощь оказывается в различных видах и представляет собой финансовую, вещевую, помощь предприятий, различные виды услуг нуждающимся. В соответствии с упоминавшимся законом, она оказывается лицам и семьям в случаях: сиротства, бездомности, потребностей охраны материнства, безработицы, инвалидности, длительной болезни, бедности, затруднений в исполнении опеки и воспитания детей; трудностей в содержании домашнего хозяйства, в частности, в неполных или многодетных семьях; насилия в семье; трудностей в содержании людей, получивших статус беженца; трудностей, связанных с возвращени-

ем к нормальной жизни после отбытия наказания, связанного с лишением свободы; заболевания алкоголизмом и наркоманией; в состоянии кризиса и последствиях экологического или стихийного бедствия. Среди наиболее важных видов помощи, предусмотренных законом, значатся и опека в дневных домах социальной помощи, в специальных учреждениях опеки и в приемных семьях.

Прежде чем перейти к анализу этих видов социальной помощи в приемных семьях предварительно проанализируем основные причины, обострившие проблему возрастания количества детей, остающихся без родительской опеки. Хотя этот институт социальной помощи нуждающимся в настоящее время и переживает кризис, он сохраняет свою важную роль в социальной сфере общества. Мы считаем наиболее важными три проблемы, которые лежат в основе социальных процессов, обусловивших пристальное внимание к так называемым приемным семьям.

1. Мы должны обратить внимание на насилие и проявление агрессии в значительной части семей и в школе, что, к сожалению, становится все более устойчивым элементом нашей действительности.

2. Проанализируем важный аспект, который порождает деградацию личности и семьи, – безработицу. Начиная с девяностых годов прошлого века, безработица в Польше стала реальной проблемой для многих семей. Естественно, что отсутствие работы и ограниченные возможности нового трудоустройства влекут снижение семейных доходов, уровня жизни, дефицит в удовлетворении основных потребностей, рост задолженности и невыплату кредитов, снижение жизненных запросов и другие дисфункции в семейной жизни.

3. Прежде всего с безработицей связана и проблема распространения бедности. Она становится социальной проблемой, поскольку касается достаточно больших социальных групп и оказывает деструктивное влияние на социально-экономическое развитие страны.

К сожалению, проблемы, связанные с бедностью, нарастают, поскольку вследствие трансформации хозяйственной жизни возрастает разрыв в доходах различных социальных слоев польского общества. В настоящее время условия жизни многих социальных групп ухудшились [4, с. 47].

Насилие и агрессия в семье и в школе

Насилие – это явление, которое довольно распространено в обществе, встречается практически ежедневно в жизни людей. Часто насилие сопряжено с агрессией. И агрессия, и насилие – это явления, которые лица, их проявляющие, не осознают как таковые; более того, в их представлении агрессия и насилие часто трактуются как помощь и как эффективная техника или необходимые составляющие воспитания, поддерживающие авторитет этих личностей [5, с. 28]. Можно согласиться с точкой зрения, что насилие – это такое влияние на людей, в результате которого актуальный уровень их соматического и духовного развития оказывается более низким, чем потенциальный [6, с. 2]. Насилие – это всякие случайные или часто практикуемые действия, которые нарушают свободу личности, приносят физический или психический вред этой личности и которые выходят за пределы установленных в обществе норм межличностных контактов. Обычно различают две формы насилия: 1) насилие, реализованное эмоционально, экспрессивно с использованием физической силы; 2) насилие, реализованное с помощью доминанции психического, умственного воздействия, например, путем навязывания другой личности собственных взглядов, норм, оценок личности. В этой второй форме оно означает вербальную агрессию и сводится к требованию безусловного подчинения с помощью давления, ограничения свободы, т.е. это насилие, по существу, сводится к принуждению. Представляет интерес определение насилия в семье, принятое Советом Европы: это дей-

стве или бездействие со стороны одного члена семьи по отношению к другим членам семьи, которое угрожает их жизни, телесной и психической целостности, свободе или наносит серьезный вред развитию личностных качеств человека.

Как показывают современные социологические исследования, агрессия одного человека по отношению к другому, а также соответствующее поведение между социальными группами стали одной из наиболее распространенных характеристик современной жизни. Исследования, проведенные в Польше, показывают, что источниками агрессии по отношению к молодежи и к детям являются, прежде всего, семья и школа.

Процесс развития и подготовки ребенка к жизни в обществе, т.е. его социализация, проходит среди лиц, которые имеют наибольшее влияние на ребенка и прежде всего зависит от родителей. Систематические контакты с ними оказывают наиважнейшее влияние на ребенка; в нормальной семье родители являются для ребенка авторитетом, источником нравственных норм и оценок и образцом поведения в самых различных жизненных ситуациях. Социологические исследования показывают, что опыт, вынесенный ребенком из семейного дома, наряду с генетическими и физиологическими причинами, сохраняет свое влияние на человека и после достижения им зрелого возраста. Можно почти без сомнения утверждать, что большинство отклонений от нравственного поведения, формирование агрессивного поведения у взрослого человека почти полностью зависит от его предшествующего детского опыта, вынесенного из его семейной среды. Как показывают результаты эмпирических социологических исследований проф. М. Дырды, респонденты-ученики чаще всего указывают на следующие типы негативного поведения своих родителей: ссоры – 66 %, пьянство (злоупотребление спиртными напитками) – 12 %, абсолютное отсутствие общения с ними (молчание) – 22 % [7, с. 11].

А. Бжезиньска, обобщая исследования, проводимые многими авторами, подчеркивает, что около 65 % семей используют по отношению к своим детям методы физического насилия [8, с. 119]. В одной трети этих семей, такое насилие над детьми происходит чаще, чем 5 раз в течение года. При этом большинство физических наказаний приходится на первые 10 лет жизни ребенка (55 %).

К сожалению, агрессивное поведение затронуло и, казалось бы, достаточно подготовленную теоретически социальную группу, которой являются учителя. Так, эмпирическое исследование 120 учащихся и 112 учителей школ г. Седльце выявило проявление агрессии как среди учащихся, так среди учителей.

1. Учителя отметили следующие наиболее распространенные среди учащихся проявления агрессивного поведения:

- а) мешают в проведении урока – 83 % учителей-женщин и 68 % мужчин;
- б) отказ от выполнения задания – 53 % и 42 % соответственно;
- в) обманы – 3,6 % и 6,7 %;
- г) порча школьного оборудования (или имущества учителей) – 3,6 % и 20 %;
- д) несоблюдение формы обращения – 53 % и 42 %.

2. В свою очередь учащиеся среди агрессивных проявлений поведения учителей назвали следующие:

- а) говорит повышенным тоном – 53 % учителей-женщин и 42 % учителей-мужчин;
- б) необъективно и несправедливо ставит оценки – 53 % и 61 % соответственно;
- в) высмеивал, несправедливо насмеялся – 32 % и 23 %;
- г) угрожал – 13 % и 8,5 %;
- д) употреблял вульгарные, обидные оценки и слова – 8 % и 6,3 %;
- е) удалял из класса – 9 % и 8 % [7, с. 13–15].

По мнению специалистов, наказание провоцирует страх и стремление к реваншу; ребенок учится агрессии и насилию, он чувствует себя одиноким, изолированным от родителей. Кроме того, такие дети становятся чрезмерно чувствительными, возбуж-

денными и активными в ситуациях, которые этого не требуют, они не умеют держать дистанцию по отношению к другим людям, испытывают трудности в общении и характеризуются неадекватными изменениями в поведении.

У ребенка, по отношению к которому систематически совершаются агрессия и насилие, по существу остается только два выхода из ситуации:

1) попытаться вызвать сочувствие и сострадание у родителей (ребенок не сопротивляется насилию, собирается «в клубок», демонстрирует полное согласие и подчинение, чаще всего только кажущиеся);

2) попытаться избежать постоянной агрессии и насилия (ребенок использует для этого самый простой для себя способ – бегство из семьи, из дома. В этом случае ребенок становится объектом и субъектом социальной помощи вплоть до направления его в соответствии с законной процедурой в приемную семью или специальное учреждение).

Безработица

Исследования польскими учеными различных проблем, связанных с безработицей, в частности, последствий этого социального явления, направлены на изучение демографической структуры безработных и ее изменений во времени; на анализ особенностей поведения безработных, их потребности и условия жизни; на выявление влияния безработицы на функционирование семей, на локальную среду и местный рынок труда; на изучение функционирования учреждений, призванных решать проблемы безработицы и оказывать помощь безработным; на исследование формирования и содержания стереотипов безработицы и безработных среди работодателей; на определение роли профсоюзных и политических организаций; на оценку материальных последствий безработицы в микросоциальной среде и пр.

Очень важным следствием состояния безработного, лишенного возможности работать, являются осознание невозможности обеспечить достойную жизнь для семьи, обеспечить детям необходимые материальные условия, что сказывается негативно на процессе их воспитания в семье. Семья может существовать практически только благодаря труду, кроме того, семья – это первая школа для детей в понимании роли труда для каждого человека. Негативные последствия безработицы касаются не только безработных, но и работающих людей: они порождают состояние страха потерять работу, снижения стандартов жизни, провоцирует снижение его социальной активности на производстве.

Отметим еще одну возможную негативную особенность трудовой деятельности человека. Это несправедливая оплата его труда, которая является угрозой его достоинству. От уровня отплаты труда зависят, в частности, возможность создания семьи, обеспечения ее будущего, наконец, это своего рода критерий справедливости общества и государства. Безработица и несправедливая оплата труда ведут не только к деформации семьи, но часто являются причинами ее распада, появления неполных семей с детьми.

Причиной безработицы в Польше стала возникшая в девяностых годах XX века рецессия производства, которая была вызвана нарастающими явлениями международного финансового экономического кризиса, а также трансформацией политической, экономической, хозяйственной и культурной жизни общества. Так, например, по состоянию на 2003 год в г. Бяла Подляска из 57,8 тысяч жителей, примерно 38 тыс. были в продуктивном возрасте; согласно бюллетеню информации властей города, безработица составила 20,6 % [9, с. 117]. В целом по Польше безработица является очень важной причиной, порождающей кризисные состояния в семьях и, хотя они постепенно снижаются, все же остается еще весьма значительной и охватывает более 10 % трудоспособного населения страны.

Безработные родители из-за невозможности удовлетворения материальных потребностей своих детей часто весьма толерантны к их поведению, в том числе девиантному, то есть отклоняющемуся от социальных, правовых норм. Дети, в свою очередь, пользуясь отсутствием контроля и противодействия со стороны родителей неправильному поведению, чувствуют себя свободными от следования нравственным нормам и общественным ценностям, что способствует их приобщению к асоциальным группировкам панков, скинов и пр.

Бедность

Бедность – один из наиболее значимых показателей патологии социальной жизни. Она увеличивает дистанцию между людьми, различными социальными слоями в обществе, часто вызывает невозможность удовлетворения даже минимальных потребностей человека. Она характеризуется тремя измерениями: экономическим, социально-психологическим и политическим, – которые дополняются и зависят друг от друга. Так, в измерении экономическом бедность означает финансовое неравенство членов общества; в социально-психологическом – означает неравенство в возможностях доступа к различным благам в области быта, коммуникации, отдыха и т.д.; в политическом – означает неравенство людей в доступе к власти, вернее к работе в её аппарате. Бедность – это такое состояние человека или семьи, которое заключается в том, что она находится ниже определенного, изменяющегося во времени уровня доходов (т.н. черты бедности) или уровня реализации потребностей человека, семьи или социальной группы. Так, международная статистика выделяет понятие абсолютной бедности, к которой относятся люди, которые могут использовать на свое содержание денежную сумму эквивалентную одному доллару США (в Польше этот уровень абсолютной бедности составляет 2,5 доллара США и ниже).

Среди причин бедности польские исследователи выделяют неудовлетворительные социальные условия семьи (низкое социальное происхождение, невысокую профессиональную квалификацию и недостаточный уровень образования, минимальный уровень доходов, сложные жилищные условия). Причиной бедности становятся также алкоголизм отдельных членов семьи, инвалидность, многодетность, низкая трудовая активность, невысокий уровень получаемой пенсии, а также нахождение в привычной для индивида субкультуре бедных людей [10].

В Польше бедность чаще всего является следствием безработицы. Из исследований, проведенных Главным статистическим управлением Польши в 2002 г. следует, что среди домашних хозяйств, в составе которых находится хотя бы один безработный, степень крайней бедности составляет около 23 %, в то время как в семьях, в которых нет безработных этот показатель – 8 %. В самой трудной ситуации находятся семьи, получающие пособия по безработице, что является основным средством для существования: уровень абсолютной бедности в таких семьях составляет около 34 %.

Среди лиц старше 65 лет каждый тринадцатый (почти 7,7 %) находится в состоянии абсолютной бедности. Большинство из них проживают в сельской местности. При этом в крупных городах с населением более 500 тыс. жителей их насчитывалось 2,5 %, в то время как в малых городах с населением менее 20 тыс. их было 11 %. В целом в сельской местности на границе бедности, на уровне минимального существования, жили 17 % населения.

В последние годы в Польше растет как число бедных людей, так и масштаб этой бедности. Лица, живущие ниже уровня черты бедности, составляли в 1998 г. 5,6 % населения, в 2002 г. – 11,1 %, в 2004 г. – 11,8 %. Недостаток доходов для выхода из такого состояния у лиц этой категории составил соответственно по годам 16 %, 20 % и 21 %. При этом такие негативные характеристики наблюдались на фоне общего улучшения

материального положения поляков, повышения их доходов. Это свидетельствует о росте разрыва между доходами и уровнем потребления в польском обществе.

Типология приемных семей в Польше

Впервые в независимой Польше проблема опеки над ребенком нашла отражение в Конституции от 17 марта 1921 г. В статье 103 Конституции говорилось, что дети, недостаточно обеспеченные родительской опекой, запущенные в плане воспитания, имеют право на опеку и помощь государства. Предусматривалось даже лишение родителей, не оказывающих достаточного внимания опеке над детьми, родительских прав на основе судебного решения.

В межвоенный и военный периоды детей, как и прежде, передавали чаще всего в сельские семьи, где их использовали на работе в поле. Приемные родители в большинстве случаев не заботились о здоровье и образовании своих подопечных. В послевоенные годы, вплоть до начала семидесятых годов, институт приемных семей переживал кризис. Семьи, воспитывавшие приемных детей, получали от государства мизерную помощь. Принятые в 1974 и 1979 гг. правовые акты уже более комплексно регулировали как требования к приемным семьям, так и размеры выделяемой им помощи со стороны государства.

В 1980–1990-е гг. происходило дальнейшее развитие указанного института. В результате приемная семья была официально признана и высоко оценена. Стало очевидным, что в ситуациях, когда ребенок не может воспитываться в своей родной семье его биологическими родителями, лучшим выходом является обеспечение ему родительской опеки со стороны приемных родителей.

В целом можно сказать, что приемная семья – это такая семья, которая обеспечивает опеку и воспитание ребенка, лишенного полностью или частично опеки естественных родителей. В энциклопедических изданиях можно найти и такую дефиницию: приемная семья является формой опеки над малолетним ребенком, биологические родители которого неизвестны, или лишены родительских прав, или же ограничены в этих правах. Однако считалось узаконенным, что нельзя ввести ребенка в приемную семью, если хотя бы один из родителей имеет на него полные права.

Приемная семья является временной формой опеки над ребенком, установленной решением суда, в случае появления кратковременной или постоянной помехи в деле осуществления опеки над ребенком со стороны его естественных родителей или когда ребенок (с точки зрения его блага) не может оставаться в своей семейной среде, а все прочие формы помощи биологической семье не гарантируют требуемого качества положения ребенка в этой семье.

Ребенок, принятый в семью, не становится в соответствии с законом ребенком этой семьи; здесь, следовательно, не возникает обязанностей, связанных с алиментами или касающихся наследования имущества (ни опекунов в отношении ребенка, ни ребенка в отношении опекунов). Семейное положение ребенка тоже не подлежит изменению. Приемная семья не получает полных родительских прав.

Среди приемных семей в условиях Польши можно выделить следующие типы:

1. Приемные семьи, состоящие в родстве с опекаемым ребенком. Это такие семьи, в которых опеку над ребенком и его воспитание осуществляют близкие родственники ребенка, например, бабушки, дедушки, дяди и тети, а также старшие братья и сестры.

2. Приемные семьи, не состоящие в родстве с опекаемым ребенком. Это такие семьи, которые не являются родственниками этого ребенка. Приемные родители в таких семьях получают вознаграждение за работу с детьми, лишенными родительского попечения. Их еще определяют как профессиональные приемные семьи, среди которых выделяют, в свою очередь, следующие виды:

а) многодетные приемные семьи, в которых вместе с их родными детьми воспитываются одновременно не менее трех и не более шести приемных детей. В случае особой необходимости, например, при приеме нескольких приемных родных братьев и сестер, указанное число детей может увеличиваться;

б) специализированные приемные семьи, в которых опека осуществляется над социально неприспособленными детьми, имеющими определенные психофизические дисфункции, проблемы со здоровьем и т.д., т.е. такими детьми, которые требуют особого внимания и ухода. В таких семьях может находиться одновременно не более трех приемных детей;

в) приемные семьи, которые создаются для оказания временной родительской помощи и опеки над детьми на относительно кратковременный период (как правило, не более трех месяцев), необходимый для улаживания жизненных условий ребенка. Этот срок устанавливается, как правило, не более 12 месяцев, но в отдельных обоснованных ситуациях он может быть продлен еще на три месяца. В этих семьях приемные родители тоже получают вознаграждение за работу. Особенностью приемных семей этого типа является то, что она не может отказаться от приема под свою опеку ребенка в возрасте до 10 лет, если он был доставлен в эту семью полицией.

3. Семейные дома ребенка. Это своеобразные учреждения семейного типа, которые обычно организуются супругами, специально подготовленными для выполнения функций приемных родителей и получившими соответствующую квалификацию. Как правило, в таких семьях под опекой находятся от четырех до восьми детей, оставшихся без опеки биологических родителей. В практике Польши различают два вида этих семейных домов. Первый вид – это отдельные семейные дома в городе или в деревне или квартиры в многоквартирных домах. Другой вид представляет собой группу таких семейных домов, объединенных в общий жилой массив, который называется детской деревней. В такие семейные дома направляются дети разного возраста, особенно кровные братья и сестры, а также дети старшего возраста, не достигшие совершеннолетия, для которых трудно найти усыновляющую или обычную приемную семью.

4. Все более широкое распространение получают в Польше так называемые дружественные семьи. Это такие семьи, которые принимают детей, лишенных родительской опеки и воспитывающихся в домах ребенка, на время праздников, рождественских или пасхальных дней, на время каникул и пр. Часто эти семьи не ограничиваются такой разовой акцией, а продолжают контактировать с ребенком, помогают ему в решении жизненных вопросов. Такая дружественная семья может становиться для такого ребенка приемной, а порой эта семья усыновляет ребенка.

Приемные семьи как форма правовой опеки над ребенком

Профессиональная социальная служба подчиняется в настоящее время Министерству труда и социальной политики, но в исполнительной области и организационно она связана с выборными региональными органами власти и соответствующими администрациями. Центры социальной помощи, созданные при них, изучают потребности в приемных семьях, а также в других видах опеки над детьми, анализируют их и вносят предложения в местные органы власти о выделении средств на необходимую помощь.

До 1999 г. приемные семьи относились к системе просвещения. В результате системных перемен, происходящих в польском обществе и государстве, опека над ребенком и семьей стала интегральной частью широкой системы социальной помощи. Гмина, которая является первичной административной единицей в Польше, обеспечивает основные потребности семей и детей, проживающих на ее территории; задачи же более сложные, такие как семейное посредничество или помощь ребенку, лишенному родительской опеки, решаются старостами. На уровне воеводства осуществляется надзор за реализаци-

ей этих решений. Был образован новый институт – поветовый Центр помощи семье. Поветовые Центры помощи семье выполняли и продолжают выполнять задачи в области социальной помощи населению, проживающему в повете и нуждающемуся в помощи. Основной целью всей реформы социальной помощи явилось восстановление естественной ответственности за судьбу ребенка, которую должны нести в первую очередь близкие ему люди, а затем местные учреждения и общественные организации.

Центры социальной помощи, реализующие задачи повета, обязаны, кроме всего прочего, организовать опеку в приемных семьях, оказывать им денежную помощь на частичное покрытие стоимости содержания детей, а также на предоставление воспитанникам условий для самостоятельной жизни и продолжения ими образования. В этом, собственно, и заключаются обязанности социального работника по отношению к приемным семьям и к учреждениям опеки. Социальный работник ежедневно должен общаться с приемными семьями, помогать им в преодолении возникающих трудностей и содействовать их успешному функционированию.

Неадекватное исполнение родительских прав и обязанностей ведет к вмешательству опекунского суда, который в зависимости от степени угрозы благополучию ребенка может принять соответствующее решение, в частности: обязать родителей, а также ребенка вести себя определенным образом и указать способ контроля за исполнением этого предписания; определить, какие действия родители не могут совершать по отношению к ребенку без разрешения суда; подвергнуть приемных родителей, как опекунов, другим ограничениям; установить постоянный контроль со стороны судебного исполнителя за выполнением родительских прав и обязанностей; направить несовершеннолетнего в организацию или в учреждение, занимающееся профессиональной подготовкой и осуществляющее на время этой подготовки частичное попечение; распорядиться о направлении несовершеннолетнего в приемную семью или в опекунско-воспитательное учреждение; поручить управление имуществом несовершеннолетнего назначенному судебному исполнителю.

В трудных ситуациях, когда семья не может сама справиться с возникающими проблемами, т.е. не может, не умеет или не хочет заниматься ребенком, возникает необходимость оказания ей внешней поддержки или вмешательства. В этом случае, согласно конституционному положению, ребенок имеет право на опеку и помощь, в том числе и на замещающую опеку: «Ребенок, лишенный родительской опеки, имеет право на опеку и помощь со стороны общественных властей» [11]. Конвенция о правах ребенка обязывает государства, её ратифицировавшие, обеспечивать специальную защиту и помощь детям, лишенным (временно или постоянно) родительской среды или не могущим, с точки зрения их благополучия, пребывать в ней. Приведенные здесь положения подчеркивают важность и значение прав ребенка, в том числе и права на заменяющую опеку [12, с. 2].

Суд может лишить родителей их родительских прав, если они свои права по каким-то причинам не выполняют, не интересуются ребенком. При этом может быть лишен родительских прав как один из родителей, так и оба родителя. Но если причина, повлекшая за собой лишение родительских прав, устранена, то опекунский суд может восстановить эти права. Лишение родительских прав не ограничивает родителей в их остальных правах. Они и дальше пользуются гражданскими правами и обязанностями: могут наследовать ребенку, обязаны платить алименты, имеют право на личный контакт с ребенком [12, с. 8].

При выполнении своих функций приемная семья руководствуется принципами доброжелательного отношения к принятому в семью ребенку и уважением к его правам. Она ежедневно опекает ребенка, но все жизненно важные решения должны приниматься с согласия естественных родителей, если они существуют. Приемные родите-

ли, заменяющие биологических родителей, осуществляют, по существу, только текущую опеку над ребенком. Такая форма опеки находится под контролем суда и Центра социальной помощи. Целью опекунов является предоставление ребенку оптимальных условий жизни и воспитания, соответствующих уровню его развития: бытовых благ, возможности физического, психического и социального развития, возможности удовлетворения разумных индивидуальных потребностей; возможности учебы, развития интересов и отдыха. По закону такая семья обязана поддерживать контакты ребенка с его естественной семьей и прежде всего с биологическими родителями. Но такие контакты могут осуществляться только в том случае, если они для ребенка безопасны и если суд не решит иначе. В случае установления в естественной семье нормальных жизненных условий и появления в ней возможности правильного воспитания ребенок может вернуться к своим биологическим родителям.

Ребенок может быть отдан в приемную семью исключительно либо в административном порядке, либо по решению суда. Чаще всего направление ребенка в приемную семью осуществляется на основе решения суда. В этом случае кандидаты в приемные родители подают заявление (прошение) в опекунский суд (либо в районный суд, в отдел семьи и малолетних) о признании их семьи приемной для конкретного ребенка или извещают о своей готовности выполнять функции приемной семьи без указания конкретного ребенка.

В особых, нетерпящих отлагательства случаях направление ребенка может быть произведено на основании договоренности между приемной семьей и старостой или администрацией населенного пункта по ее местожительству. Поселение ребенка на основе такой договоренности может состояться только с согласия биологических родителей. Об этом должен быть немедленно проинформирован суд, который по этому поводу принимает окончательное решение. Приемная семья на протяжении всего времени выполнения своей функции обязана сотрудничать с судом и поветовым Центром помощи семье. Каждая такая семья получает установленную законом материальную помощь от государства. Размер этой помощи зависит от состояния здоровья ребенка и его возраста.

Приемной семьей могут быть супруги или, в отдельных случаях, одинокий человек. Первенство в создании приемной семьи для конкретного ребенка имеют кандидаты, которые гарантируют правильное выполнение воспитательных обязанностей по отношению к ребенку. Требования к приемным семьям подробно определяет закон, согласно которому кандидаты, выполняющие функции опекунов, должны удовлетворять следующим критериям:

- 1) быть способными дать гарантии надлежащего решения задач приемной семьи;
- 2) иметь постоянное место жительства на территории Республики Польша;
- 3) обладать полными гражданскими правами;
- 4) не быть лишенными родительских прав, не иметь ограниченных или приостановленных родительских прав;
- 5) не иметь болезней, делающих опеку над ребенком невозможной, что подтверждается врачебной справкой;
- 6) справляться с обязанностью содержания близкого лица или другого лица, если на них лежит такая обязанность по закону или по решению суда;
- 7) иметь соответствующие жилищные условия и постоянный источник дохода;
- 8) снискать позитивную оценку центра социальной помощи, расположенного по месту жительства [13].

Кандидаты в приемные родители должны детально изучить проблемы конкретного ребенка, а до этого пройти обучение на предмет усвоения практических навыков в области воспитания и поведения, изучить существующие здесь проблемы и трудности.

Они должны полностью отдавать себе отчет в том, что опека над ребенком является временной, и что существует возможность возвращения ребенка в естественную семью или передача его в усыновляющую семью.

Приемной семье выделяется денежная помощь на частичное покрытие расходов по содержанию каждого находящегося в ней ребенка. Юридической основой установления размера денежной помощи является квота в сумму 1 647 злотых (с 1 октября 2006 г.). Размер денежной помощи зависит от возраста и состояния здоровья ребенка, а также социальной неприспособленности ребенка.

В тех случаях, когда приемная семья является родственниками опекаемого ребенка, эта денежная помощь может быть несколько уменьшена, однако при этом тоже учитывается состояние ребенка, уровень его развития или неприспособленности, а также учитывается материальное состояние приемной семьи. Наоборот, в приемных семьях, не состоящих в родственных отношениях с опекаемым ребенком, эта материальная помощь может быть увеличена в размере до 10 % от базовой суммы. Семьи имеют право отказаться от полагающейся им по закону материальной (финансовой) помощи.

Следует отметить, что с семьями, осуществляющими опеку над детьми, администрация в лице старосты гмины или главы соответствующего административного органа заключает договор в соответствии с действующим законодательством.

Дети в приемной семье находятся до урегулирования их правового положения. Потом они могут быть усыновлены этой приемной семьей или иной семьей, могут также вернуться в свою естественную семью, если она гарантирует ребенку полную безопасность. Воспитанники приемных семей и опекуно-воспитательных учреждений, кроме финансовой помощи, окружены постоянной заботой и поддержкой, в частности, в виде консультаций, помощи психолога, терапевта и других специалистов. Социальные работники в кризисных ситуациях постоянно поддерживают воспитанников, и помогают им в разрешении проблемных вопросов.

Согласно закону, опека над воспитанником прекращается по достижении им совершеннолетия, т.е. исполнения 18 лет. Эмансипация может быть применена также к воспитанникам, которые достигли 16 лет и с согласия суда вступили в брак. Совершеннолетний воспитанник имеет право находиться в приемной семье до окончания школы, если он учится в школе, в которой начал учебу до достижения совершеннолетия. В этом случае приемная семья сохраняет право получать на ребенка денежную помощь.

Лицо, достигшее совершеннолетия, получает денежную помощь на устройство его самостоятельной жизни в обществе. Право на получение такой помощи, а также помощи на продолжение учебы имеет лицо, находившееся под опекой приемной семьи не менее года. Денежная помощь на устройство самостоятельной жизни полагается также лицам, которые находятся в трудном материальном положении.

Заключение

Приемная семья является временной формой опеки над ребенком и только частичным решением проблемы. Хорошей родительской семьи в процессе воспитания и взросления детей и молодежи никто и ничем заменить не может, поэтому политика государства в этом плане, а также деятельность выборных органов, территориальных учреждений и негосударственных организаций направлена на оказание помощи семье с целью обеспечить сохранение для ребенка нормальных условий для развития и воспитания. Определение ребенка в приемную семью осуществляется в исключительных ситуациях, когда все другие принимаемые властными органами меры по преодолению кризисных ситуаций в родной семье не дают должного эффекта.

В целом в условиях Польши сказывается дефицит подготовленных, хороших приемных семей. Потребность в таких семьях в настоящее время составляет око-

ло 5 тысяч, а порой они являются единственным шансом для правильного развития детей из семей, несостоятельных в моральном и воспитательном плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wódz, K. Praca socjalna w środowisku zamieszkania / K. Wódz . – Warszawa, 1996.
2. Ustawa o pomocy społecznej, Dz. U. № 13 z 1993 r. poz. 60, art. 8, pkt. 5.
3. Ustawa o pomocy społecznej z dnia 29 listopada 1990 r. / Nowa encyklopedia Powszechna PWN. – Warszawa, 2004. – Т. 6.
4. Graniewska, D. Sytuacja rodzin i polityka rodzinna w Polsce / D. Graniewska. – Warszawa, 2004.
5. Obuchowska, J. Przemoc w wychowaniu / J. Obuchowska // Kwartalnik pedagogiczny. – № 4. – 1989.
6. Kądzela, J. Badania nad pokojem / J. Kądzela. – Warszawa, 1979.
7. Dyrda, M. Agresja i przemoc w rodzinie i szkole / M. Dyrda. – Siedlce : W-wo Akademii Podlaskiej, 2006.
8. Brzezińska, A. Jak rodzi się agresja / A. Brzezińska, E. Hornowska // Dzieci i młodzież wobec agresji i przemocy. – Warszawa, 2004.
9. Marchel, J. Zjawisko marginalizacji w środowisku młodzieży z rodzin dotkniętych bezrobociem / J. Marchel // Agresja i przemoc w rodzinie i szkole. – Siedlce :W-wo Akademii Podlaskiej, 2006.
10. Nowak, A. Wybrane zjawiska powodujące zagrożenia społeczne / A. Nowak. – Kraków, 2000.
11. Konstytucja RP, art. 72, p. 2.
12. Informator dotyczący rodzicielstwa zastępczego. – Kalisz, 2009.
13. Ustawa o pomocy społecznej z dnia 12.03.2004 r., DZ.U. № 64, art. 73, p. 1.

Yarmokh E. Foster Families in the System of Social Aid in Poland: Reasons and Peculiarities of Functioning (Sociological and Pedagogical Aspects)

The problem of foster families functioning for the children deprived of parents' guardianship as a relevant problem of social work; the kinds and main techniques of social aid in Poland are considered in the article. The main causes of social orphanhood: abuse and aggression in the family and at school, unemployment and poverty are analyzed. The typology of foster families and the peculiarities of support and education of children in care, their legal status, the forms of welfare to these families; the role of courts and local social and administrative bodies in helping and controlling of the activities of foster parents and families are given.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.04.2011

УДК 316.74:2

О.Ю. Бреская

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ГРАЖДАНИНА ИЛИ СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ

В статье рассматриваются тенденции эволюции предмета социологии религии за последнее столетие, с момента издания классического труда Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни». Автором подчеркивается, что на современном этапе изучения религиозной жизни внимание социологов фокусируется вокруг темы индивидуальной религиозности граждан, в то время как первоначально в трудах ученых, формировавших данное направление, акцент делался на коллективном измерении религии и ее значении для общества. Данная тенденция ярко демонстрирует более общий социальный процесс – усиления индивидуализации обществ, в которых коллективное религиозное начало уступает место индивидуальному религиозному сознанию и действию. Привлекая материалы современных социологических исследований, автор акцентирует внимание на необходимости пересмотра существующих подходов к изучению религиозной жизни и важности нового обращения к трудам Э. Дюркгейма в современных социальных условиях для целостного понимания феномена религии.

Введение

Если мы поместим рядом для сравнения два исследования по социологии религии, одно из которых посвящено эмпирическому изучению религиозности, например, в современной России или Беларуси, а второе – «Элементарные формы религиозной жизни», изданное Э. Дюркгеймом в 1912 году, то любопытный читатель непременно задастся вопросами: как эволюционировало социологическое знание о религиозной жизни и в какой степени изменился его предмет за одно столетие. Это занятие, на первый взгляд, теоретического характера, сообщает социологу информацию, которую сложно почерпнуть из чисел и диаграмм массовых социологических опросов, но которое помогает понять, что происходит с основными понятиями и в каком направлении осуществляется их концептуализация.

Религия на уровне индивида или на уровне группы?

Социолог своим исследованием (независимо от того носит ли оно эмпирический или сугубо теоретический характер) всегда конструирует заранее предмет и таким действием во многом направляет ход научного поиска в своей области. Эмиль Дюркгейм, начиная свое масштабное исследование первобытной религии, предварил его словами: «Если мы собираемся отыскать самые первобытные и простые религии, которые мы могли бы наблюдать, необходимо начать с определения – что понимается под религией. Без этого мы рискуем причислить к религиозным явлениям систему идей и практик, которые не имеют ничего общего с религиозным началом или приписать какой-либо ее стороне множество религиозных фактов без понимания их истинной природы. Это не означает, что мы думаем сразу дать исчерпывающие характеристики, которые бы объясняли саму религию. Такое предприятие возможно осуществить только в конце нашего исследования. Но что необходимо и возможно – указать определенное число внешних и легко узнаваемых параметров, которые позволили бы нам распознавать религиозный феномен, где бы с ним не встретился и которые предотвратили бы путаницу при различении религиозного феномена с иными явлениями» [4, с. 23].

Такие предуготовления осуществляются не только в силу того, что ученый постепенно дифференцирует понятия или переходит из области незнания к знанию, но в силу осознания важности наметить вектор своего исследования среди многообразия

способов изучения религиозной жизни, чтобы за ним могли следовать другие и понимать цель такого пути. Для Э. Дюркгейма религия – явление целостное, охватывающее сознание и деятельность человека: «Религиозный феномен по своей природе может быть определен через две главные категории – верования и ритуалы. Первое – состояние убеждения, оно выражено в репрезентациях, второе – установленные образцы поведения. Между этими двумя классами фактов заключается все различие, отделяющее мысль от действия» [4, с. 36]. Отсюда: религия социальна по своей природе, поскольку верования как коллективные репрезентации и установленные образцы поведения возможны только в случае существования группы, которая их разделяет и исполняет.

Общее заключение книги в том, что религия – это в высшей степени социальный феномен. Религиозные репрезентации – это коллективные репрезентации, которые выражают коллективную реальность. Ритуал – это способ действия, зарождающийся внутри солидарных групп, который направлен на пробуждение, поддержание или восстановление когнитивных состояний в этой группе. Так, если категории имеют религиозное происхождение, они с необходимостью участвуют в этой природе, общей для всех религиозных фактов; они также должны быть делом совместным и продуктом коллективной мысли. По меньшей мере для истинного понимания вещей в этой области, мы должны с осторожностью избегать всех радикальные и односторонние утверждения – допустимо предположить, что они (верование и ритуал – О.Б.) изобилуют социальными элементами [4, с. 10].

Потому религиозная группа в социологии религии Э. Дюркгейма – предмет пристального социологического изучения. Именно группа, а не индивид хранит и поддерживает религиозную традицию. Но группа, в понимании Дюркгейма, не просто наиндивидуальная реальность, как принято интерпретировать Дюркгейма, группа – это результат внутренней кооперации, она в своей природе спонтанна, т.е. является естественным проявлением и продолжением индивидуальной естественной воли человека, при этом она сложнее по способу организации и требует специального коллективного сознания.

Коллективные репрезентации – это результат бесконечной (колоссальной) кооперации, которая простирается не только на пространство, но также и на время; для их создания требовалось согласование множества различных взглядов и позиций, объединение и комбинирование идей и чувств; для них многие поколения собирали свой опыт и свое знание. Особая интеллектуальная деятельность, поэтому концентрируется в них, она бесконечно богаче и сложнее, чем индивидуальная [4, с. 16].

В социологии Дюркгейма не существует категории «религиозность», поскольку это понятие появляется в социологии религии в контексте процессов индивидуализации и секуляризации религии в XX веке и в большей степени связано с индивидуальным религиозным чувством и поведением. Социология Э. Дюркгейма – это социология Церкви, или социология общины, общины солидарной и производящей нормы. «Церковь – это не братство священников, это моральная общность, создаваемая всеми верующими одной веры, мирянами, также как и священниками» [4, с. 45]. Феномену религии Дюркгейм противопоставляет магию, как явление, не производящее и не солидаризирующее вокруг себя людей: «она не проявляется в сплочении тех, кто ей следует, ни в объединении их в группу, возглавляющую общую жизнь. Не существуют Церкви магии» [4, с. 44]. Магии присущ индивидуализм – религия объединяет людей в одну социальную общность, однако тип и характер этой общности зависит и от особенностей исторического периода. Изменение социальной структуры общества неизбежно влечет за собой изменения в формах солидарности в религиозных группах. Разделяя взгляды Г. Спенсера и А. Сабатье, Дюркгейм предвидел процессы индивидуализации

религии в будущем: «Не придет ли день, когда не будет иного культа кроме такого, который каждый человек будет свободно исповедовать сам перед собой» [4, с. 46].

Э. Дюркгейм полагал, что границы социальной и религиозной общностей полностью совпадают в примордиальном обществе, связанном узами механической солидарности. В ситуации отсутствия функциональной дифференциации границы социума – и есть границы религии. Такую общность можно рассматривать как целостность, связанную едиными социальными и религиозными нормами одновременно. В таком социальном образовании возможно было бы провести такое социологическое исследование религиозности, в котором религиозная община и социальная общность – фратрия или клан – накладывались бы, создавая идеальный объект, в котором религиозное чувство равномерно распределено. Когда современные социологи говорят об «этническом православии», они используют именно эту модель Дюркгейма, который трактовал общество как социальное единство, связываемое присущим данной эпохе типом солидарности. Продолжая изучать феномен религиозности на общенациональных выборах, мы в качестве «идеального типа» продолжаем рассматривать традиционное общество, в котором религиозное начало распределено равномерно.

Если предположить, что в качестве «идеального типа» общества при проведении общенациональных опросов по изучению религиозной жизни мы рассматриваем второй тип в классификации Э. Дюркгейма (общество, связанное узами органической солидарности, где индивид автономен и существует социальная дифференциация), то нам придется прийти к выводу, что институт религии локализован в своем секторе и он не является уже единственным, скрепляющим целостность социума. Автономный индивид в таком сложно устроенном обществе получает навыки религиозной жизни не от общества непосредственно, а в специальных институтах и группах, которые обладают монополией на исполнение религиозной функции, поскольку усиливающаяся дифференциация каждого сегмента общества требует существования групп, специализирующихся на присущем только ей типе деятельности. Поскольку таких групп, как правило, много, человек оказывается в ситуации ответственного и самостоятельного религиозного выбора. В таких условиях роль и значение религиозной группы еще более возрастает.

Индивидуализация религии – явление объективное, но скорее всего дисфункциональное для самой религии в случае если существование и деятельность религиозных групп ослабевает. Отсутствие малых религиозных групп – общин¹, которые выступают медиаторными структурами и переводят религиозную репрезентацию и ритуал с общего уровня (часто – абстрактных представлений, например, о «всей Церкви») на уровень индивида и при этом выступают солидарной моральной единицей, разрушает саму идею Церкви.

Религиозность: от коллективного к индивидуальному типу

Социологическая концептуализация «религиозности» меняется вместе с изменением представлений о месте и роли религии в обществе. Обратимся еще раз к концепции Эмиля Дюркгейма, который писал о коллективном измерении религиозности в контексте формирования им метода «социологизма». «Социологизм» Дюркгейма означал в определении религии, что Церковь как социальный институт существует благодаря особым свойствам коллективной жизни – тому, что ее индивидуальные члены «ас-

¹ В мегаполисах сегодня наблюдается противоположный процесс: появление мегаобщин в мегацерквях (*MegaChurch*). К мегацеркви (один из самых крупных приходов численностью до 47 000 человек находится в Хьюстоне, США) относят приход с численностью прихожан более 2 000 человек. Верующие в таких мегаобщинах указывают, что участие в религиозных практиках в таких церквях способствует их духовному росту.

социированы, скомбинированы, причем скомбинированы особым образом... Сплачиваясь друг с другом, взаимно дополняя и проникая друг в друга, индивидуальные души дают начало новому существу» [9, с. 179–180].

Для Дюркгейма общество было реальностью *sui generis*, целостностью, не сводимой к его индивидуальным составляющим, а религия имела все признаки такого социального. Такой подход к определению религии позволяет основывать методику измерения религиозности исходя из факта самоидентификации верующего, соотнесения им себя с определенной религиозной группой, а также коллективного признания идентификации верующего со стороны группы. Вторым моментом в такой методике является поиск определенных оснований для существования внутренней солидарности в религиозной группе.

Питер Бергер при анализе религии и религиозности переносит акцент с идеи солидарности Дюркгейма, его представлений о целостном и надындивидуальном значении и измерении религии в традиционном обществе на многообразие и плюрализм религиозной жизни в контексте процессов секуляризации и модернизации европейских обществ в XX веке, выдвигая тезис о «крушении убедительности» института религии и Церкви для общества на уровне поддержания его целостности. Религия выступает в своей специфически современной форме, а именно как система обоснований, добровольно признаваемых свободными в своем выборе пользователями. В этом качестве она локализуется в частной сфере повседневной жизни общества и приобретает черты, характерные для этой сферы в современном обществе. Одной из таких характерных черт является «индивидуализация». Это означает, что перебравшаяся в сферу частной жизни религия становится делом «выбора» или «предпочтения» отдельного человека или атомарной семьи и *ipso facto* лишена объединяющей, связывающей способности. Такая частная религиозность, как бы «реальна» она ни была для отдельных своих приверженцев, не способна уже выполнять классическую задачу религии, а именно задачу создания общего универсума, в котором вся социальная жизнь получает общезначимый высший смысл. Взамен такая религиозность вынуждена ограничиваться отдельными областями социальной жизни, которые могут быть успешно изолированы от секуляризованных сфер жизни современного общества [10].

Такие социальные изменения для *homo religious* означают необходимость более осмысленного, ответственного, личного выбора веры, соотнесения религиозной жизни с культурной и социальной сферами жизнедеятельности. Религиозность приобретает черты более сложного феномена в посттрадиционном обществе, а ее более индивидуалистичный характер по сравнению с традиционной религиозностью может принимать разнообразные формы – от фундаменталистского варианта до диалогового, экуменического; от «веры без принадлежности» («*believing without belonging*» [3]), вариантов «*DIY*»² («*do it yourself*» – «сделай сам») до переосмысления и нового обращения к традиционным религиозным институтам.

Томас Лукман, немецкий социолог, подробно разбирает историю «индивидуализации религии» и выделяет три основные формы сосуществования религии и общества [6], дополняя их четвертой современной моделью:

² Madeleine Bunting – английская журналистка, автор концепта «*DIY cocktail*» – пишет, что сегодня религиозная идентичность, постоянно изменчивая и «текучая» в своей основе, становится все больше вопросом индивидуального выбора.

Таблица – Стадии и формы индивидуализации религии (согласно Т. Лукману)

Архаичное общество	Поддержание и передача «сакрального» основывается на целостности социальной структуры общества; религия проникает во все уголки социального, не оставляя отдельного места для специфически религиозных функций.
Античный мир (например, Древний Египет)	Религия продолжает легитимировать целостность социальной структуры, наблюдается некоторый прогресс в институциональной дифференциации, намечается появление специфически религиозного института.
Средневековое общество	Специальные институты ответственны за поддержание и передачу коллективного представления о трансцендентной реальности. Сакральное выделяется из профанного.
Общество Модерна	Возникновение приватизированной религии, которая означает переспециализацию религии, демонополизацию в производстве и распределении мировоззрений и мгновенную общедоступность (через СМИ) к разнообразным религиозным традициям

Вторая половина XX века привнесла в понимание религии и религиозности не только аспекты индивидуализации, урбанизации, секуляризации, но и дифференциацию и глобализацию как аналитические категории и новые элементы измерения религиозности. Питер Байер, канадский социолог религии, размышляя о понятии религии в связи с теориями социальной дифференциации и глобализации, пишет, что дифференцированная религия – это относительно недавнее «изобретение», но основательно вплетенное в историческое развитие, которое стало причиной современного глобального общества, включая все ошибки и неприглядные качества [1, с. 63]. Глобализация и дифференциация ставят перед религией новые вызовы. Это вызовы плюрализма, вызовы миру, чье развитие не определяется отныне одной его частью. Это возможность увидеть мир по-новому, пересмотреть современность («*denaturalize*” *modernity*) и понять дихотомии религиозно-секулярное, локальное-универсальное как составляющие одного процесса [5]. Такая перспектива позволяет посмотреть на современность как на единство и сотрудничество людей, она позволяет переоткрыть *социальное* как таковое, а религия может быть увидена как одна из важнейших составляющих человеческого взаимодействия в этом процессе [7].

Характеристика религиозности и черты социального: через призму религиозной группы

Последние два десятилетия, коренным образом изменившие религиозную жизнь в Восточной Европе, стали не только вызовом для отдельного верующего, но и для религиозных институтов в целом. Изменения в категории людей, идентифицирующих себя как «верующие в Бога», продолжают носить в Беларуси и в России положительную динамику. Ее рост в Беларуси составил 11,4 % за 8 лет (с 47,5 % в 1998 г. до 58,9 % в 2006 г.) [12, с. 48]. В России такой рост за последний год составил 2,1 % (с 53 % в 2008 г. до 55,1 % в 2009 г.)³. Растущая положительная динамика верующих, в том числе рост идентифицирующих себя с православием 10,5 % в Беларуси за 9 лет (с 62,8 % в 1998 г. до 73,3 % в 2007 г.) [11, с. 142] и в России 22 % за 11 лет (с 44 % в 1996 г. до 66 % в 2007 г.) и 28,6 % за 13 лет (до 72,6 % в 2009 г.), ак-

³«Религия и Церковь» // Левада Центр, 2008. – Режим доступа : <http://www.levada.ru/religion.html>

туализирует вопрос вхождения этих людей в религиозные группы – общины, братства, группы прихожан, и др., а также их место внутри таких религиозных групп.

О том, что религиозная группа является значимой формой совместной религиозной жизни верующих и церковного устройства, свидетельствуют сегодня дискуссии внутри Православной Церкви относительно статуса и значения этих понятий. Так, обсуждение нового Устава РПЦ, утвержденного в 2009 г., в котором вместо понятия «прихожанин» вводится категория «верующего гражданина», свидетельствует о смене языка Церкви – переходе с церковных понятий и представлений о структуре религиозной жизни на язык государственной и национальной политики в области вероисповедания, об обеднении в будущем реалий и словаря Церкви. Священник Павел Адельгейм предвидит в таких изменениях угрозу для целостности Церкви, которая может сказаться «трагическим противостоянием и утратой нравственного авторитета – важнейшей ценности Церкви для социальной жизни Отечества» [8].

В социологическом опросе, проведенном «Левада-Центром» 20–23 февраля 2009 г. относительно религиозной жизни граждан России, только один вопрос из 112 имеет в своем составе слово «прихожанин»: «Каким образом прихожанам следует материально поддерживать Церковь?». В ответах понятие «прихожанин» встречается дважды: «Церковь должна существовать на деньги прихожан» и «Иначе это может вызвать осуждение прихожан» при ответе на вопрос относительно причин ношения платка в Церкви. При этом семь вопросов посвящено возможности обратиться к архиерею и присутствовать на архиерейском богослужении. Один вопрос общего характера посвящен жизни в общине: «Участвуете ли Вы в жизни какой-либо общины?». Если суммировать позиции ответов «регулярно» (1,1 %) и «время от времени» (6,6 %), то такими участниками являются около 8 % от числа православных респондентов. Эта небольшая цифра вполне согласуется с данными американского исследователя Дж. Фичтера, который на большом эмпирическом материале изучения отношений в городском приходе показывает, что число наиболее активных прихожан составляет в приходской жизни не более 5,7 %.

Ответы на вопросы, связанные с преемственностью и воспитанием в религиозной традиции показывают, что современные верующие не имели возможности воспитываться в религиозной семье. Так ответили 68,2 % респондентов, не планируют давать религиозное воспитание своим детям в собственных семьях – 57,3 %. Динамика в изменении решения родителей давать своим детям религиозное воспитание составила 11 %. Те, кто еще не имеет детей, но станет когда-либо родителем, или желал бы изменить свое решение по этому вопросу, вернув себя в прошлое, ответили «скорее нет» и «определенно нет» – 44,1 %. Если учесть тот факт, что поколение родителей в конце первого десятилетия XXI века – это первое поколение родителей, выросших в новом государстве, то данные представляются значительными (на 24,1 % сократилась численность родителей, не желающих «давать детям религиозное семейное воспитание»).

Отрицательные ответы респондентов по вопросам религиозных практик и традиций указывают на существование разрыва между верой и религиозной практикой, сознанием и действием человека. Следующая характеристика различных категорий «религиозных граждан» заставляют задуматься не только социологов:

- 1) отсутствие литературы религиозного содержания отметили 50,4 % респондентов;
- 2) не венчались 72,7 % из числа крещеных;
- 3) никогда не постятся в Великий пост 64,3 % от числа православных;
- 4) никогда практически не соблюдают поста 70,9 % православных;
- 5) никогда не ходят на церковные службы по воскресеньям 61,5 % православных;
- 6) не имеют духовного наставника 88,3 % православных;
- 7) никогда не причащаются 51,5 %;

- 8) никогда не исповедуются перед причастием 54,8 % от числа крещеных;
- 9) 59,5 % не знают числа и месяца своих именин;
- 10) не знают слов «Символа веры» 40,3 % из практикующих молитву.

Такой разрыв – результат реально существующей автономии человека и исторических изменений в самом обществе. Помимо факта длительного гонения на религию и отсутствия нормальной религиозной жизни, момент либерализации религиозной сферы в постсоветских странах совпал с общемировой тенденцией усиления религиозного плюрализма и деприватизации религии⁴.

Для обществ Восточной Европы Церковь и иные традиционные конфессии впервые вступают в эпоху секуляризации, получив возможность быть автономными участниками публичных процессов. При этом необходимо учитывать тот факт, что авторитарный период произвел невиданную индивидуализацию восточноевропейских обществ. Такие сверхиндивидуализированные общества не способны создавать устойчивые медиаторные структуры (группы, корпорации, локальные сообщества), поскольку такая форма выстраивается на пересечении индивидуальных и коллективных практик, объединяющих членов Церкви в солидарное сообщество, обладающее собственными традициями, нормами и ценностями. Длительное отсутствие возможности спонтанно создавать различного рода коллективные образования проявляется сегодня и в религиозной жизни на уровне религиозных групп.

Заключение

Таким образом, можно определить главные социологические переменные, которые формируют в современных условиях отношения «индивид – религиозная группа – общество» и которые необходимо учитывать в социологическом изучении религии и религиозности в нашем регионе:

- 1) автономный статус индивида;
- 2) слабость религиозной группы;
- 3) индивидуализация общества;
- 4) деприватизация религии;
- 5) продолжающийся рост числа верующих.

Религиозность как феномен, изучаемый в отечественной социологии в первую очередь на индивидуальном уровне, обращает вопросы к социальному измерению жизни человека. *Индивидуальное религиозное общение ведет в самый центр социальной жизни*: через индивидуальное общение с Божественным человек встречается не только с Богом, но и с человеком. «Это извечная истина, что вне нас существует нечто большее, чем мы сами, с которым мы входим в общение» [4, с. 226]. Религиозность как целостное свойство личности или группы в его когнитивном и деятельностном проявлении сообщает нам интересную истину: чем ближе человек приобщается к Божественному, тем ближе он подходит одновременно и к социальному – к другому человеку и к группе. Примеры святых – Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Амвросия Оптинского – показывают, что чем сильнее в своем желании человек стремится уйти от общества для общения с Богом, тем ближе он в результате оказывается к другим людям.

⁴ Понятие, введенное социологом Х. Казановой в книге «Публичные религии в современном мире», которое он понимает как «двойственный, взаимообуславливающий процесс реполитизации частной религии и моральной сферы и ренормативизация экономической и политической сфер. Это то, что я при отсутствии лучшего термина называю «деприватизация» религии». Формирование этого процесса Х. Казанова относит к 80-ым гг. XX века [2].

Функции/дисфункции религиозной группы: религиозная группа выступает уникальной формой, в которой встречается индивидуальное и коллективное начала, социальной формой, хранящей и рождающей религиозные верования и практики. Отношения человека с человеком в религиозной жизни со временем принимают определенные социальные формы – институционализируются. Однако получив форму, эти отношения по-прежнему требуют поддержания напряжения в общении личности с Божественным, в противном случае социальная форма обретает рудиментный характер.

Существующая потребность в изучении религиозной жизни на разных уровнях заставляет нас сегодня перечитать классическую работу основателя социологии религии и несколько изменить направление изучения индивидуальной религиозности. Даже когда религия представляется полностью заключенной в индивидуальном сознании, она все еще в обществе, в котором она находит источник жизни, из которого она расцветает. Сейчас мы можем рассматривать значение радикального индивидуализма, который превратит религию в нечто абсолютно индивидуальное: такая трактовка – непонимание фундаментальных условий религиозной жизни [4, с. 424].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beyer, P. Religion in Global Society / P. Beyer. – London : Routledge, 2006. – P. 63.
2. Casanova, J. Public religions in the modern world / J. Casanova. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 320 p.
3. Davie, G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging / G. Davie. – Oxford : Blackwell, 1994.
4. Durkheim, É. The elementary forms of the religious life / É. Durkheim. – London : George Allen & Unwin Ltd., 1965. – P. 23.
5. Lieve, O. In search of metatheoretical reflexivity type theories of religion / O. Lieve // The parochialism of religious studies lies in its global outlook / Brno conference, 7–11 September 2008.
6. Luckmann, T. The Invisible Religion: the Problem of Religion in Modern Society / T. Luckmann. – London, New York : The Macmillan Company, 1967.
7. Mendieta, E. Society's religion: the rise of social theory, globalization, and the invention of religion / E. Mendieta // Religions. Globalizations: Theories and cases; ed. D.N. Hopkins [et al.]. – Durham & London : Duke University Press. – P. 46–65.
8. Адельгейм, П. Ликвидировать мирян как класс/ П. Альтгейм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1085>.
9. Батыгин, Г.С. История социологии / Г.С. Батыгин, Д.Г. Подвойский. – М. : Издат. дом «Высшее образование и наука», 2007. – С. 179–180.
10. Бергер, П. Религия и проблема убедительности / П. Бергер // «Неприкосновенный запас». – 2003. – № 6(32).
11. Новикова, Л.Г. О специфике религиозного поведения верующих основных христианских конфессий в современной Беларуси / Л.Г. Новикова, Е.А. Белая // Социология. – 2007. – № 4.
12. Пирожник, И.И. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И. Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – № 4. – С. 46–55.

***Breskaya O.Y.* Sociology of “Religious Citizen” vs. Sociology of Religious Community: Some Notes on the Classical Sociology of Religion**

The article examines the trends in the evolution of the subject in the field of the sociology of religion over the last century since the classical work of Emile Durkheim “The Elementary Forms of Religious Life” had been published. The author emphasizes that at the modern period of religious life research the sociologists focus on the the meofindividual religiosity of citizens while initially the works of the founding fathers of that field were dedicated to the collective dimension of religious phenomenon and its meaning for the society. Such a trend clearly demonstrates more general social process—the strengthening individualization of societies in which collective religious principle gives way to individual religious consciousness and action. Drawing on the materials of current sociological data the author stresses the necessity to reconsider the existing approaches to the religious life research and the significance to new turn to the works of E. Durkheim for the holistic perception of religious phenomenon in contemporary social circumstances.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.04.2011

УДК 316.42

С.Т. Кавецкий

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье исследуются многогранные проблемы демографической безопасности. Анализируются результаты переписи 2009 года в Республике Беларусь. Через призму конкретно-социологических исследований студенческой молодежи раскрываются перспективы решения демографической проблемы. В статье констатируется важность подготовки комплексных государственных мер по обеспечению демографической безопасности путем разработки и реализации демографических программ и прогнозов на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу.

Введение

Демографический и социально-экономический потенциал каждого народа и этноса, как известно, обладает большой устойчивостью, огромным запасом прочности, надежной системой природных и социальных механизмов защиты, обеспечивающих его воспроизводственную безопасность. Поэтому возникающие в процессе развития негативные тенденции и явления, даже если они имеют долговременный характер, в стабильно развивающемся обществе не вызывают чрезмерных опасений и обычно успешно преодолеваются. Однако тревожная для мирного времени ситуация, которая возникла в 90-х годах XX века и наблюдается в настоящее время (возрастание смертности среди трудоспособного населения, оказавшегося за чертой бедности, демографическая и социальная деградация этих слоев, утрата ими квалификационных характеристик социального, физического и психического здоровья), вызывает серьезное опасение. По существу эту ситуацию можно охарактеризовать как демографический кризис.

«Кризис воспроизводства населения есть результат такого изменения общественной жизни и прежде всего системы общественного производства, когда нарушается согласованное функционирование и развитие его компонент, сфер, сегментов, а следовательно, нарушается механизм демовоспроизводственного процесса, теряется системное свойство социального организма – способность к самовоспроизведению субъекта общественной жизни в необходимом количестве при более высоком качестве. Таким образом, демографический кризис – это неблагоприятные изменения не только в количественном, но и в качественном составе» [3, с. 408].

Таким образом, беспрецедентная для мирного времени демографическая ситуация, которая возникла в конце 1980-х – начале 1990-х годов и получила уродливое продолжение в социумах стран СНГ в настоящее время, вызывает серьезную тревогу. Это в полной мере относится и к Республике Беларусь, все сферы демографической жизнедеятельности которой находятся в тяжелейшем кризисе. Кризис имеет системный характер и охватил всю демовоспроизводственную сферу.

В последние годы демографическая проблематика оказалась в эпицентре общественного внимания и обсуждения на различных уровнях государственного управления, в научных дискуссиях, в средствах массовой информации. Оснований для беспокойства по поводу будущности белорусского этноса более, чем достаточно. В XX веке Беларусь (также как и Россия, и Украина) пережила три демографические катастрофы, каждая длительностью в 7–9 лет.

- 1) 1915–1922 гг. – Первая мировая и Гражданская войны;
- 2) 1930–1936 гг. – коллективизация;
- 3) 1941–1948 гг. – Великая Отечественная война и разруха.

С середины 1990-х годов явно проявились признаки четвертой такой катастрофы, которая оказалась более растянутой по времени, но не менее разрушительной по своим социальным последствиям, чем предыдущие, и перешла в XXI век.

Если численность постоянного населения Республики Беларусь по переписи 1999 года составила 10 млн. 45 тыс. человек, то за десять лет между переписями оно уменьшилось на 541 тысячу человек, или на 5,4 %. В городской местности проживает, по данным переписи 2009 года 7 млн. 65 тыс. человек, в сельской – 2 млн. 440 тыс. человек. Увеличение городского населения произошло за счет сельского. В Брестской области проживало 1 млн. 401 тыс. человек.

Таблица 1 – Изменение численности населения Республики Беларусь

Регионы	Численность населения по годам, тыс. человек					Прирост населения (+) уменьшение (–) (1999–2009 гг.)
	1959 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	
Республики Беларусь	8 032	9 532	10 152	10 045	9 504	–546
Области						
Брестская	1 177	1 358	1 449	1 485	1 401	–84
Витебская	1 273	1 385	1 410	1 377	1 231	–146
Гомельская	1 359	1 595	1 668	1 545	1 441	–104
Гродненская	1 074	1 127	1 163	1 185	1 072	–146
Минская	1 465	1 547	1 575	1 559	1 423	–136
Могилевская	1 176	1 247	1 280	1 214	1 099	–115
г. Минск	508	1 273	1 607	1 680	1 837	+157

На нынешнюю структуру населения Республики Беларусь по возрасту и полу оказали существенное влияние не только события последних 10 лет, но и все социально-политические, экономические события и войны прошлого столетия, Чернобыльская экологическая катастрофа 1986 года и вызванные ими изменения в потоках миграции и распределении населения на городское и сельское, в уровне и структуре занятости как мужчин, так и женщин, в уровне рождаемости.

Численность населения в послевоенное время постоянно увеличивалась до 1994 года. Однако темпы прироста с начала 1970-х годов начали постепенно снижаться. В период между переписями 1989 г. и 2009 г. численность населения уменьшилась на 653 тыс. человек, что вызвано естественной убылью населения (превышением числа умерших над числом родившихся), объем которой увеличивается и не компенсируется миграционным приростом. Резкое ухудшение демографической ситуации отмечается с начала 1993 года. Именно с этого времени начала проявляться демографическая реакция населения на кризис в экономике и снижение уровня жизни. Эта реакция выражается в росте смертности, в сокращении рождаемости и уменьшением средней продолжительности жизни, в существенных изменениях в области формирования и стабильности семьи.

Численность постоянного населения Брестской области по переписи населения на октябрь 2009 года составила 1 401,1 тыс. человек. В городской местности проживало 918,6 тыс. человек, в сельских населенных пунктах – 482,6 тыс. человек.

Таблица 2 – Изменение численности населения Брестской области

Год	Тыс. человек
1959 (на 15.01)	1 177,3
1970 (на 15.01)	1 292,8
1979 (на 17.01)	1 357,9
1989 (на 12.01)	1 449
1999 (на 16.02)	1 485,1
2009 (на 10.10)	1 401,2

Численность населения Бреста, согласно последней переписи, составила 309,8 тысячи человек, в том числе в Ленинском районе – 100 тыс., в Московском – 209,8 тыс. За 10 лет численность жителей в областном центре увеличилась на 23,4 тыс. человек. Решающую роль в изменении численности населения сыграл его механический прирост. Как город постоянного места жительства, Брест остается все так же притягательным для жителей провинции, и, как и в прежние годы, сюда приезжает по-прежнему больше народа, чем уезжает. Впрочем, численность брестчан увеличивается не только за счет приезжих, но и за счет включения в черту города сельских поселений.

С 1993 года смертность в стране превышает рождаемость: 1993 г. – на 11 тысяч; 1994 г. – на 19 тыс.; 1995 г. – на 30 тыс.; 1996 г. – на 46 тыс.; 1997 г. – на 78 тыс.; 2000 г. – на 41 тыс.; 2001 г. – на 31,5 тыс.; 2002 г. – на 57,9 тыс.; 2003 г. – на 54,7 тыс.; 2004 г. – на 51,1 тыс.; 2005 – на 51,4 тыс.; 2006 г. – на 41,7 тыс.; 2007 – на 24 тыс.; 2008 г. – на 18 тыс. Как свидетельствует перепись, численность населения Беларуси в 2009 году составила 9 504 тыс. чел., а по классификации экспертов ООН нация, насчитывающая менее 10 млн., обречена на переход в разряд малочисленных вымирающих народов. Процесс сокращения населения продолжается: на 1.09.2010 его численность составила – 9 466,6 тыс. чел. [2, с. 31].

В 2003 г. средняя продолжительность жизни в республике составила 68 лет для всего населения: 62,3 года – для мужчин, 74,1 – для женщин. Разница между показателями по полу составляет 11,8 лет. Среднестатистическая продолжительность жизни населения Брестской области на 1.08.2010 составила 65,4 года для мужчин, 76,8 – для женщин [3, с. 6]. По уровню продолжительности жизни мы существенно отстаем от большинства развитых стран. Так, например, в Японии этот показатель в 2001 году был равен 78,1 года для мужчин и 84,9 года для женщин, в Швеции – соответственно 77,5 и 82,3 годам, в Канаде – 76,2 и 83,1 года. Сложившаяся в стране кризисная демографическая ситуация требует принятия более кардинальных мер в области демографической безопасности страны. В связи с этим в стране принимаются, конкретные меры, направленные на предотвращение демографических угроз:

- 1) мониторинг угроз демографической безопасности и прогнозирование факторов, определяющих эти угрозы;
- 2) определение прогнозных значений социально-экономического развития, влияющих на демографическую безопасность;
- 3) подготовка комплексных государственных мер по обеспечению демографической безопасности путем разработки и реализации демографических программ и прогнозов на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу.

При этом основными значениями демографической безопасности на перспективу, по нашему мнению, должен стать следующие:

- 1) снижение смертности и повышение продолжительности жизни;

2) стабилизация роста смертности на уровне 13,5–14 % в ближайшие годы и снижение этого показателя в долгосрочной перспективе;

3) дальнейшее снижение в долгосрочной перспективе детской смертности (детей до года) до уровня, сложившегося в развитых странах (4–5 %); обеспечение мероприятий по выживанию детей, снижение материнской смертности;

4) удержание продолжительности жизни на уровне 69–70 лет в ближайшей перспективе и увеличение этого показателя в более отдаленной перспективе до прогнозных значений развитых стран – 74–75 лет.

Следует учитывать, что даже при стечении очень благоприятных обстоятельств и эффективности мер демографической политики, направленной на рост рождаемости и сокращение смертности, естественный прирост будет минусовым. Хотя в случае высокой эффективности мер демографической политики население будет убывать за счет естественного движения несколько медленнее. Сложившаяся к настоящему времени структура населения и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать депопуляцию в стране, и численность населения будет уменьшаться еще длительное время, причем особенно активно во втором десятилетии XXI века. Это позволяет оценить современную демографическую ситуацию в стране как кризисную, чрезвычайно опасную, несущую угрозу национальной безопасности страны. Следует отметить усиление внимания правительства Беларуси в демографической политике в контексте экономического роста и устойчивости развития. Так, Республика Беларусь – практически единственная среди республик бывшего СССР, где был принят Закон о демографической безопасности на 2006–2010 гг.

Будущее страны, численность населения республики в первую очередь зависит от молодёжи. В связи с этим социологической учебно-методической лабораторией БрГУ имени А.С. Пушкина было проведено социологическое исследование студентов в апреле–мае 2009 года. Было опрошено 345 студентов 11 факультетов БрГУ им. А.С. Пушкина. Из них 97 респондентов юношей, 245 девушек (164 студента 3 курса, 184 студента 4 курса). Кроме того, отдельный блок вопросов был предназначен для студентов состоящих в браке.

Большинство студентов БрГУ имени А.С. Пушкина, участвовавших в конкретно-социологическом исследовании, родились в Беларуси – 93,9 %. Остальные 6,1 % – выходцы из России, Казахстана, Украины, Азербайджана, Эстонии, Германии, Чехии и других стран. По национальному составу: 93,0 % белорусов, 3,5 % – русские, 1,7 % – украинцев, 1,2 % – поляков, 0,4 % составляли другие национальности. Среди опрошенных студентов 97,4 % верующих, 2,6 % неверующих (1,2 % атеистов). По конфессиям студенты определились следующим образом: православные – 90,7 %, католики – 2,3 %, протестанты – 1,2 % и др.

До поступления в БрГУ имени А.С. Пушкина в Бресте прожили 43,8 % опрошенных студентов (38,1 % юношей и 46,0 % девушек; 3 курс – 38,5 %, 4 курс – 48,4 %). В городах с населением более 50 тыс. проживали – 8,7 % студентов (юноши – 13,4 %, девушки – 6,9 %; 3 курс – 9,3 %, 4 курс – 8,2 %); в городах и городских поселках – 21,2 % (юноши – 18,6 %, девушки – 22,2 %; 3 курс – 18,6 %, 4 курс – 23,4 %); в сельской местности – 26,4 % (юноши – 29,9 %, девушки – 25,0 %; 3 курс – 33,5 %, 4 курс – 20,1 %).

Во время опроса студенты проживали у родителей – 49,9 % (юноши – 45,4 %, девушки – 51,6 %; 3 курс – 44,1 %, 4 курс – 54,9 %); в общежитии – 27,8 % (юноши – 25,8 %, девушки – 33,0 %; 3 курс – 33,5 %, 4 курс – 22,8 %); на частной квартире – 17,4 % (юноши – 15,5 %, девушки – 18,1 %; 3 курс – 33,5 %, 4 курс – 22,8 %); у родст-

венников – 3,8 % (юноши – 5,2 %, девушки – 3,2 %; 3 курс – 2,5 %, 4 курс – 4,9 %); жили где придется – 3,9 %.

Важное значение для анализа демографической ситуации в Республике Беларусь имеет перепись населения октября 2009 года. Знали о переписи 52,2 % опрошенных студентов (юноши – 53,6 %, девушки – 51,6 %; 3 курс – 60,2 %, 4 курс – 45,1 %). Знали о негативных тенденциях в развитии демографической структуры (с 1993 года смертность в нашей стране превышает рождаемость) 83,2 % респондентов (юноши – 87,6 %, девушки – 81,5 %; 3 и 4 курс по 83,2 %). При этом назвать число жителей Республики Беларусь на 01.01.2009 года смогли около 15 % опрошенных (юноши – 20,6 %, девушки – 12,1 %; 3 курс – 10,5 %, 4 курс – 17,9 %), 9,0 % назвали цифру от 4 до 9 миллионов населения, а более 9,8 миллионов назвали 20,0 % респондентов.

Большое значение для демографического потенциала студенческой молодежи имеет семейное воспитание. Поэтому важно, в каком окружении росли респонденты в семье. По данным конкретно-социологических исследований, у 64,1 % опрошенных студентов есть один (одна) брат (сестра) (юноши – 57,7 %, девушки – 66,5 %; 3 курс – 62,1 %, 4 курс – 65,8 %), у 14,8 % двое (юноши – 16,5 %, девушки – 14,1 %; 3 курс – 13,0 %, 4 курс – 16,3 %), у 3,5 % трое и более (юноши – 2,1 %, девушки – 4,0 %; 3 курс – 3,1 %, 4 курс – 3,8 %). Не имеют братьев и сестер – 17,7 % респондентов (юноши – 23,7 %, девушки – 15,3 %; 3 курс – 21,7 %, 4 курс – 14 %). Большинство респондентов (80,6 %) планируют вступить в брак в возрасте от 21 до 30 лет. При этом отметим, что 71,4 % девушек и 39,2 % юношей планируют брак в возрасте от 21 до 25 лет. Возраст не имеет значения для 15,1 % респондентов (юноши – 16,5 %, девушки – 14,5 %).

Таблица 3 – Формы брака (опрос студентов БрГУ им. А.С. Пушкина)

Какую форму брака Вы считали бы для себя наиболее предпочтительной?	Курс		Пол		Итого, %
	3, %	4, %	м, %	ж, %	
1. Брак, зарегистрированный в ЗАГСе	43,5 %	40,8 %	32,0 %	46,0 %	42,0 %
2. Гражданский брак	5,0 %	7,6 %	11,3 %	4,4 %	6,4 %
3. Брак, освященный церковью	18,6 %	19,0 %	19,6 %	18,5 %	18,8 %
4. Затрудняюсь ответить	5,6 %	6,0 %	13,4 %	2,8 %	5,8 %
5. Нет ответа	0,6 %	0,5 %	1,0 %	0,4 %	0,6 %
6. Брак, зарегистрированный в ЗАГСе и церкви	26,7 %	26,1 %	22,7 %	27,8 %	26,4 %

Таким образом, большинство респондентов (42,0 %) предпочитают брак, зарегистрированный в ЗАГСе (юноши – 32,0 %, девушки – 46,0 %). При этом брак, зарегистрированный в ЗАГСе и освященный церковью, желают – 26,4 % (юноши – 22,7 %, девушки – 27,8 %). Брак, освященный церковью, предпочитают – 18,8 % (юноши – 19,6 %, девушки – 18,5 %). Незарегистрированный гражданский брак желают 6,4 % (юноши – 11,3 %, девушки – 4,4 %).

На момент проведения исследований были женаты (замужем) 6,4 % респондентов (юноши – 2,1 %, девушки – 8,1 %; 3 курс – 4,3 %, 4 курс – 8,2 %). В процессе проведения конкретно-социологических исследований авторы выделили блок вопросов для женатых (замужних) опрошенных студентов БрГУ имени А.С. Пушкина. 50,0 % респондентов (юноши и девушки – по 50 %; 3 курс – 42,0 %, 4 курс – 53,3 %) состояли в

браке до 1 года; от 1 года до 2 лет – 31,8 % (юноши – 50,0 %, девушки – 30,0 %; 3 курс – 42,9 %, 4 курс – 26,7 %); 3–4 года в браке состояли – 28,2 % (3 курс – 14,3 %, 4 курс – 20,0 %). Имели по одному ребёнку – 26,1 % состоящих в браке. Каким образом повлиял брак на учёбу, свидетельствует таблица 4.

Таблица 4– Влияние брака на успеваемость

Стали Вы лучше учиться после вступления в брак?	Курс		Пол		Итого, %
	3, %	4, %	м, %	ж, %	
1. Да, оценки улучшились	14,3 %	26,7 %	50,0 %	20,0 %	22,7 %
2. Осталось по-прежнему	71,4 %	66,7 %	50,0 %	70,0 %	68,2 %
3. Оценки ухудшились	14,3 %	–	–	5,0 %	4,5 %
4. Затрудняюсь ответить	–	6,7 %	–	5,0 %	4,5 %
Итого	100 %	100 %	100 %	100 %	100,0 %

Таким образом, у 22,7 % вступивших в брак студентов успеваемость улучшилась, у 68,2 % успеваемость не изменилась и лишь у 4,5 % ухудшилась.

В ходе исследования опрошенным студентам задавался вопрос о желании иметь детей (таблица 5):

Таблица 5 – Желание иметь детей

Хотите ли Вы в будущем иметь детей?	Курс		Пол		Итого, %
	3, %	4, %	м, %	ж, %	
1. Да	89,4 %	94,0 %	87,6 %	93,5 %	91,9 %
2. Нет	0,6 %	–	–	0,4 %	0,3 %
3. Не знаю	5,6 %	3,8 %	11,3 %	2,0 %	4,6 %

Таким образом, 91,9 % респондентов хотели бы в будущем иметь детей (юноши – 87,6 %, девушки – 93,5 %; 3 курс – 89,4 %, 4 курс – 94,0 %). Опрашиваемым студентам предлагалось ответить, сколько детей они хотят иметь в своей семье к концу репродуктивного периода. Ответы были получены следующие (по степени убывания): двое детей – 54,5 % (юноши – 50,5 %, девушки – 56,5 %; 3 курс – 56,5 %, 4 курс – 52,7 %); трое детей – 13,0 % (юноши – 10,3 %, девушки – 14,1 %; 3 курс – 8,7 %, 4 курс – 10,8 %); от одного до трёх детей – 9,0 %; пять детей – 9,0 %; один ребёнок – 8,7 %; от двух до трех детей – 6,7 %; четверо детей – 6,0 %; зависит от финансовых возможностей – 3,0 %; сколько будет – 1,2 %; затрудняюсь ответить – 1,2 %.

Широкий спектр ответов был получен на вопрос о причинах, сдерживающих рождаемость. Респонденты видели следующие проблемы (по степени убывания): нестабильность в материальном положении – 87,0 % (юноши – 84,5 %, девушки – 87,9 %; 3 курс – 85,1 %, 4 курс – 88,6 %); неблагоприятные жилищные условия – 79,2 % (юноши – 77,2 %, девушки – 80,6 %; 3 курс – 78,3 %, 4 курс – 81,0 %); неуверенность в завтрашнем дне – 37,7 % (юноши – 30,9 %, девушки – 40,3 %; 3 курс – 43,5 %, 4 курс – 32,6 %); желание делать карьеру – 24,6 % (юноши – 18,6 %, девушки – 27,0 %; 3 курс – 23,0 %, 4 курс – 26,1 %); плохое состояние окружающей среды – 7,5 % (юноши – 8,2 %, девушки – 7,3 %; 3 курс – 8,1 %, 4 курс – 7,1 %); радиофобия – 6,0 %. Среди других причин назывались алкоголизм родителей, вредные привычки, географическое поло-

жение, нежелание родителей, неуверенность в партнере, неправильное мировоззрение, нестабильность в трудоустройстве, плохое здоровье родителей, плохой уровень жизни, разболтанность в обществе, слабая помощь государства, страх перед ответственностью за судьбу детей, экономика страны, экономический кризис.

Опрос студентов выявил широкую панораму мероприятий по решению демографических проблем нашей стране. В процентном отношении они находятся в ракурсе от 1 до 10, и большинство из них представляют научно-практический интерес. Респонденты отметили следующие предложения:

- борьба с пьянством;
- запрет абортотв;
- здоровый образ жизни;
- улучшение качества медицинского обслуживания, здравоохранения;
- льготное жильё для молодых семей;
- строительство общежитий для учащейся и работающей молодежи;
- за каждого родившегося ребенка давать родителям \$10 000;
- за первого ребенка предлагать квартиру, за второго определенную сумму;
- стабильность обстановки в стране;
- увеличение материальной помощи для многодетных семей;
- уменьшение финансовой нагрузки, связанной с воспитанием детей;
- дать народу свободно зарабатывать, уменьшить налоги на собственный бизнес;
- решение экологических проблем;
- социальная политика должна быть направлена на повышение рождаемости;
- государственная поддержка матерей-одиночек;
- льготы беременным женщинам и многодетным семьям;
- льготы беременным женщинам и отцам;
- льготы при рождении второго и более детей;
- лучше готовить к вступлению в брак;
- модернизация системы образования и условий воспитания детей;
- не бояться трудностей, создавать семьи и не разводиться;
- уменьшение населения до наступления хорошего дохода, затем наступит стабилизация;
- ужесточение законодательства;
- роль религии;
- повышение ценности института семьи;
- переселение в малонаселенные города, строительство заводов;
- не надо решать эту проблему, все нормализуется само собой со временем.

Таким образом, опрошенные студенты в своем большинстве понимают сущность сложившихся в стране демографических проблем, высказывают мысли по их решению. Более 91 % респондентов планирует в будущем иметь детей. В данной ситуации важно не только изучение общественного мнения молодежи, но и поддержка молодых студенческих семей, особенно в материальной и жилищной сферах.

Заключение

Преодоление негативных демографических тенденций – длительный и сложный процесс. Его цель состоит в повышении качества жизни населения, сохранении его жизненного и трудового потенциала. При этом важным является приспособление демографической политики к рыночным отношениям. Аномическое состояние демографической структуры белорусского общества, связанное, в первую очередь, с превышени-

ем смертности над рождаемостью, снижением продолжительности жизни населения и другими факторами, в конце XX – начале XXI вв. требует постоянного анализа и мониторинга. В силу объективной длительности решения проблемы демографического кризиса сегодня на первый план выходят вопросы повышения качественных параметров демографического потенциала. Этому должен способствовать разрабатываемый «Закон о демографической безопасности Республики Беларусь 2011–2015 гг.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина, А. Подсчитали – прослезились / А. Гурина // Брестский курьер. – 2010. – № 38. – С. 6.
2. Кавецкий, С.Т. Брестский социологический барометр / С.Т. Кавецкий. – Брест : Изд-во Академия, 2005. – 88 с.
3. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 479 с.

Kavetsky S.T. Issues of Demographic Safety During Systemic Transformation

The article studies versatile issues of demographic safety. The results of 2009 census in the Republic of Belarus are analyzed. Prospects of finding solutions to demographic problems are summarized on the basis of the case study among the students. The article states the need for comprehensive governmental actions aimed at ensuring demographic safety by developing and implementing short- and long-term demographic forecasts.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.05.2011

УДК 314.7 (476.7)

Т.А. Антонова

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИРЕСПУБЛИКАНСКОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО ИТОГАМ 2007–2009 гг.

В статье на основе исследования, проведенного в рамках выполнения задания Государственной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг., осуществлен сравнительный анализ статистических данных, характеризующих особенности внутриреспубликанской миграции населения области в 2007–2009 гг. Особое внимание уделено анализу следующих показателей: миграционному обороту (общему количеству прибывших и выбывших), сальдо миграции населения, направленности и характеру миграционных потоков, в том числе в разрезе районов, а также распределение мигрантов по полу, возрасту, уровню образования и семейному положению. Выявлены основные тенденции, свойственные внутриобластной миграции населения Брестской области на протяжении 2007–2009 гг., а именно: ведущая роль межрайонной миграции в структуре внутриобластных перемещений населения (с превалированием городского населения над сельским), преобладание в миграционных потоках лиц трудоспособного возраста, в том числе возрастной категории до 29 лет, имеющих среднее общее и высшее образование.

Введение

Экономико-географическое положение Брестской области оценивается специалистами как очень благоприятное и, хотя для современной экологической ситуации в области характерны две крупные проблемы: радиационное загрязнение в результате чернойбыльской катастрофы и негативные последствия крупномасштабной осушительной мелиорации – в целом ее природно-ресурсный потенциал определяется удовлетворительными природными условиями для развития сельского хозяйства и жизнедеятельности населения.

Развитию социально-демографического потенциала области на современном этапе присущи как общие для республики тенденции, так и некоторые особенности. Так, хотя темпы сокращения населения Брестской области самые низкие по сравнению с другими областями республики, что обусловлено как более высокими показателями рождаемости, так и меньшими по сравнению с другими областями значениями естественной убыли населения, начиная с 1994 г. в области происходит сокращение численности населения, главным образом, сельского. Стратегические задачи по стабилизации демографической ситуации в стране определяются в рамках Государственной программы демографической безопасности Республики Беларусь, и важное место в ней уделяется усилению роли государства в оптимизации миграционных процессов, в частности внутриреспубликанской миграции населения. Это связано с тем, что внутриреспубликанская миграция занимает ведущее место в миграции населения Беларуси, а направленность внутренних миграционных потоков оказывает существенное влияние не только на демографическую, но и на экономическую ситуацию как в отдельных регионах республики, так и в стране в целом. Именно поэтому особую значимость имеет статистический и социологический мониторинг миграционной ситуации, в частности, анализ характера и направленности миграционных потоков в разрезе отдельных регионов республики.

Анализ данных государственной статистики за 2007–2009 гг. показал, что основное место в структуре внутриреспубликанской миграции населения Брестской области занимает внутриобластная миграция. Так, в 2009 г. миграционный оборот в рамках внут-

риобластной миграции составил 63,8 % общего миграционного оборота области, превысив миграционный оборот в рамках межобластной миграции в 2 раза (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение внутренних миграционных потоков населения Брестской области в 2007–2009 гг.

Виды миграции	Год	Прибывшие		Выбывшие		Сальдо миграции, тыс. чел.	Миграционный оборот	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
Всего	2007	35,843	100	38,059	100	-2,216	73,902	100
	2008	36,895	100	36,783	100	112	73,678	100
	2009	39,583	100	42,476	100	-2,893	82,059	100
Внутриобластная	2007	24,546	68,5	24,546	64,5	–	49,092	66,4
	2008	24,022	65,1	24,022	65,3	–	48,044	65,2
	2009	26,165	66,1	26,165	61,6	–	52,330	63,8
Межобластная	2007	9,221	25,7	12,253	32,2	-3,032	21,474	29,1
	2008	10,668	28,9	11,540	31,4	-872	22,208	30,1
	2009	10,794	27,3	15,251	35,9	-4,457	26,045	31,7

Как видно из данных таблицы 1, общий миграционный оборот населения области в 2009 г. вырос по сравнению с 2008 г. на 8,4 тыс. чел., в том числе за счет внутриобластной миграции – на 4,3 тыс. чел.; за счет межобластной – на 3,8 тыс. чел. Общее сальдо миграции в отличие от 2008 г. было отрицательным и составило 2,9 тыс. чел., при этом основная убыль населения (4,5 тыс. чел.) произошла за счет межобластной миграции и превысила показатель 2008 г. на 3,6 тыс. чел. Всего в Брестскую область в 2009 году прибыло 39,6 тыс. чел., что на 2,7 тыс. чел. больше, чем в 2008 году; выбыло – 42,5 тыс. чел. (на 5,7 тыс. чел. больше, чем в 2008 г.). Миграционный оборот населения области составил 82,1 тыс. чел, превысив миграционный оборот 2008 г. на 11,4 %.

Анализ структуры внутриобластной миграции населения области в 2009 году показал, что в ней практически без изменений сохранились тенденции 2007–2008 гг. Так, ведущее место заняли перемещения населения между районами области, в пределах своего района перемещался примерно каждый шестой житель области (таблица 2).

Таблица 2 – Основные итоги внутриобластной миграции населения Брестской области в 2007–2009 гг.

Виды миграции	Год	Прибывшие		Выбывшие		Миграционный оборот	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Внутриобластная	2007	24,546	100	24,546	100	49,092	100
	2008	24,022	100	24,022	100	48,044	100
	2009	26,165	100	26,165	100	52,330	100
Межрайонная	2007	19,633	80,0	19,633	80,0	39,266	80,0
	2008	19,463	81,0	19,463	81,0	38,926	81,0
	2009	21,924	83,8	21,924	83,8	43,848	83,8
Внутрирайонная	2007	4,913	20,0	4,913	20,0	9,826	20,0
	2008	4,559	19,0	4,559	19,0	9,118	19,0
	2009	4,241	16,2	4,241	16,2	8,482	16,2

Как видно из данных таблицы, хотя в 2008 г. общий миграционный оборот населения Брестской области в рамках внутриобластной миграции уменьшился по сравнению с 2007 г. на 1,0 тыс. чел., в 2009 г. он опять вырос и составил 52,3 тыс. чел., превысив показатели 2007 г. на 3,2 тыс. чел., а 2008 г. на 4,3 тыс. чел. Такая же ситуация наблюдалась и в рамках межрайонной миграции, а вот что касается внутрирайонной миграции населения области, то здесь можно отметить устойчивую тенденцию к снижению показателя миграционного оборота населения с 9,8 тыс. чел. в 2007 г., до 8,5 тыс. чел. в 2009 г.

Основные итоги внутренней миграции населения Брестской области в разрезе районов представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Итоги миграции населения Брестской области по районам в 2007–2009 гг.

Районы	Год	Прибывшие		Выбывшие		Сальдо миграции	Миграционный оборот
		тыс. чел	%	тыс. чел.	%		
Всего	2007	35,843	100	38,059	100	-2,216	73,902
	2008	36,895	100	36,783	100	112	73,678
	2009	39,583	100	42,476	100	-2,893	82,059
Барановичский	2007	1,491	4,2	1,520	3,4	-29	3,011
	2008	1,509	4,1	1,469	4,0	40	2,978
	2009	1,313	3,3	1,659	3,9	-346	2,972
Березовский	2007	1,832	5,1	2,143	5,6	-311	3,975
	2008	2,052	5,6	2,120	5,8	-68	4,172
	2009	2,016	5,1	2,659	6,3	-643	4,675
Брестский	2007	1,714	4,8	1,664	4,4	50	3,378
	2008	1,643	4,5	1,529	4,2	114	3,172
	2009	1,269	3,2	1,340	3,2	-71	2,609
Ганцевичский	2007	913	2,5	1,171	3,1	-258	2,084
	2008	902	2,4	1,026	2,8	-124	1,928
	2009	834	2,1	1,347	3,2	-513	2,181
Дрогичинский	2007	1,217	3,4	1,607	4,2	-390	2,824
	2008	1,121	3,0	1,423	3,9	-302	2,544
	2009	1,060	2,7	1,764	4,2	-704	2,824
Жабинковский	2007	813	2,3	723	1,9	90	1,536
	2008	762	2,1	694	1,9	68	1,456
	2009	753	1,9	893	2,1	-140	1,646
Ивановский	2007	1,218	3,4	1,490	3,9	-272	2,708
	2008	1,203	3,3	1,400	3,8	-197	2,603
	2009	1,137	2,9	1,757	4,1	-620	2,894
Ивацевичский	2007	1,866	5,2	2,044	5,4	-178	3,910
	2008	1,934	5,2	2,050	5,6	-116	3,984
	2009	1,747	4,4	2,539	5,9	-792	4,286
Каменецкий	2007	797	2,2	1,244	3,3	-447	2,041
	2008	899	2,4	1,200	3,3	-301	2,099
	2009	864	2,2	1,341	3,2	-477	2,205
Кобринский	2007	2,744	7,7	2,781	7,3	-37	5,525
	2008	2,581	7,0	2,648	7,2	-67	5,229
	2009	2,247	5,7	3,079	7,2	-832	5,326

Продолжение таблицы 3

Лунинецкий	2007	1,892	5,3	2,304	6,1	-412	4,196
	2008	1,762	4,8	2,100	5,7	-338	3,862
	2009	1,617	4,1	2,358	5,6	-741	3,975
Ляховичский	2007	963	2,7	1,182	3,1	-219	2,145
	2008	818	2,2	1,196	3,3	-378	2,014
	2009	635	1,6	1,280	3,0	-645	1,915
Малоритский	2007	462	1,3	711	1,9	-249	1,173
	2008	447	1,2	560	1,5	-113	1,007
	2009	470	1,2	914	2,2	-444	1,384
Пинский	2007	1,287	3,6	1,797	4,7	-510	3,084
	2008	1,555	4,2	1,748	4,8	-193	3,303
	2009	1,673	4,2	2,387	5,6	-714	4,060
Пружанский	2007	1,236	3,4	1,686	4,4	-450	2,922
	2008	1,323	3,6	1,545	4,2	-222	2,868
	2009	998	2,5	1,873	4,4	-875	2,871
Столинский	2007	1,609	4,5	2,199	5,8	-590	3,808
	2008	1,160	3,1	1,853	5,0	-693	3,013
	2009	1,029	2,6	2,429	5,7	-1,400	3,458

Как видно из таблицы, общий миграционный оборот населения области вырос по сравнению с 2008 г. на 8,4 тыс. чел. Самый высокий миграционный оборот населения, также как и в 2008 г., был в Березовском (4,7 тыс. чел.), Ивацевичском (4,3 тыс. чел.), Кобринском (5,3 тыс. чел.) и Пинском (4,1 тыс. чел.) районах и составил 22,4 % всего миграционного оборота области в 2009 г. (в 2008 г. – 23,6 %); самый низкий – в Жабинковском (1,6 тыс. чел.), Ляховичском (1,9 тыс. чел.) и Малоритском (1,4 тыс. чел.) районах. В отличие от 2008 г., общее сальдо миграции стало отрицательным за счет всех районов и составило 2,9 тыс. чел., причем наибольшая убыль населения (1,4 тыс. чел.) отмечена в Столинском районе, а самая незначительная (71 чел.) – в Брестском. Лидерами по числу выбывших среди районов Брестской области в 2009 г. являются Березовский (2,7 тыс. чел.), Ивацевичский (2,5 тыс. чел.), Кобринский (3,1 тыс. чел.), Лунинецкий (2,4 тыс. чел.), Пинский и Столинский (по 2,4 тыс. чел.). Общее количество выбывших из этих районов составило 15,5 тыс. чел. (36,4 % всех выбывших в другие населенные пункты области). Районами самого интенсивного прибытия населения также явились Березовский (2,0 тыс. чел.), Кобринский (2,4 тыс. чел.), Ивацевичский (1,7 тыс. чел.), Лунинецкий (1,6 тыс. чел.) и Пинский (1,7 тыс. чел.). Общее количество прибывших в эти районы составило 9,3 тыс. чел. (23,5 % всех прибывших в область).

Что касается особенностей миграции городского и сельского населения области, то в 2009 г. миграционный оборот городского населения превысил миграционный оборот сельского на 22,5 тыс. чел., причем произошло это как за счет внутри-, так и за счет межобластной миграции таблица 4.

Таблица 4 – Миграция городского и сельского населения Брестской области в рамках внутрисубеспубликанской миграции в 2008–2009 гг.

	Городское население, тыс. чел.		Сельское население, тыс. чел.	
	2008 г.	2009 г.	2008 г.	2009 г.
Прибывшие	24,378	28,396	12,517	11,187

Продолжение таблицы 4

Внутриобластная миграция	15,350	18,548	8,672	7,617
Межобластная миграция	7,603	8,147	3,065	2,647
Выбывшие	21,090	23,896	15,693	18,580
Внутриобластная миграция	12,575	12,974	11,447	13,191
Межобластная миграция	7,624	10,159	3,916	5,092
Сальдо миграции	3,288	4,500	-3,176	-7,393
Внутриобластная миграция	2,775	5,574	-2,775	-5,574
Межобластная миграция	-21	-2,012	-851	-2,445
Миграционный оборот	45,468	52,292	28,210	29,767
Внутриобластная миграция	27,925	31,522	20,119	20,808
Межобластная миграция	15,227	18,306	6,981	7,739

Как видно из данных таблицы 4, общий миграционный оборот городского населения превысил миграционный оборот сельского в 1,8 раза: в рамках внутриобластной миграции в 1,5 раза; в рамках межобластной – в 2,4 раза. Ведущее место и у жителей городских поселений, и у сельского населения занимает внутриобластная миграция, причем более активно и в пределах своих районов, и между районами перемещаются городские жители. В целом миграционное сальдо по всем видам миграции для сельских жителей было отрицательным, а для городских сальдо было положительным в рамках внутриобластной и отрицательным в рамках межобластной миграции. Общий прирост населения области (4,0 тыс. чел.) в 2009 г. произошел за счет городских жителей, убыль (1,3 тыс. чел.) – за счет сельского населения.

Основную часть прибывших в область в 2009 г. составили лица возрастной категории до 29 лет. Их доля в миграционном потоке равнялась 76,8 %. Менее всего в составе прибывших было лиц 45–59 лет (6,8 %), а также 60 лет и старше (6,5 %) (таблица 5).

Таблица 5 – Основные итоги миграции населения Брестской области по возрасту в 2007–2009 гг. (из других областей и зарубежных стран)

Возраст	Год	Прибыло		Выбыло		Сальдо миграции	Миграционный оборот	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
Всего	2007	11,297	100	13,513	100	-2,216	24,810	100
	2008	12,873	100	12,761	100	112	25,634	100
	2009	13,418	100	16,311	100	-2,893	29,729	100
0–29 лет	2007	8,471	75,0	10,762	79,6	-2,291	19,233	77,5
	2008	9,865	76,6	10,066	79,7	-201	19,931	77,8
	2009	10,305	76,8	13,644	83,6	-3,339	23,949	80,6
30 лет – 44 года	2007	1,292	11,4	1,425	10,5	-133	2,717	11,0
	2008	1,357	10,5	1,371	10,7	-14	2,728	10,6
	2009	1,338	10,0	1,258	7,7	80	2,596	8,7
45–59 лет	2007	783	6,9	634	4,7	149	1,417	5,7
	2008	858	6,7	633	5,0	225	1,491	5,8
	2009	908	6,8	686	4,2	222	1,594	5,4
60 лет и старше	2007	751	6,6	692	5,1	59	1,443	5,8
	2008	793	6,2	691	5,4	102	1,484	5,8
	2009	867	6,5	723	4,4	144	1,590	5,3

Продолжение таблицы 5

Мигранты (из общего числа)								
16–30 лет	2007	7,500	66,4	9,831	72,8	-2,331	17,331	69,9
	2008	8,977	69,7	9,175	71,9	-198	18,152	70,8
14–30 лет	2009	9,530	71,0	12,934	79,3	-3,404	22,464	75,6
0–15 лет	2007	1,130	10,0	1,102	8,2	28	2,232	9,0
	2008	1,018	7,9	1,043	8,2	-25	2,061	8,0
	2009	1,118	8,3	1,095	6,7	23	2,213	7,4
Трудоспособного возраста	2007	9,284	82,2	11,611	85,9	-2,327	20,895	84,2
	2008	10,925	84,9	10,923	85,6	2	21,848	85,2
	2009	11,298	84,2	14,371	88,1	-3,073	25,669	86,3
Нетрудоспособного возраста	2007	883	7,8	800	5,9	83	1,683	6,8
	2008	930	7,2	795	6,2	135	1,725	6,7
	2009	1,002	7,5	845	5,2	157	1,847	6,2

Примечание: Трудоспособный возраст: женщины – 16 лет – 54 года, мужчины – 16–59 лет; нетрудоспособный возраст: женщины – 55 лет и старше, мужчины – 60 лет и старше.

Как видно из данных таблицы 5, основная миграционная убыль населения (3,3 тыс. чел.) произошла за счет лиц возрастной категории до 29 лет и превысила показатель 2008 г. в 16 с лишним раз. В возрастных категориях 45–59 лет и 60 лет и старше произошел прирост населения соответственно на 222 и 144 человека. Повышенная миграционная активность в Брестской области характерна лицам трудоспособного возраста (женщины 16–54 лет, мужчины 16–59 лет); на них приходится 86,3 % всего миграционного оборота населения области в 2009 г.

Анализ внутренней миграции населения по уровню образования показал, что наибольший миграционный оборот в области составили лица со средним общим (54,4 %) и высшим (21,5 %) образованием (таблица 6).

Таблица 6 – Основные итоги миграции населения Брестской области в возрасте 16 лет и старше по уровню образования в 2007–2009 гг.

Образование	Год	Прибыло		Выбыло		Сальдо миграции	Миграционный оборот	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
Всего	2007	10,167	100	12,411	100	-2,244	22,578	100
	2008	11,855	100	11,718	100	137	23,573	100
	2009	12,300	100	15,216	100	-2,916	27,516	100
Высшее	2007	2,957	29,1	2,377	19,2	580	5,334	23,6
	2008	3,823	32,2	2,199	18,8	1,624	6,022	25,5
	2009	3,767	30,6	2,150	14,1	1,617	5,917	21,5
Среднее специальное	2007	2,612	25,7	2,840	22,9	-228	5,452	24,1
	2008	1,714	14,5	2,072	17,7	-358	3,786	16,1
	2009	2,179	17,7	2,186	14,4	-7	4,365	15,9
Среднее общее	2007	3,805	37,4	6,344	51,1	-2,539	10,149	45,0
	2008	5,485	46,3	6,506	55,5	-1,021	11,991	50,9
	2009	5,346	43,5	9,626	63,3	-4,280	14,972	54,4

Продолжение таблицы 6

Базовое общее	2007	585	5,8	647	5,2	-62	1,232	5,5
	2008	598	5,0	733	6,3	-135	1,331	5,6
	2009	771	6,3	1,056	6,9	-285	1,827	6,6
Начальное общее	2007	208	2,0	203	1,6	5	411	1,8
	2008	235	2,0	208	1,8	27	443	1,9
	2009	237	1,9	198	1,3	39	435	1,6

Как видно из данных таблицы 6, прирост населения области произошел в основном за счет лиц с высшим образованием (1,6 тыс. чел.). Самая большая убыль населения (4,3 тыс. чел.) пришлась на граждан со средним общим образованием и превысила показатель 2008 г. в 4 с лишним раза.

Анализ структуры внутренней миграции населения Брестской области по полу показывает, что женщины обладают большей миграционной активностью, чем мужчины (таблица 7).

Таблица 7 – Основные итоги миграции населения Брестской области по полу (2007–2009 гг.)

Пол	Год	Прибыло		Выбыло		Сальдо миграции	Миграционный оборот	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
Всего	2007	11,297	100	13,513	100	-2,216	24,810	100
	2008	12,873	100	12,761	100	112	25,634	100
	2009	13,418	100	16,311	100	-2,893	29,729	100
Мужчины	2007	5,301	46,9	6,231	46,1	-930	11,532	46,5
	2008	5,895	45,8	5,574	43,7	321	11,469	44,7
	2009	5,896	43,9	6,892	42,3	-996	12,788	43,0
Женщины	2007	5,996	53,1	7,282	53,9	-1,286	13,278	53,5
	2008	6,978	54,2	7,187	56,3	-209	14,165	55,3
	2009	7,522	56,1	9,419	57,7	-1,897	16,941	57,0

Как видно из данных таблицы 7, миграционный оборот женщин продолжает расти и по итогам 2009 г. составил 57,0 % всего миграционного оборота области. Численность женщин в составе прибывших в города и села области составила 7,5 тыс. чел., или 56,1 % общего числа прибывших, а число выбывших – 9,4 тыс. чел. (57,7 %). Соответственно общая численность прибывших в область мужчин за этот же период составила 5,9 тыс. чел. (43,9 %), выбывших – 6,9 тыс. чел. (42,3 %). В целом миграционный оборот женщин в 2009 г. вырос по сравнению с 2008 г. на 2,8 тыс. чел. и превысил миграционный оборот мужчин на 4,2 тыс. чел.

Большинство как прибывших, так и выбывших из области, также как и в предыдущие годы, в 2009 г. составили лица, никогда не состоявшие в браке. Эта же категория населения проявляет и большую миграционную активность. Так, в 2009 г. миграционный оборот граждан, никогда не состоявших в браке, был 18,7 тыс. чел. (67,9 % общего миграционного оборота области) и в 2,7 раза превысил миграционный оборот семейных граждан (таблица 8).

Таблица 8 – Основные итоги миграции населения Брестской области в возрасте от 16 лет и старше по семейному положению в 2007–2009 гг.

Семейное положение	Год	Прибыло		Выбыло		Сальдо миграции	Миграционный оборот	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%		тыс. чел.	%
Всего	2007	10,167	100	12,411	100	-2,244	22,578	100
	2008	11,855	100	11,718	100	137	23,573	100
	2009	12,300	100	15,216	100	-2,916	27,516	100
Состоят в браке	2007	3,387	33,3	3,467	27,9	-80	6,854	30,4
	2008	3,723	31,4	3,241	27,7	482	6,964	29,5
	2009	3,614	29,4	3,262	21,4	352	6,876	24,9
Никогда не состояли в браке	2007	5,745	56,5	8,040	64,8	-2,295	13,785	61,1
	2008	7,123	60,1	7,581	64,7	-458	14,704	62,4
	2009	7,602	61,8	11,078	72,8	-3,476	18,680	67,9
Вдовы	2007	434	4,3	401	3,2	33	835	3,7
	2008	453	3,8	406	3,5	47	859	3,6
	2009	493	4,0	402	2,6	91	895	3,3
Разведенные	2007	601	5,9	503	4,1	98	1,104	4,9
	2008	556	4,7	490	4,2	66	1,046	4,4
	2009	591	4,8	474	3,1	117	1,065	3,9

Как видно из данных таблицы, общее сальдо миграции в 2009 г. было отрицательным и существенно превысило (на 3,1 тыс. чел.) показатель 2008 г., при этом убыль населения (3,5 тыс. чел.) произошла за счет никогда не состоявших в браке. Прирост населения за счет остальных категорий мигрантов был незначительным и составил 560 человек.

Выводы

Общий миграционный оборот населения Брестской области в 2009 г. превысил миграционный оборот 2008 г. на 11,4 % (8,4 тыс. чел.) и составил 82,1 тыс. чел., при этом в рамках внутрирайонной миграции он снизился (на 0,6 тыс. чел.), а в рамках межрайонной вырос на 4,9 тыс. чел. В целом миграционный оборот населения в рамках внутриобластной миграции составил 63,8 % общего миграционного оборота области, превысив миграционный оборот в рамках межобластной миграции в 2 раза. Общее сальдо миграции в отличие от 2008 г., было отрицательным и составило 2,9 тыс. чел., при этом основная убыль населения (4,5 тыс. чел.) произошла за счет межобластной миграции, превысив показатель 2008 г. на 3,6 тыс. чел.

Анализ структуры внутриобластной миграции населения в 2009 году показал, что в ней практически без изменений сохранились тенденции 2007–2008 гг. Так, ведущее место (83,8 %) заняли перемещения населения между районами области, в пределах своего района перемещался каждый шестой мигрант области. В целом межрайонные перемещения населения области превысили внутрирайонные в 5 с лишним раз. Общий миграционный оборот населения области вырос по сравнению с 2008 г. на 8,4 тыс. чел., в том числе в рамках внутриобластной миграции – на 4,3 тыс. чел. Самый высокий миграционный оборот населения, также как и в 2008 г., имел место в Березовском (4,7 тыс. чел.), Ивацевичском (4,3 тыс. чел.) Кобринском (5,3 тыс. чел.) и Пинском (4,1 тыс. чел.) районах и составил 22,4 % всего миграционного оборота области в 2009 г. (в 2008 г. – 23,6 %); самый низкий – в Жабинковском (1,6 тыс. чел.), Ляхович-

ском (1,9 тыс. чел.) и Малоритском (1,4 тыс. чел.) районах. В отличие от 2008 г. общее сальдо миграции стало отрицательным за счет всех районов и составило 2,9 тыс. чел., причем самая большая убыль населения (1,4 тыс. чел.) произошла в Столинском районе, а самая незначительная (71 чел.) – в Брестском.

Миграционный оборот городского населения области в 2009 г. превысил миграционный оборот сельского на 22,5 тыс. чел., причем произошло это как за счет внутриобластной, так и межобластной миграции. Общий миграционный оборот городского населения превысил миграционный оборот сельского в 1,8 раза, в том числе в рамках внутриобластной миграции в 1,5 раза, в рамках межобластной – в 2,4 раза. Ведущее место и у жителей городских поселений, и у сельского населения занимает внутриобластная миграция, причем более активно и в пределах своих районов, и между районами перемещаются городские жители. В целом миграционное сальдо внутривнутриреспубликанской миграции для сельских жителей было отрицательным, для городских – положительным в рамках внутриобластной и отрицательным – в рамках межобластной миграции. Общий прирост населения области (4,0 тыс. чел.) в 2009 г. произошел за счет городских жителей, убыль (1,3 тыс. чел.) – за счет сельского населения.

Основную часть прибывших в Брестскую область в 2009 г. составили лица возрастной категории до 29 лет. Их доля в миграционном потоке равнялась 76,8 %. Менее всего в составе прибывших было лиц 45–59 лет (6,8 %), а также 60 лет и старше (6,5 %). Основная миграционная убыль населения (3,3 тыс. чел.) произошла за счет лиц возрастной категории до 29 лет, превысив показатель 2008 г. в 16 с лишним раз. В возрастных категориях 45–59 лет и 60 лет и старше произошел прирост населения соответственно на 222 и 144 человека. Повышенной миграционной активностью в Брестской области обладают лица трудоспособного возраста (женщины 16–54 лет, мужчины 16–59 лет); их миграционный оборот составил 86,3 % всего миграционного оборота населения области в 2009 г.

Анализ внутренней миграции населения по уровню образования показал, что наибольший миграционный оборот в области составили лица с общим средним (54,4 %) и высшим (21,5 %) образованием. Прирост населения области произошел в основном за счет лиц с высшим образованием (1,6 тыс. чел.). Самая большая убыль населения (4,3 тыс. чел.) пришлась на граждан с общим средним образованием, превысив показатель 2008 г. в 4 с лишним раза.

Отличительной особенностью внутривнутриреспубликанской миграции населения Брестской области по полу и семейному положению явилось то, что при сохранившихся тенденциях 2007–2008 гг. (большей миграционной подвижности женщин, преобладании в миграционных потоках лиц, никогда не состоявших в браке) в 2009 г. эти показатели существенно выросли. Так, миграционный оборот женщин вырос по сравнению с 2008 г. на 2,8 тыс. чел. и составил 16,9 тыс. чел., превысив миграционный оборот лиц мужского пола на 4,2 тыс. чел. Миграционный оборот никогда не состоявших в браке составил 18,7 тыс. чел. (67,9 % общего миграционного оборота области) и в 2,7 раза превысил миграционный оборот граждан, состоящих в браке (в 2008 г. эти показатели составляли соответственно 14,7 тыс. чел. (62,4 %) и 2,1 раза).

В итоге преобладание среди мигрантов лиц женского пола, а также граждан, не состоящих в браке, с экономической точки зрения, ведет к застою и убыточности многих сельскохозяйственных предприятий (из-за нехватки рабочей силы), приводит к нарушению баланса между мужской и женской частью населения, что отрицательно сказывается на демографической ситуации в регионе – снижается рождаемость, трансформируется возрастная структура в пользу пожилого возраста, и соответственно, растет уровень смертности населения. Активизация выполнения мер, запланированных в рамках Государственных программ возрождения и развития села и ком-

плексной программы развития регионов, малых и средних городских поселений, а именно: повышение доходов сельского населения, развитие жилищного строительства, коммунального обслуживания, электрификации, газификации, водоснабжения, модернизация дорог и транспортного обеспечения в сельской местности призваны способствовать увеличению привлекательности для мигрантов области сельских населенных пунктов, малых и средних городов, которые на сегодняшний момент остаются районами выбытия населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь : стат. сб. / Мин-во стат. и анализа Респ. Беларусь. – Минск, 2008. – 55 с.
2. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2009. – 50 с.
3. Миграция населения по потокам по Республике Беларусь за январь–декабрь 2009 г. – Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2010. – 15 с.
4. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – 61 с.

Antonova T.A. Peculiarities of Intrarepublican Migration of the Population in Brest Region: a Comparative Analysis on the Results of 2007–2009

The article gives a comparative analysis of statistical data characterizing some peculiar features of the intrarepublican migration of the population in Brest Region in 2007–2009 as part of the accomplishment of the task of State Programme for Demographic Security in Belarus in 2007–2010. Special attention is paid to the analysis of the following indicators: migratory turnover (a total of those who arrived and left), balance of population, direction and character of migration flows including by district as well as to the distribution of migrants by sex, age, marital status and educational level. Some basic tendencies peculiar to intraregional population migration in Brest Region throughout 2007–2009 are revealed, namely: leading role of interdistrict migration in the structure of intraregional migrations of the population (with a prevalence of urban population over rural), prevalence in the migration flows of persons of working age, including the age category before 29 years of age, having general secondary education and higher education.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.05.2011

УДК 316.654:621.039]:32.019.5(476)

Е.В. Мартищенко

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДЕКВАТНОГО ЦЕЛЯМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

В статье рассматриваются результаты социологического мониторинга общественного мнения по проблемам использования атомной энергетики как одной из мер повышения уровня энергобезопасности республики. Обосновывается необходимость формирования общественного мнения, адекватного задачам повышения энергобезопасности страны и целям ее социально-экономического развития.

Введение

Как известно, электричество является наиболее технологичным и экологически чистым источником обеспечения производственной и бытовой сферы человеческого сообщества теплом и энергией. Мировая практика показывает, что прирост 1 % ВВП требует увеличения около 0,5 % потребляемого энергоресурса. Исходя из этого развитие мировой и национальной экономики требует постоянного увеличения выработки и использования электричества. Для экспортно ориентированной и промышленно развитой Беларуси эта проблема вдвойне актуальна. От состояния энергетической отрасли страны напрямую зависят ее производственные возможности и перспективы экономики, социальное самочувствие и уровень жизни населения. В настоящее время Беларусь импортирует более 80 % потребляемых энергоресурсов. Практически весь потребляемый в стране газ, а также большая часть нефти завозятся из России. Все это, учитывая обострившиеся по ценовому фактору ситуацию на рынке энергоресурсов и монозависимость от российских поставщиков, отрицательно сказывается на энергобезопасности нашей республики. Исходя из этого, а также учитывая мировую тенденцию ускоренного развития атомной энергетики, наряду с диверсификацией источников и расширением круга поставщиков энергоресурсов, в Беларуси было принято решение о строительстве собственной АЭС, ввод которой позволит существенно снизить зависимость от импорта энергоресурсов и обеспечить республику относительно дешевой энергией.

Использование атомных электростанций имеет ряд очевидных преимуществ перед тепловыми (ТЭЦ) и гидроэлектростанциями (ГЭС): отсутствие или минимум вредных выбросов, характерных для тепловых электростанций и для них практически не устранимых; отсутствие необходимости вести масштабные объемы строительства, как при строительстве ГЭС на равнинных реках с выводом из сельскохозяйственного оборота и затоплением огромных территорий, в том числе и обжитых людьми (хоронить плодородные земли на дне водохранилищ не лучшее решение для развития сельского хозяйства страны), возводить плотины, которые в случае техногенных или природных катастроф представляют достаточно серьезную опасность, что в полной мере подтвердила последняя авария на крупнейшей ГЭС России. Земельный ресурс лучше использовать для обеспечения страны продовольствием, увеличивая производство и поставки

Научный руководитель – С.А. Шавель, доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом Института социологии НАН Беларуси

сельскохозяйственной продукции на экспорт, что позволит достичь долгожданного положительного сальдо во внешней торговле. Не стоит забывать и об экономической составляющей вопроса: себестоимость энергии, произведенной на АЭС, значительно ниже, чем на станциях, использующих органические виды топлива или местные ресурсы. Общеизвестно и многократно проверено практикой, что на АЭС значительно ниже транспортные расходы и удельный вес топливной составляющей затрат на производство электроэнергии (на АЭС – 20 %, на ТЭС на газе – 81 %, на ТЭС на угле – 50 %), что положительно отразится на тарифах для потребителей, в том числе и для населения.

Как показывают результаты проводимого в республике мониторинга общественного мнения по проблемам использования атомной энергетики, отдельные граждане все еще ставят целесообразность строительства и эксплуатации АЭС под сомнение из-за того, что атомные станции якобы более всех других энергоисточников наносят вред окружающей среде. На самом деле все это с точностью до наоборот. Как показывает практика, экологичность выработки электроэнергии на АЭС в разы превышает экологичность ее выработки на углеводородных источниках и местных видах топлива. Пожалуй, более экологичны, чем АЭС, только электростанции, использующие энергию солнечного излучения или ветра. Но используемые сегодня ветровые и гелиостанции маломощны и не могут обеспечить в достаточных объемах все возрастающие потребности людей в тепле и электроэнергии. Кроме того, вырабатываемая на них электроэнергия наиболее дорогая по себестоимости.

Также необходимо отметить, что в современных условиях растущих цен на любое энергетическое топливо очень значимой является и возможность повторного использования топлива (после регенерации). Расщепляющийся материал (U-235) выгорает в ядерном цикле не полностью и может быть использован снова (в отличие от золы и шлаков органического топлива). В перспективе возможен полный переход на замкнутый топливный цикл, что означает полное отсутствие отходов [1, с. 6]. Кроме того, в пользу атомной энергетики говорит и возможность закупки и хранения ядерного топлива в запас. Ядерное топливо в этом плане представляет собой наилучший вариант. Запас этого вида топлива можно сделать на несколько циклов работы реакторов сроком на 10 и более лет, тем более что при хранении он будет занимать гораздо меньшее пространство в отличие от остальных, менее энергоемких видов топлива: 1 килограмм урана с обогащением до 4 %, используемого в ядерном топливе, при полном выгорании выделяет энергию, эквивалентную сжиганию примерно 100 тонн высококачественного каменного угля (1,5 железнодорожных вагона) или 60 тонн нефти (1 железнодорожная цистерна) [1, с. 6].

Здравый смысл подсказывает, что в современных условиях, когда в соседних государствах уже имеются действующие АЭС, ведется или намечается строительство новых, абсолютных гарантий радиационной безопасности для Беларуси быть не может. Анализ сложившихся тенденций в области использования атомной энергетики в ведущих странах мира позволяет сделать вывод о том, что наступает эпоха ядерного ренессанса. Прогнозируемые многими мировыми организациями и аналитиками рост населения планеты и поступательное экономическое развитие потребуют уже к 2020 г. увеличения в 2 раза мирового энергопотребления по сравнению с сегодняшним уровнем, а к 2050 г. эти потребности возрастут в 3 раза и более. В условиях истощения планетарных запасов традиционных углеводородных энергоресурсов все обостряющихся экологических проблем при их использовании позиции ядерной энергетики укрепляются, происходит ускорение темпов ее развития после наблюдавшегося в 1990-е годы спада интереса к ней, связанного с несколькими техногенными авариями, и в первую очередь, катастрофой на ЧАЭС в 1986 г.

Во многих зарубежных государствах решения вопросов развития в стране ядерной энергетики принимаются на основе обязательного учета мнения населения

(социологические мониторинги общественного мнения или референдумы). В ходе этих мероприятий население оценивает позитивы и негативы атомной энергетики и в зависимости от этой оценки выражает ту или иную степень поддержки намерений государственной власти по строительству АЭС. При этом итоги подобных референдумов и мониторингов общественного мнения носят только рекомендательный характер, но, как правило, учитываются исполнительной властью. Беларусь при принятии решения о строительстве АЭС руководствуется теми же принципами. Начиная с 2005 года Институтом социологии НАН Беларуси по соглашению с Министерством энергетики Республики Беларусь начато проведение социологического мониторинга проблем развития энергетической отрасли, в который были включены и вопросы о возможности развития ядерной энергетики в нашей стране. В каждом из проводимых опросов (2005, 2006, 2008 и 2010 гг.) респондентам задавался вопрос: «Нужно ли развивать в РБ ядерную энергетику?» (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Нужно ли развивать в РБ ядерную энергетику?», %

Ответовы	Сентябрь 2005 г.	Август 2006 г.	Январь 2008 г.	Февраль 2010 г.
Да	28,3	28,8	54,8	57,0
Нет	46,7	41,8	23,0	19,6
Затрудняюсь ответить	25,0	28,6	21,8	22,5
Нет ответа	–	0,8	0,4	0,9

Данные, приведенные в таблице 1, показывают, что уже к 2008 году произошло качественное изменение массового сознания и выражающего его общественного мнения по данной проблеме. Число положительных ответов на вопрос, должна ли Беларусь развивать собственную ядерную энергетику, выросло с 2005 года вдвое: с 28,3 % до 57,0 %; еще более значительно, соответственно уменьшились отрицательные ответы с 46,7 % до 19,6 %. Как видно, наметившиеся позитивные тенденции роста степени поддержки населением необходимости строительства АЭС в настоящее время заметно усилились. В 2010 году по сравнению с 2008 на 3,6 % стало меньше противников ядерной энергетики и на 2,3 % выросло число голосов за ее развитие в Беларуси. Таким образом, позитивные тенденции усилились на 5,8 процентных пункта, что является статистически значимой величиной [2, с. 57].

Однако необходимо отметить и тот факт, что некоторая, пусть уже и не такая значительная, как в 2005 году, часть населения все еще не определилась в этих вопросах, о чем говорит число затруднившихся ответить в ходе проводимых опросов, но сдвиги есть и в этой группе. Так, если в 2005 году затруднился с ответом на вопрос «Нужна ли Беларуси атомная энергетика?» каждый четвертый респондент, то в настоящее время – 22,5 % от числа опрошенных. Правда, в 2006 году число неопределившихся даже возросло до 29,4 %. Это было связано с тем, что в тот период наметился переход в информационной работе от преимущественного показа последствий чернобыльской аварии к объяснению содержания и возможности ядерной энергетики в стране, анализу и демонстрации опыта других стран. Такая смена акцентов некоторых респондентов ставила в затруднение, что привело к увеличению числа неопределившихся в оценках по вопросам использования атомной энергетики при проведении опроса в 2006 году. Как показывают результаты мониторинга общественного мнения по поводу развития ядерной энергетики, в нашей республике степень поддержки насе-

лением строительства АЭС имеет прямую корреляцию с уровнем его осведомленности в этих вопросах. Поэтому можно предположить, что при более полной и качественной информационно-разъяснительной работе с населением сегодняшние 22,5 % затруднившихся ответить на этот вопрос могут стать значительным резервом в усилении степени поддержки ядерной энергетики после того, как они в полной мере осознают позитивы ее использования для страны и для себя лично.

При анализе данных, полученных в 2005 году, нами была выдвинута рабочая гипотеза о том, что негативное отношение населения к ядерной энергетике в основном базируется на воспоминаниях людей о чернобыльской трагедии, а также их слабой информированности по позитивам использования ядерной энергии. В результате этого была сделана необходимая корректировка содержания системы информирования населения по проблемам использования атомной энергетики, а также форм и методов этой работы, проводимой руководством и специалистами Минэнерго, СМИ, местными органами власти.

При проведении опросов в 2008 и 2010 гг. для того, чтобы выяснить, насколько качественно проводится информационно-разъяснительная работа с населением, в анкету были включены несколько вопросов по поводу полноты и качества информации об использовании атомной энергетики. Выяснилось, что в настоящее время наблюдается пока не очень заметная тенденция к повышению степени достаточности информации. До сих пор 51,3 % респондентов считают, что, хотя информация по данной теме есть, но ее очень мало, и только 15,5 % из них отвечали, что информации по данной теме достаточно, а 12,2 % – что она практически отсутствует таблица 2.

Таблица 2 – Оценка о строительстве АЭС в Беларуси по степени ее достаточности, %

Находите ли Вы достаточной, представляемую в различных СМИ республики информацию о строительстве в Беларуси АЭС?	Всего	
	2008	2010
1. Считаю, что информация по данной теме практически отсутствует	17,0	12,2
2. Информация есть, но ее очень мало	55,8	51,3
3. Информации по данной теме достаточно	10,6	15,5
4. Затрудняюсь ответить	16,1	20,4
5. Нет ответа	0,5	0,6

Мы видим, что даже среди сторонников строительства АЭС в Беларуси больше тех, кто отвечал «мало что знаю по данной проблеме» (31,9 %), а тех, кто считает, что знает основные плюсы и минусы использования этого вида энергии на 4,4 процентных пункта меньше. Среди противников развития ядерной энергетики в нашей стране больше половины тех, кто знает больше о связанных с ней угрозах и рисках – 53,1 %, мало что знают по этой проблеме в группе противников строительства АЭС – 27,9 %, и только 14,6 % из этой группы считают, что знают основные плюсы и минусы использования ядерной энергетики. Также необходимо отметить, что самое большое число тех, кто мало что знает по данной проблеме, находится в категории тех, кто затруднился ответить на вопрос о необходимости развивать ядерную энергетику в Беларуси (49,9 %). И наименьшее количество в этой категории тех, кто хорошо знает основные плюсы и минусы ядерной энергетики – 5,6 %.

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос 11 в зависимости от степени их знакомства с положительными и отрицательными моментами использования ядерной энергетики, %

В какой мере Вы знакомы с положительными и негативными моментами ядерной энергетики?	Должна ли, на Ваш взгляд, иметь и развивать ядерную энергетику Беларусь?			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
1. Хорошо знаю ее основные «плюсы» и «минусы»	27,5	14,6	5,6	19,8
2. Знаю больше о ее положительных сторонах	13,1	1,7	4,1	8,8
3. Знаю больше о связанных с ней угрозах и рисках	25,9	53,1	37,5	34,0
4. Мало что знаю по данной проблеме	31,9	27,9	49,9	35,3
5. Другое	1,1	1,8	2,2	1,5

Результаты мониторинга зафиксировали устойчивую положительную тенденцию в восприятии населением необходимости использования атомной энергетики. Общественное мнение начало меняться в сторону усиления поддержки строительства АЭС. Отсюда можно сделать вывод, что для сохранения и усиления этой желательной для общества тенденции необходимо будет при строительстве нескольких ядерных реакторов и соответствующем наращивании объемов использования ядерного топлива существенно скорректировать, а скорее всего, полностью не менять саму парадигму изучения общественного мнения с учетом этих реалий и перестраивать структуру и содержание системы информирования населения с преимущественного разъяснения необходимости использования атомной энергетики к пропаганде ее позитивов для технико-технологического и социально-экономического развития страны.

В настоящее время принципиально изменился и, мир и коммуникативные возможности средств массовой информации. Многократно возросло число информационных каналов, пытающихся воздействовать и воздействующих на людей. Анализ различных источников информации (газет, журналов, интернета) показывает, что информация об использовании ядерной энергии пока еще в большей степени носит отрицательный характер. Положительная информация если и присутствует в СМИ, то имеет вид призывов или лозунгов либо включает слишком много специальных терминов и технических описаний, которые простому читателю мало понятны. Доступной же для широкого круга читателей аналитики положительного характера по этим вопросам в СМИ пока еще очень мало. И, напротив, противники развития ядерной энергетики в этом плане достаточно системны, организованны, ведут наступательную кампанию, ищут поддержки у зарубежных оппозиционных структур, по известным причинам не заинтересованным в интеллектуальном и социально-экономическом развитии нашей страны. Во-первых, вся информация (в большинстве своем содержащая отрицательные отзывы об атомной энергетике) подается ими эмоционально окрашенной, написанной доступным для большинства населения языком, без сложной терминологии. Во-вторых, основной упор в подобной информации делается на упоминании не преодоленных последствий чернобыльской трагедии. И, в-третьих, что немаловажно, достаточно часто можно встретить в подобных статьях подробный анализ (в том числе и экономический) всех «минусов» использования ядерной энергии со ссылками на различные источники, как государственные, так и негосударственные, которые проверить сложно, да

и делать это практически никто не будет. И естественно, что в таком «анализе» самому человеку разобраться будет очень сложно.

Для снятия этой проблемы, на наш взгляд, руководителям и специалистам отрасли, ученым, идеологической вертикали консолидированно с Министерством информации и республиканскими СМИ необходимо принять уже сегодня контрмеры, повести наступательную работу с тем, чтобы на каждый аргумент противников строительства АЭС отвечать серией корректных по отношению к оппонентам статей в газетах, журналах, а также сети интернет с достаточно исчерпывающей информацией и доступной для широкого круга читателей аналитикой по следующим вопросам:

- 1) преимущества атомной энергетики по сравнению с углеводородными, местными видами топлива и другими источниками;
- 2) стоимость и сроки окупаемости строительства АЭС;
- 3) срок эксплуатации строящейся АЭС;
- 4) стоимость электроэнергии, вырабатываемой на АЭС в сравнении с электроэнергией, вырабатываемой на станциях других видов;
- 5) меры по обеспечению безопасности реакторов строящейся АЭС;
- 6) что конкретно даст строительство АЭС для развития экономики и социальной сферы, роста профессионально-квалификационного и интеллектуального потенциала Беларуси и повышения ее имиджа в мировом сообществе.

Заключение

На наш взгляд, привлечь внимание населения республики к положительным моментам использования атомной энергии можно, организовав хорошо подготовленные и корректные к иной точке зрения дискуссии на телевидении и по радио.

Результаты социологического мониторинга общественного мнения по проблемам использования в республике атомной энергетики убедительно подтверждают необходимость дальнейшего, постоянного и поступательного совершенствования системы информационно-разъяснительной работы с населением по всем ее направлениям с тем, чтобы оно не только осознало безальтернативность строительства АЭС для достижения необходимого уровня энергобезопасности страны, но и увидело те его огромные позитивы, которые она принесет технико-технологическому и социально-экономическому развитию страны. Причем не только увидело, но и прониклось гордостью за свою страну, способную осуществить столь высокоинтеллектуальный проект, с реализацией которого она откроет для себя новые перспективы на путях инновационного обновления и прорыва в экономическое и социальное процветание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев, И.В. Как работает АЭС? Доступно о сложном / И.В. Беляев. – Минск : Дом прессы, 2009.
2. Изучить динамику общественного мнения по проблеме ядерной энергетики в республике : отчет о НИР (заключ.) / ГНУ «Ин-т социологии НАН Беларуси»; рук. темы М.Н. Хрус. – Минск, 2010. – 220 с. – № ГР 20093518 от 23.12.2009.

Martischenkova E.V. The Problems of Forming the Public Opinion on Nuclear Energy Adequate to the Objectives of Social and Economic Development of Belarus

The article examines the results of the sociological monitoring of public opinion on the use of nuclear energy as one of the measures to improve energy security of the country. The article substantiates the necessity of forming adequate public opinion in line with the objectives of energy safety of the country and its socio-economic development.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.01.2010

УДК 316.77

А.А. Широканова

ФОРМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научная коммуникация как система взаимодействия между учеными и другими агентами процесса производства нового научного знания подвергается существенному влиянию информационно-коммуникационных технологий. Сетевая структура коммуникации стимулирует развитие новых форм и средств научного взаимодействия, междисциплинарного знания, формирование международных исследовательских групп. Быстрый рост количества научных публикаций, рост соавторства, создание публикаций в открытом доступе существенно усложняют структуру формальной научной коммуникации. В свою очередь, развитие научных сетевых сообществ создает альтернативные структуры коммуникации в науке. В данной работе произведен теоретический обзор, чтобы установить, способны ли данные тенденции изменить «невидимые колледжи» и структуры власти в науке. Делается вывод, что новые технологии интегрируются в систему научной коммуникации, личное общение ученых продолжает играть ключевую роль, но формы и результаты научной коммуникации обогащаются.

Введение

Проблема развития научной коммуникации в условиях информационного общества стала темой многих научных исследований с началом массового развития интернета. Сначала возможности использования интернета в научной коммуникации вызвали большой энтузиазм среди ученых: «Сеть продолжает важную социальную революцию... Люди, использующие компьютерные сети, в сущности, сегодня создают новый метод производства и распространения творчества и научных трудов» [1]. Теперь же ученые более сдержанны в оценках трансформационного потенциала глобальной сети, хотя большинство из них признают, что современное общество постепенно попадает в зависимость от состояния своей информационной инфраструктуры. Превалирующей тенденцией начала XXI в. стало расширение мирового информационного пространства и становление нового информационного порядка, который открывает возможность безграничного на глобальном уровне интерактивного информационного взаимодействия [2, с. 111–114]. В информационной экономике информация и интеллектуальные ресурсы общества превращаются в основной механизм социально-экономического развития государства [2, с. 120]. Научное знание становится самостоятельным товаром, способным кардинально трансформировать структуру социальной коммуникации и управления благодаря возрастающему участию в этих процессах производителей и носителей знания [3, с. 41].

Беларусь находится на пути построения информационного общества, но на начальном его этапе [4, с. 3]. Количество пользователей интернет в Беларуси растет и составляет уже около 3,1 миллиона человек (2010 г.) [5, р. 24], или около 35 % населения страны. Для сравнения, в России в 2010 г. этот показатель составил 36 %, в Латвии – 65 %, Литве – 57 %, Польше – 55 %, Украине – 21 %. При этом доля широкополосного, т.е. высокоскоростного, доступа в Беларуси является на данный момент самой низкой по региону – 9 % (в Польше, Латвии, Литве – около 50 %, в России – 18 %, Украине – 11 %) [5, р. 14–16]. Участие ученых из Беларуси в международных научных сетях (например, academia.edu или scirepeople.ru) также остается пока весьма ограниченным.

Научный руководитель – А.В. Рубанов, доктор социологических наук, профессор, декан факультета философии и социологии Белорусского государственного университета

Коммуникационная природа информационного общества раскрывается в новых возможностях социальной коммуникации, появляющихся в рамках нетрадиционных информационно-компьютерных технологий, сетей и сообществ [3, с. 75]. *Научная коммуникация* определяется в литературе как «творческое взаимодействие ученых в процессе работы», «интенсивное профессиональное общение о результатах научной работы». В широком смысле это «процесс связи, общения ученых и других агентов научной деятельности» [6, с. 5–8]. Подчеркивается, что научная коммуникация предполагает обмен и обсуждение *нового* знания, полученного в собственных исследованиях автора и основанного на наблюдении и проверяемых фактах [7, р. 25]. Изучение формальной научной коммуникации связано с учетом перекрестных ссылок в публикациях; неформальная коммуникация изучается через научные сообщества и закономерности их взаимодействия [6, с. 17].

Особое место в изучении научной коммуникации занимает понятие «невидимого колледжа», обозначающее элитарную группу ученых, поддерживающих неформальные связи и наиболее известных в данной исследовательской области [8, с. 210; 9, с. 335]. Это ядро развития науки, «внутренняя группа» в противоположность существующим формальным научным институтам. Данная концепция, несмотря на ее широкое распространение, не всегда подтверждалась на практике: наука представляла не как совокупность изолированных групп, а как широкая, рассредоточенная сеть [10, с. 158].

Если о становлении глобального сетевого сообщества социологи заговорили относительно недавно, особенно в связи с работами М. Кастельса [11], то о сетевой структуре коммуникации между учеными как эффективно опосредующей создание и приращение научного знания было известно значительно раньше [6, с. 18]. Начиная с XVII в. наука считается «открытой» коммуникативной системой, основанной на возможно широком распространении идей и результатов исследований, допускающей их неограниченное рассмотрение, критику и обсуждение. В науке действуют свои механизмы, обеспечивающие обмен идеями, универсальную доступность результатов исследований, независимо от места и времени (лежащие в основе данных механизмов принципы были сформулированы Р. Мертоном в концепции научного этоса). Подобным механизмом является организованная система научной коммуникации, которая выполняет специфические функции (например, распространение, доступ, сохранение) и действует как социальная система в том смысле, что исключенный из системы коммуникации не может быть членом научного сообщества [7, с. 26]. Ей предшествовала существующая до сих пор практика научной коммуникации, основанная на личных сетях, укорененных во множестве путешествий и личных встречах, лекциях, обмене письмами [7, с. 29]. Современный расцвет концепция развития научной мысли как взаимодействия и конкурентной борьбы сетей получила в работах Р. Коллинза [12]. В соответствии с этой концепцией, институциональная организация науки, мультипарадигмальный характер ряда дисциплин, «укорененность» исследований в научных школах и сетях личностных отношений обуславливают проблемный характер научной коммуникации как системы [13, с. 127].

Насколько велико тогда влияние информационного общества на научную коммуникацию? Возможно ли в принципе поддерживать продуктивные отношения онлайн между членами сети, которые могут никогда и не встретиться?

Цель данной статьи – определить влияние информационного общества, глобального роста и распространения информационно-коммуникационных технологий на развитие научной коммуникации. Для этого предполагается, во-первых, определить новые возможности научной коммуникации в информационном обществе; во-вторых, установить, влияет ли компьютерная коммуникация на функционирование «невидимых колледжей»; в-третьих, выяснить, как оценивается роль личной коммуникации между учеными в информационном обществе.

Тематика научной коммуникации в современном обществе широко представлена как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Особую значимость имеют теоретические работы М. Кастельса, Р. Коллинза, а также ряд классических исследований Б. Гриффита, Д. Крейн, Д. Прайса. Современное осмысление данной тематики в российской и белорусской социологической мысли представлено трудами П.Г. Арефьева, Г.С. Батыгина, Д. Иванова, А.А. Лазаревича, Д.И. Широканова. Обзоры современной научной коммуникации представлены в работах Э. Мирского, Э. Одлызко, Дж. Оуэна, М. Нагодко и др.

Новые формы научной коммуникации в информационном обществе

Цифровая среда изменила способы взаимодействия в науке: нормой становится сотрудничество, пересекающее рамки конкретных институтов и даже государств, особенно в технических и медицинских науках [14, s. 45]. Необходимость сотрудничества в науке обусловлена усложнением процесса научного исследования. Среднее число авторов научных работ выросло вдвое с 1,8 в 1955 г. до 3,5 в 1995 г. и до 4,5 сегодня [14, s. 32; 15, p. 273]. Как отмечается, устойчивый рост коллективных работ в различных дисциплинах демонстрирует глубокую трансформацию природы научного исследования и отражает рост специализированного знания, который для адекватного комментария по всем затронутым аспектам заставляет объединяться нескольких экспертов. Рост совместных исследований опосредовался именно развитием информационно-коммуникационных технологий [15, p. 273]. Как результат, развивается глобальное сотрудничество, которое ведет к образованию новых измерений научной коммуникации и создания знания [16, p. 163].

Критики концепции информационного общества отмечают, что современное общество характеризуется массовым тиражированием информации, а не непосредственно ростом создания знания [17, с. 360]. И критики, и энтузиасты отмечают, что электронные научные статьи в основном повторяют принятый формат научной публикации и что виртуальные формы взаимодействия (например, научные сетевые сообщества) в значительной степени воспроизводят существующие институциональные формы взаимодействия [7, p. 36; 17, с. 365]. В этом смысле растущий успех публикаций в открытом доступе и открытых архивов основан на «традиционном» жанре научной статьи [14, s. 37]. Однако наряду с этим подчеркивается растущее значение гипертекста как новой формы сообщения [18] и повсеместно признается трансформирующее воздействие информационно-коммуникационных технологий на повседневные коммуникации между учеными. Быстрый обмен сообщениями увеличивает скорость коммуникации, облегчает групповую работу, поддерживает сильные и слабые связи между участниками коммуникации [19, p. 217]. Если предположить отсутствие качественной разницы между личной и опосредованной научной коммуникацией, то становление информационного общества и распространение интенсивной компьютерной коммуникации может привести к реструктурированию системы научной коммуникации прежде всего благодаря неформальным контактам и сетевым характеристикам научной коммуникации.

В целом «фактор интернета» сказывается на социальной организации науки и формах воспроизводства научного знания через слияние отраслей знания, изменение тем исследований, развитие новых научных направлений. Одновременно наблюдается рост неформальной коммуникации, быстрый информационный обмен интеракциями [20, с. 2]. Кроме роста неформальной коммуникации, возможно, наибольшая трансформация в информационном обществе происходит с информационными ресурсами науки: архивами, базами данных и т.д. Существующая система информационного обеспечения науки сталкивается с необходимостью уменьшать количество доступных в библиотеках журналов в связи с ростом их стоимости и количества. В результате ограничивается доступ ученых к

научным ресурсам и эффективность самой системы научной информации. В качестве ответной реакции на данные процессы самими учеными создаются принципиально новые типы ресурсов, как-то: электронные журналы с интерактивным рецензированием, архивы научных статей и базы данных, изначально находящиеся в открытом доступе.

Движение в сторону открытого доступа, по мнению наблюдателей, следует рассматривать не как трансформацию научного жанра, а как попытку сместить контроль над научной коммуникацией от индустрии коммерческих издательств назад в научный мир [14, s. 37]. Легкость доступа и использования являются главными факторами в развитии научной коммуникации. Электронный доступ к научной информации меняет паттерны ее использования, так что даже к старым текстам обращаются намного чаще, чем раньше [15, p. 276]. Поскольку создание знания представляет собой внутренне рекурсивный процесс обращения к старому знанию для создания нового, многократное использование научных данных позволяет более эффективно создавать сеть из семантически взаимосвязанных объектов информации [16, p. 163].

Таким образом, новая информационная среда способствует значительному росту и интенсификации взаимодействия между учеными различных дисциплин и организаций. Растет количество международных и междисциплинарных проектов, создаются новые направления исследований, организация которых была затруднена в традиционной организационной структуре научной коммуникации. Помимо этого, усиливаются неформальные контакты между учеными, которые позволяют им создавать новые формы представления научных данных, архивы и научные журналы высокого уровня, реализуемые за счет самоорганизации ученых. Хотя формы научной коммуникации (например, научная статья) по большей части остаются прежними, значительно увеличилось разнообразие тем, подходов и групповых исследований.

Демократизация научной коммуникации

Можно согласиться с мнением, что телекоммуникационный обмен, напрямую связывающий субъектов в коммуникационном акте, является прямым выражением принципов научного этоса: универсализма, коммунизма, незаинтересованности и организованного скептицизма, т.е. это эгалитарная по своей природе телекоммуникационная форма производства знания [18, с. 8]. Насколько влияет данная природа на структуру научной коммуникации?

Реструктурирование дисциплинарных границ и направлений в науке, а значит, и образование новых иерархических структур в значительной степени определяется коммуникацией в дискурсивном сообществе. Компьютерная коммуникация делает научного сотрудника менее зависимым от институциональных норм: «невидимый колледж» и «поддержка в сети» могут играть не менее важную роль, чем позиция в формально организованном сообществе. Сетевые коммуникации способствуют формированию устойчивых, долговременных контактов; при этом отсутствие определенного места встречи освобождает обмен сообщениями от неизбежных в других случаях ограничений [18, с. 6].

Компьютерно-опосредованная коммуникация позволяет контактам быть асинхронными, соединяя людей, находящихся в разных местах в различное время. В то же время сохраняется и развивается возможность синхронной коммуникации в виде интернет-конференций онлайн [19, p. 217]. Таким образом, значительно возрастают возможности регулярного участия в сеансах коммуникации пространственно отдаленных участников. Сетевая научная коммуникация в силу горизонтального характера организации сети создает ряд особенностей научного взаимодействия. Со временем в сети складываются особые нормы и стандарты поведения, отличающиеся от норм и стандартов поведения в институциональной организации [18, с. 9], то есть происходит институционализация па-

раллельной системы коммуникации. Насколько постоянно и при каких условиях подобные контакты ведут к установлению тесных исследовательских связей, пока не выявлено. Так или иначе при достаточной регулярности они формируют социальные структуры ученых, существующие параллельно формальным организациям.

Научные сетевые сообщества не только объединяют ученых из разных организаций вокруг научных проектов и тем исследования, но и выступают как социальный капитал участников, используемый для транслирования информации, формирования репутации, что особенно важно для исследователей из отдаленных городов и молодых ученых [21, с. 107–108]. Расширение охвата научной коммуникации потенциально может изменить современные структуры власти в науке, «невидимые колледжи»: с помощью онлайн-новых научных дискуссий ученые в менее известных или географически удаленных учреждениях могут сотрудничать с главными научными центрами [22, р. 28–31]. Однако пока это только возможность развития.

Таким образом, компьютерно-опосредованная научная коммуникация открывает небывалые перспективы для создания новых сетей исследователей, для расширения научного влияния через сетевые научные сообщества, через участие в организации данных сообществ и совместных научных проектов. Данное обстоятельство имеет особое значение для развития и распространения результатов исследований, проведенных в отдалении от организационных центров науки, в том числе и для нашей страны. Большую роль сетевые научные сообщества, прежде всего неформальные, играют в распространении научной информации по всем направлениям. Мы предполагаем, что на основании имеющихся данных можно говорить о создании новых «невидимых колледжей» и формировании научных элит на основе представленности их работ в Сети. Данное обстоятельство не в последнюю очередь связано с участием ученых в новых формах научной коммуникации, связанных со свободным доступом к научным материалам. Вместе с тем важно отметить, что новые коммуникационные технологии предоставляют те же возможности и для существующих «невидимых колледжей», которые также могут наращивать интенсивное неформальное научное общение и свой социальный капитал. Возможно, именно этот тип коммуникации является решающим для эффективной научной коммуникации.

Будущее научной коммуникации в информационном обществе

Итак, новые информационно-коммуникационные технологии не столько перестраивают сложившуюся систему научной коммуникации, сколько интегрируют в нее новые способы и средства коммуникации. Сегодняшняя научная коммуникация как никогда ранее становится зависимой от технических средств передачи информации, а сетевые структуры в науке стали настолько тесными, что отдельный ученый не может производить исследований в одиночку и без использования приборов и оборудования. Отмечается, что узлы в сети знания включают сегодня индивидов, а также агрегаты индивидов (группы, отделы, организации и агентства). Все чаще узлы включают и такие элементы, как, например, хранилища информации, веб-сайты, базы данных и библиотеки, автоматические программы [23, р. 250].

Хотя теоретики информационного общества обычно представляют интернет-пространство как свободное поле для общения, чаще всего компьютерная коммуникация поддерживается членами научных сообществ, знающих друг друга в «обычном режиме», и сообщения, возникшие в одной информационной среде (в лаборатории, издательстве, на конференции), продолжают в онлайн-режиме. Поэтому можно говорить, что «реальные» и виртуальные сообщества различаются не столько по составу, сколько по форме коммуникации» [18, с. 6]. Иными словами, речь идет о том, что к компьютерной коммуникации склонны прибегать наиболее активные члены сообщества, а также что онлайн-овая

коммуникация имеет, в основном, вспомогательный характер. Как показало масштабное исследование, частота непосредственного, личного общения играет решающую роль в создании доверия и взаимности, а следовательно, и в распространении знания как в группах соприсутствия, так и в распределенных группах [24, р. 458]. Конечно, подобные выводы требуют дальнейшего подтверждения. Однако предварительно можно говорить, что современная научная коммуникация интегрируется в существующие формы взаимодействия, не опровергая их. Хотя роль технических средств в научной коммуникации возрастает, однако базовые контакты и создание доверия между учеными реализуется прежде всего через личное общение. При этом новые формы коммуникации могут значительно повысить продуктивность научной работы: «совместная работа над текстом не требует личной встречи, однако сохранение автономии и одновременно возможности непосредственной коммуникации значительно усиливает [ее] производительность» [18, с. 9].

Заключение

В информационную эпоху сетевая структура науки и принципы ее построения остаются теми же: знание (intelligence) содержится в сети как целое, а не в ее отдельных частях [23, р. 249], при этом трактовка «сети» и конфигурации внутри нее значительно расширяются.

Как показало наше исследование, развитие телекоммуникационной среды не ведет к отказу от традиционных способов коммуникации и распространения информации, а появление новых технологических устройств не означает вытеснение старых. Интернет не уничтожит печатную публикацию и не заменит живого человеческого общения. «Сеть – это лишь очередное дополнение информационных и когнитивных возможностей» [20, с. 20]. Компьютерные социальные сети стирают организационные границы, при этом поддерживая старые и новые «невидимые колледжи» распределенных в пространстве профессионалов [19, р. 228]. Использование интернет-коммуникации усиливает возможность поддержки «незримых колледжей» и ухода от разного рода институциональных зависимостей [18, с. 3].

Подобное обстоятельство особенно важно для становления и развития новых направлений научной деятельности в Республике Беларусь. Сетевое научное взаимодействие открывает широкие возможности международного сотрудничества, способствующего быстрому распространению новых научных знаний и развитию новых направлений исследования. Решение современных глобальных проблем становится возможным лишь при эффективном взаимодействии научных групп и коллективов в рамках существующих организационных форм. С помощью таких форм взаимодействия осуществляется более быстрый обмен полученными данными, сами данные проходят внутреннюю проверку качества между участниками научного сообщества, а научная коммуникация становится более независимой от устоявшихся глобальных структур власти в науке. Это, несомненно, способствует развитию информационного общества в Беларуси, участию белорусских исследователей в передовых исследованиях и повышению эффективности научного взаимодействия в Республике Беларусь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hauben, M. The Expanding Commonwealth of Learning / M. Hauben // Netizens: On the History and Impact of Usenet and the Internet [Electronic resource]. – 1997. – Mode of access: <http://www.columbia.edu/~rh120/ch106.x16>. – Date of access : 02.03.2011.
2. Широканов, Д.И. Информационные ценности в контексте процессов глобализации / Д.И. Широканов, М.К. Буслова // Грядущее информационное общество / А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2006. – С. 97–130.

3. Лазаревич, А.А. Глобальная информационная эпоха / А.А. Лазаревич // Грядущее информационное общество / А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2006. – С. 12–75.
4. Лазаревич, А.А. Введение / А.А. Лазаревич // Грядущее информационное общество / А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2006. – С. 3–11.
5. Do you CEE? The Internet market of Central and Eastern Europe. 2nd edition [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <http://www.internetcee.com/>. – Date of access: 15.03.2011.
6. Мирский, Э.М. Проблемы исследования коммуникации в науке / Э.М. Мирский, В.Н. Садовский // Коммуникация в современной науке / Сост., общ. ред., вступ. ст. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. – М. : Прогресс, 1976. – С. 5–26.
7. Owen, J.M. The Scientific Article in the Age of Digitization / J.M. Owen. – Dordrecht: Springer, 2007. – 265 p.
8. Крейн, Д. Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимом колледже» / Д. Крейн // Коммуникация в современной науке. – М. : Прогресс, 1976. – С. 183–218.
9. Прайс, Д.Дж. Сотрудничество в «невидимом колледже» / Д.Дж. Прайс, Д. де Б. Бивер // Коммуникация в современной науке. – М. : Прогресс, 1976. – С. 335–350.
10. Гриффит, Б.Ч. Сети неформальной коммуникации среди продуктивных ученых / Б.Ч. Гриффит, А.Дж. Миллер // Коммуникация в современной науке. – М. : Прогресс, 1976. – С. 155–182.
11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
12. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
13. Олейник, А.Н. Научная коммуникация на стыке парадигм / А.Н. Олейник // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 116–128.
14. Nahotko, M. Komunikacja naukowa w środowisku cyfrowym. Globalna biblioteka cyfrowa w informatycznej strukturze nauki / M. Nahotko. – Warszawa : Wydawnictwo SBP, 2010. – 284 s.
15. Odlyzko, A.M. The future of scientific communication / A.M. Odlyzko // Access to Publicly Financed Research: The Global Research Village III / ed. by P. Wouters and P. Schroeder. – Amsterdam : NIWI, 2000. – P. 273–278.
16. Brünger-Weilandt, S. E-Science – Advancing new ways of scientific communication / S. Brünger-Weilandt // Information Services and Use. – 2007. – Vol. 27. – P. 161–166.
17. Иванов, Д. Общество как виртуальная реальность / Д. Иванов // Информационное общество: сб. / сост. А. Лактионова. – М. : АСТ, 2004. – С. 355–427.
18. Батыгин, Г.С. Социология и интернет: науки и образование в виртуальном пространстве / Г.С. Батыгин // Социологический журнал [Электронный ресурс]. – 2001. - № 1. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj1-01bat.html>. - Дата доступа: 01.05.2011.
19. Computer Networks as Social Networks: Collaborative Work, Telework, and Virtual Community / B. Wellman [et al.] // Annual Review of Sociology. – 1996. – Vol. 22. – P. 213–238.
20. Арефьев, П.Г. Интеграция российского академического сообщества в глобальные коммуникации / П.Г. Арефьев // Социологический журнал [Электронный ресурс]. – 2001. – № 2. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01aref.html>. – Дата доступа: 02.05.2011.

21. Щеглова, С.Н. Участие и формы взаимодействия социологов в научном сетевом сообществе / С.Н. Щеглова // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 106–113.

22. Anderson, C.M. Computer-Mediated Communication, The Invisible College and Visiting Scholars: An Exploratory Study / C.M. Anderson // Journal of Computing in Higher Education. – 1997. – No. 1. – P. 27–48.

23. Contractor, N.S. Managing Knowledge Networks / N.S. Contractor, P.R. Monge // Management Communication Quarterly. – 2002. – Vol. 16. – P. 249–258.

24. Suh, A. Exploring the effects of online social ties on knowledge sharing / A. Suh, K. Shin // Journal of Information Science. – 2010. – Vol. 36. – P. 443–463.

Shirokanova A.A. Forms of Scientific Communication in Information Society

Scientific communication, as a system of interactions between scientists, tends to transform dramatically under conditions of information society and rapid development of information and communications technologies. Network communication encourages transcending organizational boundaries in science, i.e. developing interdisciplinary knowledge and international research teams. A great increase in the number of scientific publications, growth of co-authorship, and popularity of open access publications all influence the structure of formal scientific communication. Moreover, scientific Internet communities produce alternative structures of communication. In this paper, a theoretical review is done in order to identify whether «invisible colleges» and other power structures are affected. The conclusions are that personal contacts between scientists remain crucial for scientific communication and that new technologies integrate into the system of communication by bringing about new forms of communication, thus contributing to the development of science.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.06.2011

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыйныя калегіі;

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *М.М. Аляшчэня, К.А. Зуева, Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 14.11.2011 Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 15,58.
Тираж 100 экз. Заказ № 601.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Антановіч Н.А. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Антонана Т.А. – навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Бакуменка Т.А. – старшы выкладчык кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Брэская В.Ю. – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт

Давыдзенка С.С. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт Беларускага гандлёва-эканамічнага ўніверсітэта спажывецкай кааперацыі (г. Гомель)

Кавецкі С.Ц. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Котляр І.І. – кандыдат філасофскіх навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Куіш А.Л. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і метадалогіі ўніверсітэцкай адукацыі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Маладцова І.Я. – загадчык Лабараторыі палітычных тэхналогій юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Мартышанкава А.У. – аспірант 3-га года навучання Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Мельнікаў А.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Міхайлава Н.В. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Мінскага дзяржаўнага вышэйшага радыятэхнічнага каледжа

Нарыжная А.П. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт Беларускага гандлёва-эканамічнага ўніверсітэта спажывецкай кааперацыі (г. Гомель)

Нікановіч Н.А. – навуковы супрацоўнік Цэнтра сацыяльна-філасофскіх і антрапалагічных даследаванняў Інстытута філасофіі НАН Беларусі

Рашэтнікава Н.С. – навуковы супрацоўнік Лабараторыі палітычных тэхналогій юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Севярын Э.М. – выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна, аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Фінслер В.У. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шыракананава Г.А. – магістр сацыялагічных навук, аспірант кафедры сацыялогіі факультэта філасофіі і сацыяльных навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Якавук Т.І. – кандыдат культуралогіі, доктар сацыялагічных навук, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ярмох Эдвард – доктар сацыялагічных навук, прафесар, намеснік дэкана па навуковай працы, загадчык кафедры сацыяльнай работы Прыродазнаўча-гуманітарнага ўніверсітэта (г. Седльцэ, Рэспубліка Польшча)